

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 23.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Нагорная проповѣдь. (Опытъ изъясненія ученія Господа нашего Ісуса Христа съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрвцательною критикою новѣйшаго времени) (продолженіе). Свящ. *Т. Бутневича* 595—622

Вступительная лекція въ курсъ богословія, читанная въ Ярославскомъ Демидовскомъ Юридическомъ Лицѣѣ 1891 г. 12 сентября. *Н. Смирнова* 623—642

Очеркъ православнаго Церковнаго права (продолженіе). Профессора *М. А. Остроумова* (въ особомъ приложеніи). 257—272

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Монизмъ или дуализмъ? Профессора Кіевской Духовной Академіи *П. Липицкаго* 465—484

«Теодицея» Лейбница. Разсужденіе о благодти Божіей, свободѣ человѣческой и началѣ зла. Часть третья. (Окончаніе). *Н. Истомина* 485—512

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Списокъ лицамъ, коимъ преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, безъ грамотъ.—Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова Божія протоіереямъ и священникамъ города Харькова и подгородныхъ селеній въ теченіе 1892 г.—Постановленіе Харьковскаго Епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1890/91 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки: Погребеніе И. Г. Харитоненко.—Рѣчь Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исеканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ № Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гляровскаго, Столѣнниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостиный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Декабря 1891 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

(Опытъ изъясненія ученія Господа нашего Іисуса Христа съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени).

(Продолженіе *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Евангельскихъ блаженствахъ.

Фактическая сторона произнесенія Спасителемъ ученія о блаженствахъ въ нашихъ евангельскихъ повѣствованіяхъ представляется такимъ образомъ. Послѣ Своего крещенія на Іорданѣ отъ Іоанна и послѣ искушенія въ пустынѣ отъ діавола, Господь нашъ Іисусъ Христосъ возвратился въ Галилею и началъ проповѣдывать и говорить: „покайтесь; ибо приблизилось царство небесное“ (Мѣ. IV, 13). Хотя, по свидѣтельству евангелиста Маттея, Іисусъ Христосъ „поселился въ Капернаумѣ приморскомъ“, но въ этомъ городѣ Онъ оставался весьма непродолжительное время. Вскорѣ, по словамъ того же самаго евангелиста, Онъ отправился изъ Капернаума съ проповѣдію о царствіи Божіемъ по берегамъ Тиверіадскаго озера, гдѣ призвалъ въ число Своихъ послѣдователей и учениковъ Симона и Андрея, сыновей Іониныхъ, и двухъ сыновей Зеведеевыхъ—Іакова и Іоанна. „И ходилъ Іисусъ, повѣствуетъ евангелистъ (Мѣ. IV, 23—25), по всей Галилеѣ, уча въ сина-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 21, 1891 г.

гогахъ ихъ, и проповѣдуя Евангеліе царствія, и исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ. И пропелъ о Немъ слухъ по всей Сиріи; и приводили къ Нему всѣхъ немощныхъ, одержимыхъ различными болѣзнями, и припадками, и бѣсноватыхъ, и лунатиковъ, и разслабленныхъ, и Онъ исцѣлялъ ихъ. И слѣдовало за Нимъ множество народа изъ Галилеи и десятиградія, и Іудеи, и изъ-за Іордана“. „Увидѣвъ народъ, Онъ взошелъ на гору; и, когда сѣлъ, приступили къ Нему ученики Его“. „Народъ, говоритъ Златоустъ ¹⁾, смотрѣлъ на чудеса, а ученики хотѣли слышать что-либо высокое и великое. Это и заставило Иисуса Христа предложить ученіе и начать проповѣдь. Потому что Онъ не только исцѣлялъ тѣла, но врачевалъ и души, и опять отъ попеченія о душахъ переходилъ къ попеченію о тѣлахъ, разнообразя пользу и соединяя съ ученіемъ словеснымъ явленіе знаменій, и заграждая безстыдныя уста еретиковъ тѣмъ самымъ, что имѣлъ попеченіе о душѣ и вмѣстѣ о тѣлѣ; а тѣмъ показывалъ, что Онъ есть виновникъ всецѣлой жизни“.

Итакъ, увидѣвъ народъ, Иисусъ Христосъ взошелъ на обширную террасу Тиверіадской возвышенности, а когда приступили къ Нему ученики Его, а вмѣстѣ съ ними и множество народа, Онъ, отверзши уста Свои, училъ ихъ, говоря:

„Блаженны нищіе духомъ; ибо ихъ есть царство небесное.

Блаженны плачущіе; ибо они утѣшатся.

Блаженны кроткіе; ибо они наслѣдуютъ землю.

Блаженны алчущіе и жаждущіе правды; ибо они насытятся.

Блаженны милостивые; ибо они помилованы будутъ.

Блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ.

Блаженны миротворцы; ибо они будутъ наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду; ибо ихъ есть царство небесное.

Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня.

¹⁾ Бес. на Мч. М. 1846, ч. I, стр. 265.

Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ; такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ (Мѡ. V, 1—12).

Напротивъ горе вамъ, богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе.

Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчете.

Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ! ибо восплачете и возрыдаете.

Горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо! ибо такъ поступали съ лжепророками отцы ихъ“ (Лук. VI, 24—26).

Это ученіе Господа нашего Иисуса Христа уже съ весьма древнихъ временъ стало извѣстнымъ между христіанскими богословами, какъ и христіанами вообще, подъ именемъ „ученія Христа о блаженствахъ“ или „евангельскихъ заповѣдей“; но точнѣе его слѣдовало бы обозначать какъ ученіе о подвигахъ, ведущихъ человѣка къ вѣчному блаженству.

Что же здѣсь слѣдуетъ разумѣть подъ „блаженствомъ?“ Русскимъ словомъ—*блаженны* переводится греческое слово *μακάριος* (въ *Вулгатѣ*—*beati*, у *Лютера* переведено словомъ—*Selig*). Греческое же слово *μακάριος* значитъ—блаженный, счастливый, благополучный, въ дальнѣйшемъ значеніи—усопшій, умершій (*ὁ μακαρίτης*—покойникъ, усопшій, *ἡ μακαρίτις*—покойница, умершая). Если же словомъ—*μακάριος* Иисусъ Христосъ указываетъ на блаженство, находящееся, по словоупотребленію еще древнихъ до христіанскихъ грековъ, въ связи съ загробнымъ бытіемъ, то ясно, что подъ евангельскимъ блаженствомъ нельзя разумѣть только земное благополучіе, или земное счастье. То же самое подтверждаетъ и внутренній смыслъ ученія Иисуса Христа о блаженствахъ, когда въ немъ блаженство „пищихъ духомъ“ и „изгнанныхъ за правду“ прямо вводится въ понятіе „царства небснаго“ и когда всѣмъ блаженнымъ вообще обѣщается „великая награда на небесахъ“.

Евангельскіе критики, какъ мы упомянули уже, называютъ ученіе Христа о блаженствахъ—Его „*Magna Charta*“ царствія Божія, „программою“ Его ученія и Его будущей дѣятельности. Въ этомъ они правы. Дѣйствительно, въ ученіи о блаженствахъ Христосъ ясно открылъ Своимъ слушателямъ, чего Онъ требуетъ отъ Своихъ послѣдователей для ихъ вступленія въ

царствіе Божіе и чего, съ другой стороны, они могутъ ожидать отъ Него, какую награду получаютъ они, если станутъ слѣдовать Его ученію, и какъ глубоко ошибаются тѣ, которые думаютъ видѣть въ Немъ Мессію политическаго и ожидаютъ отъ Него благополучія земнаго. „Въ этой проповѣди,—говоритъ *Неандеръ* ¹⁾, Онъ (т. е. Христосъ) раскрылъ рядъ органически-соединенныхъ между собою истинъ, рассчитанныхъ именно на точку зрѣнія этихъ людей (тогдашнихъ слушателей Его), которымъ царство Божіе должно было представляться какъ цѣль ветхозавѣтнаго развитія, какъ исполненіе и завершеніе того, что было подготовляемо въ ветхомъ завѣтѣ. Нагорная проповѣдь образуетъ поэтому переходной пунктъ отъ закона къ Евангелію, она представляетъ христіанство какъ преобразованное, одухотворенное іудейство; идея царства Божія въ ней является господствующею, и отношеніе къ лицу теократическаго царя примыкаетъ къ ней только съ этой стороны. Съ самаго начала чрезъ всю рѣчь проходитъ, если и не выраженное опредѣленнымъ образомъ, все-таки въ дѣйствительности заключающееся въ ней противоположеніе,—противоположеніе по отношенію къ плотскому направленію іудейскаго духа, которое ярко отпечатлѣлось на представленіяхъ о мессіанскомъ царствѣ и о необходимыхъ условіяхъ для участія въ немъ. Оба представленія находятся въ тѣсной связи между собою и одно должно было измѣниться вмѣстѣ съ другимъ“. Подобное же сужденіе о характерѣ евангельскаго ученія о блаженствахъ высказываетъ также и *Ольгаузенъ* ²⁾.

Для болѣе удобнаго разсмотрѣнія и изъясненія ученія Господа нашего Иисуса Христа о блаженствахъ, издавна принято христіанскими богословами раздѣлять его на отдѣльные заповѣди или требованія, которыя необходимо выполнить желающимъ войти въ царствіе Божіе. Но насколько именно заповѣдей должно раздѣлять это ученіе Иисуса Христа? Въ рѣшеніи этого вопроса христіанскіе толковники не всегда согласны между собою. Бл. *Августинъ*, а за нимъ и всѣ католическіе

¹⁾ Das Leben Iesu Christi, 1874, стр. 289.

²⁾ Bibl. Comm. B. I, стр. 202.

богословы вообще насчитываютъ только *восемь* заповѣдей блаженствъ (они соединяютъ въ одну заповѣдь 8-ю и 9-ю, какъ опредѣляютъ ихъ богословы Православной Церкви); протестантскіе богословы, какъ, напр., *Ольсгаузенъ, Мейеръ, Ляме, Эвальдъ, Неандеръ, Эбрардъ, Кёстлингъ* и мн. др. ¹⁾, все ученіе Христа о блаженствахъ раздѣляютъ на *семь* основоположеній или заповѣдей, признавая тождественною заповѣдь о нищихъ духомъ съ заповѣдію объ изгнанныхъ за правду и соединяя въ одну заповѣдь, подобно католикамъ, 8-ю и 9-ю заповѣди. *Делмигъ* указываетъ даже *десять* заповѣдей блаженствъ, считая отдѣльною и самостоятельною заповѣдію заключительныя слова въ ученіи Христа о блаженствахъ: „Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ“, и называя эту заповѣдь „полнозвучащимъ финаломъ“ ученія Христа о блаженствахъ. На самомъ дѣлѣ онъ принимаетъ это дѣленіе только потому, что и въ этомъ отношеніи ему хотѣлось бы провести строгую аналогію между евангельскимъ ученіемъ о блаженствахъ и ветхозавѣтнымъ десятословіемъ. За то есть богословы,—какъ, напр., *Вейсъ*,—которые все ученіе Иисуса Христа о блаженствахъ раздѣляютъ лишь на *три* заповѣди. Богословами Православной Церкви указывается обыкновенно *девять* заповѣдей евангельскихъ блаженствъ.

Что сказать по поводу этого разногласія въ опредѣленіи числа евангельскихъ заповѣдей? Хотя внѣшнее, формальное раздѣленіе ученія Господа нашего Иисуса Христа о блаженствахъ и не представляетъ само по себѣ особенно важнаго значенія; но если уже нужно высказаться о немъ, то несомнѣнно наиболѣе вѣрнымъ слѣдуетъ признать дѣленіе, указываемое богословами Православной Церкви. Въ пользу этого говорить, какъ увидимъ ниже, самое содержаніе ученія Христова, указывающее *девять* отличныхъ другъ отъ друга подвиговъ христіанской жизни, а съ другой стороны для такого дѣленія представляетъ достаточное основаніе даже и внѣшняя форма изло-

¹⁾ Ср. Meyer, Krit. exeg. Kommentar, 1864, 1te Abth., 1te Hälfte, стр. 138. Подстрочное примѣчаніе; Olshausen, Bibl. Comm. B. 1, стр. 202; Joh. Peter Lange, Das Leben Jesu, 3tes Buch, стр. 64—68.

женія этого ученія,—слово μακάριοι—*блаженны*—здѣсь повторяется самимъ Иисусомъ Христомъ именно *девять* разъ. Вотъ почему дѣленію, принятому православными богословами, будемъ слѣдовать и мы, переходя за симъ къ частному изъясненію каждой заповѣди Іисуса Христа о блаженствахъ.

Первая заповѣдь блаженства.

Μακάριοι οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι· ὅτι αὐτῶν ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν, (Matth. 5. 3).

„*Блаженны нищіе духовъ; ибо ихъ есть царство небесное!*“
Значить,—кто хочетъ быть наслѣдникомъ царствія небеснаго, тотъ, по ученію Спасителя, долженъ быть *нищъ духовъ!*

Что, повидимому, можетъ быть яснѣе этого изреченія Спасителя? А между тѣмъ, отрицательная евангельская критика такъ умѣетъ затемнить ясный смыслъ его своими тенденціозными толкованіями, что волей—неволей приходится считаться съ нею.

Дѣло вотъ въ чемъ. Если мы сравнимъ текстъ этой заповѣди, какъ онъ приведенъ нами изъ Евангелія отъ Матоея, съ текстомъ евангелиста Луки (по греческому чтенію), то мы увидимъ, что въ послѣднемъ нѣтъ слова—τῷ πνεύματι—*духовъ*, а сказано только: μακάριοι οἱ πτωχοὶ—*блаженны нищіе*. На этомъ основаніи нѣкоторые отрицательные евангельскіе критики, какъ, напр., *Де Ветте, Штраусъ, Кеймъ, Ренанъ, Фонъ-деръ-Альма* и др.¹⁾, признающіе будто бы нагорную проповѣдь подлинною только въ повѣствованіи евангелиста Луки, утверждаютъ, что Іисусъ Христосъ имѣлъ здѣсь въ виду *нищихъ* въ собственномъ смыслѣ, т. е., людей, не имѣющихъ матеріальнаго достатка, и ублажаетъ бѣдныхъ, какъ таковыхъ. за одну ихъ бѣдность, въ чисто эвѣонитскомъ смыслѣ, а богатыхъ осуждаетъ просто потому, что они люди богатые.

¹⁾ Вотъ какъ именно разсуждаютъ эти критики: «У Лук. 6, 20 это мѣсто (т. е. Мт. 5, 3) гласитъ: «блаженны вы, нищіе! ибо ваше есть царство небесное». *Слѣдовательно*, здѣсь разумѣются не нищіе духовъ, а нищіе *дѣйствительные*. Срв. у Фонъ-деръ-Альма Theolog. Briefe, 3ter Band, 2te Abth. стр. 444.

Графъ Л. Н. Толстой открыто и печатно заявилъ, что онъ понялъ Евангеліе *самостоятельно* и именно тогда, когда забылъ всѣ—и церковныя, и *раціоналистическія* толкованія евангельскихъ повѣствованій ¹⁾; мало того, онъ даже увѣряетъ, что у него нѣтъ *ничего общаго* съ раціоналистическими теологами, а Штрауса и Ренана прямо осуждаетъ, какъ людей, которые взялись „судить объ ученіи Христа, не понимая, въ чемъ оно состоитъ“ ²⁾. Но если Ренанъ и ему подобные не понимаютъ ученія Іисуса Христа и потому искажаютъ его; если невѣрны толкованія и церковныхъ богослововъ; то намъ не остается ничего болѣе, какъ только обратиться къ Толстому, этому единственному мудрецу во всемъ мірѣ, которому одному будто бы удалось понять то, что, по его заносчивому и хвастливому выраженію, было не понято „милліардами людей“ въ теченіе 1800 лѣтъ ³⁾, т. е. понять смыслъ ученія Іисуса Христа. Какъ же по Толстому, слѣдуетъ понимать ученіе Христа, выраженное въ Его первой заповѣди блаженства? Увы, читатель! Нашъ *самородный* и хвастливый мудрецъ *самостоятеленъ только на словахъ*; на дѣлѣ же оказывается, что онъ, какъ вездѣ, такъ и здѣсь идетъ только на буксирѣ за тѣми именно людьми, которыхъ онъ самъ называетъ не понимающими ученія Христа. Толстой, вслѣдъ за Ренаномъ ⁴⁾, утверждаетъ, что въ первой заповѣди блаженства Христосъ разумѣлъ будто-бы только „нищихъ“, „бездомныхъ“, „не имѣющихъ собственности“ ⁵⁾.

1) Въ чемъ моя вѣра? стр. 11.

2) Ibid., стр. 39—40, равно какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

3) Толстой очень любитъ и часто употребляетъ это выраженіе. См., напр., его сочиненія: Въ чемъ моя вѣра? Стр. 46—47; предисловіе къ «Новому евангелію» и др.

4) Для того, чтобы показать читателямъ, что Толстой говоритъ неправду, будто бы онъ ничего, ни у кого не заимствовалъ для *своего* пониманія христіанскаго ученія, мы, при объясненіи нагорной проповѣди Спасителя, нарочито всегда будемъ отмѣчать всѣ взгляды Толстого съ опредѣленнымъ указаніемъ, у кого именно изъ отрицательныхъ евангельскихъ критиковъ они заимствованы. Тогда будетъ ясно для каждаго, что Толстому вовсе не удалось понять того, чего другіе люди не понимали въ теченіе 1800 лѣтъ, а что ему удалось только прочесть весьма легко, въ духѣ романа, написанную книгу Ренана. Штрауса онъ не читалъ.

5) См. гл. IV «Новаго евангелія».

Всякая клевета вообще гнусна и возмутительна. Тяжело слышать, при чтеніи св. Евангелія, какъ современные Христу іудеи, не зная, въ чемъ обвинить Его предъ Пилатомъ, наконецъ, прибѣгаютъ къ клеветѣ самой наглой, будто бы Онъ, Этотъ Божественный проповѣдникъ духа и любви, пришедшій на землю, чтобы указать людямъ на небо и основать царство Божіе, царство не отъ міра сего, распространялъ демократическія соціальныя ученія, практическимъ результатомъ которыхъ было бы противленіе кесарю... Такое же тяжелое чувство, возбуждаемое явною и низкою клеветою, испытывается и при чтеніи книги какого-нибудь *Ренана*, *Фонз-дерз-Альма*, или нашего *Толстаго*. Люди, усвоившіе себѣ тѣ или другіе взгляды на жизнь, тѣ или другія соціальныя убѣжденія, не имѣющія ровно ничего общаго съ ученіемъ христіанскимъ, не находя для нихъ твердой почвы въ области опыта или разсудочныхъ соображеній, рѣшаются, наконецъ, для оправданія своихъ убѣжденій, клеветать на Самого Христа, подобно древнимъ іудеямъ, и утверждаютъ, будто бы эти взгляды были высказаны еще Имъ, будто бы Онъ дѣйствительно училъ противиться кесарю, вмѣшиваясь въ соціальныя отношенія людей. Такъ поступали нѣкогда невѣжественные раскольники, защищая на почвѣ религіи свои политическія воззрѣнія: Христосъ запретилъ бороду брить, Христосъ запретилъ паспорта имѣть, Христосъ запретилъ картофель разводить, вишни сажать, Христосъ запретилъ фракъ носить, галстукъ надѣвать, по шоссе ѣздить и т. д. Намъ теперь кажутся странными и даже кощунственными эти разсужденія; а между тѣмъ логика *Толстаго* такая же точно... Только такими посторонними мотивами мы можемъ объяснить себѣ и появленіе разбираемаго взгляда, по которому будто бы въ первой заповѣди блаженства Христосъ убожаетъ не имѣющихъ собственности и ихъ однихъ признаетъ достойными царства небеснаго. Кажется, какъ будто бы рѣчь идетъ не объ ученіи Христа, а объ ученіи какого-либо коммуниста, въ родѣ *Сенъ-Симона!*... Не такъ бы слѣдовало поступать людямъ благоразумнымъ и здравомыслящимъ! Имѣй, какія хочешь, убѣжденія и взгляды на соціальное положеніе общества,—это—твоя воля! Но зачѣмъ ты клеветишь на Христа, не имѣющаго въ

этомъ случаѣ ничего общаго съ тобою? Зачѣмъ ты снова, подобно римскимъ языческимъ грубымъ солдатамъ, подвергаешь Его оплеванію и заушеніямъ? Что Онъ сдѣлалъ тебѣ и міру, кромѣ добра, кромѣ возвѣщенія истины, кромѣ, наконецъ, того, что самую душу Свою Онъ положилъ за тебя, за этотъ жалкій міръ, за этихъ жалкихъ людей? Ты не признаешь Его Богомъ, это—дѣло твоей совѣсти; но преступно оскорблять память даже и честныхъ людей...

Такое тяжелое и безотрадное чувство остается на душѣ при чтеніи пасквиля, который у Толстаго носитъ названіе „Новаго евангелія“. Но *Толстой*, впрочемъ, только ученикъ; обратимся къ его учителю.

Выше приведеннымъ взглядомъ на ученіе Христа, открытое міру въ первой заповѣди блаженства, особенно увлекается *Ренанъ*, прямо называющій Христа „коммунистическимъ врагомъ богатства“, „демократическимъ вожакомъ, всѣми силами стремившимся къ устроенію господства нищихъ и не имѣющихъ собственности“, „анархистомъ, не имѣющимъ никакого понятія о гражданскомъ управленіи, который признаетъ такое управленіе величайшимъ зломъ, хочетъ уничтожить богатство и власть“ и т. д. Хотя взгляды *Ренана* среди благоразумныхъ людей даже въ Западной Европѣ ужс совершенно потеряли свой кредитъ; тѣмъ не менѣе у насъ, въ Россіи, они еще повторяются нерѣдко (*Толстой* часто даже буквально говоритъ словами *Ренана*). Это-то обстоятельство и заставляетъ насъ вышеуказанный взглядъ отрицательной критики изложить здѣсь именно по книгѣ *Ренана*. Въ своей книгѣ — „*Vie de Jésus*“ — *Ренанъ* посвящаетъ этому вопросу даже особую (XI-ю) главу — „Царствіе Божіе, понимаемое въ смыслѣ господства нищихъ“.

Что же говоритъ *Ренанъ* въ этой главѣ своей книги?

„По ученію Христа,—говоритъ онъ,—царствіе Божіе уготовано: во-первыхъ, для дѣтей и тѣхъ, которые подобны имъ; во-вторыхъ, для отбросковъ этого міра; жертвъ общественной гордости, которая отстраняетъ отъ себя добрыхъ, но униженныхъ людей; въ-третьихъ, для еретиковъ и отщепенцевъ, мытарей, самарянъ, язычниковъ тирскихъ и сидонскихъ“. Все это правда, при предположеніи у этихъ „отбросковъ міра“ нравствен-

ныхъ свойствъ, безъ которыхъ не возможно войти въ царство Божіе ни мытарямъ, ни самарянамъ, ни язычникамъ. Но *Ренанъ* ничего не хочетъ знать объ этихъ „нравственныхъ свойствахъ“; на мѣсто ихъ онъ ставитъ бѣдность, униженіе и нищету и въ оправданіе своего взгляда ссылается на притчу Спасителя о богатой вечери. „Эта прекрасная притча, говоритъ онъ, уяснила и оправдала призывъ къ народу. Царство небесное подобно царю, который сдѣлалъ брачный пиръ для сына своего и послалъ рабовъ своихъ звать гостей на этотъ брачный пиръ; и они не хотѣли прійти. Тогда онъ говоритъ рабамъ своимъ: брачный пиръ готовъ; а гости не были достойны. Поэтому пойдите на распутія и всѣхъ, кого найдете, зовите на брачный пиръ, и приводите *нищихъ* и увѣчныхъ, и хромыхъ, и слѣпыхъ, чтобы наполнить мой домъ. Сказываю же вамъ, что никто изъ тѣхъ людей, которые были приглашаемы, не вкуситъ моего ужина“.

Прежде чѣмъ излагать дальнѣйшія разсужденія *Ренана*, мы считасмъ нужнымъ замѣтить здѣсь, что самая притча Спасителя *Ренаномъ* передана въ искаженномъ видѣ: изъ разныхъ мѣстъ, разныхъ евангелій онъ взялъ только то, что казалось ему подходящимъ для оправданія его предвзятой мысли, но прошелъ гробовымъ молчаніемъ то, что совершенно опровергаетъ ее. Такъ, по повѣствованію евангелиста Маттея, въ этой же самой притчѣ Спаситель говорилъ далѣе: „Царь, вошедши посмотрѣть возлежащихъ (призванныхъ съ распутій), увидѣлъ тамъ человѣка, одѣтаго не въ брачную одежду; и говоритъ ему: другъ! какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одеждѣ? Онъ же молчалъ. Тогда сказалъ Царь слугамъ: связавъ ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму кромѣшную; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ (Мѡ. XXII, 11—13).“

Изъясненіе этой пророчественной притчи, указываемое Православною Церковію, очень просто и естественно. Предсказаніе Спасителя исполнилось,—и мы имѣемъ возможность передать его смыслъ въ формѣ пропедшаго времени. Богъ (въ притчѣ—Царь) чрезъ Сына основалъ церковь или царство; евреи, чада Авраама (въ притчѣ—званные гости), въ теченіе многихъ вѣковъ подготовляемые Божественнымъ откровеніемъ

къ принятію Мессіи, первые имѣли право войти въ Его царство; но они не выняли зову Спасителя и не захотѣли войти въ него; тогда Онъ посылаетъ проповѣдниковъ евангелія къ язычникамъ, не имѣвшимъ Божественнаго откровенія (по притчѣ—жившимъ на распутіяхъ) и, такимъ образомъ, Царствіе Божіе наполняется не „избраннымъ“ народомъ, а язычниками, взятыми съ распутій, которые были призираемы іудеями, но среди христіанъ изъ язычниковъ также не всѣ оказываются достойными царствія небеснаго: не имѣющіе надлежащихъ нравственныхъ качествъ и вѣры (по притчѣ—брачной одежды) изгоняются изъ него. Вотъ самое естественное и самое ясное толкованіе.

Теперь посмотримъ, къ какому странному представленію о царствіи Божіемъ мы прійдемъ, если послѣдуемъ за Ренаномъ и подъ достойными царствія Божія будемъ разумѣть не *нищихъ духомъ*, а нищихъ въ собственномъ смыслѣ, т. е., людей не имѣющихъ матеріальнаго достатка. Нужно замѣтить, что, отвергнувъ толкованіе Церкви, *Ренанъ*, очевидно, сталъ въ затрудненіе, что разумѣть подъ брачною одеждою; а такъ какъ рѣчь объ этомъ идетъ во второй половинѣ притчи, то онъ и счелъ за лучшее совершенно умолчать о ней. Но мы будемъ продолжать толкованіе въ его духѣ всей притчи. Такъ какъ въ первой половинѣ притчи подъ призванными съ распутій *нищими Ренанъ* разумѣетъ нищихъ въ собственномъ смыслѣ, то естественно,—и во второй половинѣ подъ брачною одеждою, съ его точки зрѣнія, нужно разумѣть брачную одежду въ собственномъ смыслѣ. Что же выходитъ?—Полнѣйшая пелѣпость! За исключеніемъ только одного человѣка, всѣ явившіеся съ распутій на царскій пиръ имѣли брачную одежду. Значитъ, это не были нищіе въ собственномъ смыслѣ. Имѣть одежду, въ которой было бы прилично явиться на роскошный пиръ восточнаго царя, нищіе въ собственномъ смыслѣ не въ состояніи; это доступно только людямъ *богатымъ*. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія Ренана, вопреки его толкованію первой половины этой притчи, нужно было бы здѣсь предполагать, что всѣ явившіеся на царскій пиръ въ брачной одеждѣ въ матеріальномъ отношеніи были люди богатые, среди нихъ былъ бы

только одинъ дѣйствительно нищій, это—человѣкъ, не имѣвшій брачной одежды. И что-же? Его не только повелѣно было удалить изъ-за стола, но и бросить связаннаго во тьму кромѣшнюю. Такимъ образомъ, продолжая понимать, съ точки зрѣнія *Ренана*, вторую половину притчи Спасителя о богатой вечери, о которой евангельскій критикъ счелъ за лучшее умолчать, мы прійдемъ къ самому странному заключенію, будто бы, по ученію Христа, царствіе Божіе уготовано только для однихъ богачей и именно—за то, что они богачи, а для бѣдняковъ не только въ немъ нѣтъ мѣста, но имъ предстоитъ еще понести тяжкое наказаніе именно за то, что они—бѣдны. *Ренанъ* правъ, говоря, что въ этой притчѣ Спаситель ясно указалъ намъ на то, кто удостоится войти въ царство Божіе. Но этимъ самымъ, съ другой стороны, *Ренанъ* далъ въ руки своихъ противниковъ и наилучшее оружіе противъ него самого. Эта именно притча лучше всего уясняетъ намъ, что подъ *нищими*, которыхъ Христосъ называетъ блаженными и которымъ Онъ обѣщаетъ царствіе небесное, нужно разумѣть только *нищихъ душой*, а не нищихъ вообще, какъ таковыхъ, безъ всякаго отношенія къ ихъ вѣрѣ и нравственнымъ качествамъ.

Тѣмъ не менѣе *Ренанъ* продолжаетъ идти своимъ путемъ. Онъ дѣлаетъ выводъ не тотъ, который дѣйствительно самъ собою вытекаетъ изъ ученія Христа, содержащагося въ притчѣ о богатой вечерѣ, а тотъ, который ему желателенъ и который мирится съ его общими школьно-философскими воззрѣніями. „Такимъ образомъ,—говоритъ онъ, дѣлая выводъ изъ своего страннаго изложенія вышеупомянутой притчи,—*ученіе Иисуса было чистымъ эгоизмомъ*, т. е., ученіемъ о томъ, что *будутъ спасены только одни нищіе, что прійдетъ царство нищихъ*. Горе вамъ, богатые, ибо вы уже получили свое утѣшеніе, говорилъ Онъ. Горе вамъ, пресыщенные, ибо вы будете голодать. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, ибо вы будете плакать и рыдать. Далѣе, Онъ говорилъ,—продолжаетъ *Ренанъ*: Когда ты дѣлаешь обѣдъ или ужинъ, то не зови ни друзей твоихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни богатыхъ сосѣдей, чтобы и они когда либо не позвали тебѣ и не получили ты воздаянія. Но когда ты дѣлаешь пиръ; зови нищихъ, увѣчныхъ,

хромыхъ, слѣпыхъ: и блаженъ будешь, ибо они не могутъ воздать тебѣ, а воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ (Лук. XIV, 12—14). Быть можетъ, продолжаетъ *Ренанъ*, въ подобномъ смыслѣ Онъ повторялъ часто: будьте добрыми управителями, т. е., употребляйте свои деньги для царствія Божія, раздавая свое имущество нищимъ, согласно древней пословицѣ: „благотворящій бѣдному даетъ займы Господу“.

Выше приведенныя наставленія Спасителя, сохраненныя евангелистомъ Лукою, Ренанъ считаетъ мѣстами, самымъ неопровержимымъ образомъ подтверждающими будтобы его положеніе, что, по ученію Христа, не нищіе духомъ, а нищіе въ собственномъ смыслѣ имѣютъ неотъемлемое право за одну свою нищету войти въ царствіе Божіе. Но ничего подобнаго въ указанныхъ наставленіяхъ не заключается. Христосъ говорить въ нихъ только о томъ, какимъ характеромъ должна отличаться христіанская благотворительность. Дѣлай добрыя дѣла людямъ, не ожидая за нихъ награды отъ людей, а отъ Бога; если же ты получишь награду за свои добрыя дѣла отъ людей, потеряешь ее у Бога. Благотворительность твоя должна быть чужда всякаго своекорыстія: не роднымъ, не друзьямъ по однимъ связямъ своимъ съ ними нужно помогать, а тѣмъ, которые дѣйствительно нуждаются въ нашей помощи, хотя бы они были совершенно чужіе для насъ, даже враги наши. Вотъ о чемъ говорить Спаситель въ приведенныхъ *Ренаномъ* наставленіяхъ. Конечно, *Ренанъ* не замѣчаетъ того, какую странною логикою отличаются его сужденія. Желая доказать, что Христосъ, будто бы обѣщалъ царствіе небесное только нищимъ матеріально, т. е., лицамъ, не имѣющимъ никакой собственности, онъ приводитъ изреченіе Христа: „когда дѣлаешь обѣдъ или ужинъ, не зови друзей твоихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ“. Какъ будто-бы понятія „другъ“, „братъ“, „родственникъ“ тождественны съ понятіемъ „богачъ“? Какъ будто-бы всѣ друзья наши, всѣ наши родственники только и обладаютъ несмѣтными богатствами? Наконецъ, въ указанныхъ наставленіяхъ Христосъ вовсе не говоритъ о царствіи Божіемъ или о томъ, кто войдетъ въ него. Для каждаго ясно, что смыслъ этихъ наставленій Христа можетъ

быть только тотъ, на который мы указали выше, именно,— что, давая эти наставленія, Христось научалъ насъ *въ близкхъ благотворительности* руководствоваться не узами родства или дружбы, а исключительно христіанскою, т. е., безкорыстною любовію къ страждущему человѣчеству, кто бы ни былъ тотъ несчастный, который нуждается въ нашей помощи. „И сосѣдей *богатыхъ* не зови“, говоритъ Спаситель;—почему?—только потому, „чтобы и они тебя когда не позвали и не получили ты возданія“, т. е., милосердіе твое должно быть соединено съ безкорыстіемъ. „Зови нищихъ“,—почему?—„ибо они не могутъ воздать тебѣ, а воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ“,—мысль, очевидно, та же самая и совершенно ясная.

Съ точки зрѣнія *Ренана* и ему подобныхъ, странною представляется даже и та сама по себѣ несомнѣнная истина, что деньги свои христіане должны употреблять для царствія Божія, удѣляя изъ своего имущества бѣднымъ. Если бы вмѣстѣ съ *Рениномъ* допустить, что, по ученію Христа, нищіе, потому только, что они нищіе, имѣютъ право на вступленіе въ царствіе небесное, то нужно было бы допустить и то, будто-бы, по ученію Христа, царствіе Божіе пріобрѣтается не исключительно добрыми дѣлами, а даже и злыми, которыя дѣлаютъ людей нищими. Если царствіе Божіе открыто только для нищихъ не духомъ, а въ собственномъ смыслѣ, то очевидно, богатый не можетъ войти въ царствіе Божіе уже потому, что онъ богатъ, а не нищъ; чтобы войти въ царствіе Божіе, онъ, очевидно, долженъ стать для этого нищимъ, ничего не имѣющимъ, долженъ раздать свое имущество бѣднымъ, нищимъ. Такимъ образомъ выходитъ, что богачъ, ставшій бѣднымъ, получаетъ право на вступленіе въ царствіе Божіе, но за то онъ закрылъ въ него доступъ тому нищему, который пересталъ быть нищимъ, получивъ имущество богатаго. Ясно, что царствіе Божіе достигается, по *Ренану*, даже и чрезъ злыя дѣла (въ отношеніи къ ближнимъ). Вообще нужно сказать, что *Ренанъ* понимаетъ ученіе Христа какъ разъ наоборотъ: Христось заповѣдалъ богатымъ дѣлиться своимъ имуществомъ съ нищими, чтобы не было бѣдныхъ (срв. Дѣян. II, 45. IV, 34), а *Ренанъ*, какъ мы видѣли, утвердаетъ, будто бы ученіе Христа слѣ-

дуетъ понимать наоборотъ: люди должны раздавать свое имущество нищимъ, чтобы не было богатыхъ. Вотъ къ какому нелѣпому заключенію можно прийти, если допустить, что Христось смотрѣлъ на богатство, какъ на зло само по себѣ, а бѣдность, какъ таковую, признавалъ добродѣтельною, дающею право на вступленіе въ царствіе небесное.

Мы изложили все, что отрицательная евангельская критика, въ лицѣ своего выдающагося представителя *Ренана*, при помощи его бойкаго пера, могла высказать въ доказательство того ложнаго положенія, будто бы Христось въ первой заповѣди блаженства обѣщаетъ царство небесное не нищимъ духомъ, какъ передаетъ евангелистъ Маттеей, а нищимъ въ матеріальномъ отношеніи, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ (будто бы) Лука въ своемъ Евангеліи. Провести такое пониманіе евангельскаго ученія отрицательной критикѣ, какъ мы сказали и выше, нужно было только для того, чтобы потомъ явилась для нея возможность—въ виду совершенно постороннихъ цѣлей—представить Иисуса Христа (употребляемъ далѣе слова *Ренана*)—„демократическимъ врагомъ богатыхъ“, „анархистомъ“, „революціонеромъ перваго ранга“ и т. д. ¹⁾ И дѣйствительно, вслѣдъ за вышеприведеннымъ разсужденіемъ о нищихъ, какъ о прямыхъ наследникахъ царствія небеснаго, *Ренанъ* продолжаетъ: „Какъ всѣ великіе люди, Иисусъ любилъ народъ и чувствовалъ себя хорошо среди него. По Его мысли, Евангеліе предназначено для нищихъ, имъ Онъ несетъ радостную вѣсть

¹⁾ Изъ русскихъ писателей такой взглядъ нерѣдко высказывалъ *Бѣлинскій*. «Если бы теперь появился Христось,—проповѣдывалъ онъ въ своемъ литературномъ кружкѣ,—то Онъ бы именно примкнулъ къ социалистамъ и пошелъ за ними». «А эти двигатели человечества, къ которымъ предназначалось приженуть Христу,—говоритъ *Достоевскій* (Дневникъ писателя за 1873 г. и въ Полномъ собраніи сочиненій Достоевскаго, т. 5, 1886 г., стр. 151), были тогда все французы: прежде всѣхъ *Жоржъ-Зандъ*, теперь совершенно забытый *Кабетъ*, *Пьеръ Леру* и *Лрудонъ*, тогда еще только начинавшій свою дѣятельность». Что этотъ взглядъ не ограничился кружкомъ *Бѣлинскаго*, но перешелъ и къ толпѣ, сталъ достояніемъ улицы, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ же *Достоевскій*, — по словамъ котораго вотъ какъ разсуждали о Христѣ тринадцатилѣтніе гимназисты: «Это была вполне гуманная личность, и живи онъ въ наше время, Онъ бы прямо примкнулъ къ революціонерамъ и, можетъ быть, игралъ-бы видную роль...» (Полн. собр. соч. Достоевскаго, Спб. 1885 г., т. 6, стр. 372).

спасенія. Всѣ презираемые правовѣрнымъ іудействомъ были Его избранниками. Любовь къ народу, состраданіе къ его слабостямъ, чувство демократическаго вожака, ощущающаго въ себѣ духъ толпы и сознающаго себя ея естественнымъ истолкователемъ, прорываются въ Его дѣйствіяхъ и рѣчахъ каждую минуту“.

Чтобы намъ возможно было еще яснѣе увидѣть всю ложь разсужденій отрицательной критики по разсматриваемому вопросу, намъ необходимо съ точностію выяснитъ себѣ истинное ученіе Господа нашего Іисуса Христа о нищетѣ и богатствѣ въ собственномъ смыслѣ. Отрицательная евангельская критика, какъ мы видѣли уже, называетъ ученіе Христа объ этомъ предметѣ „чистымъ эвѣонизмомъ“. Но въ чемъ состояло ученіе эвѣонитовъ? По ученію эвѣонитовъ, сатана „въ физическомъ смыслѣ“ представляется царемъ и владыкою этого міра; на обладаніе земными благами, кромѣ того, что необходимо для удовлетворенія неизбѣжной нужды, эвѣониты смотрѣли по этому какъ на нѣчто злое само по себѣ или сатанинское; кто пріобрѣтаетъ богатства, тотъ, по ученію эвѣонитовъ, уже этимъ самымъ вступаетъ въ ту область, которая предоставлена только слугамъ сатаны. Но если обладаніе богатствомъ само по себѣ есть нѣчто грѣховное, влекущее человѣка въ погибель, то, очевидно, эвѣонитамъ ничего не оставалось, какъ прійти и къ противоположному заключенію, именно,—что нищета сама по себѣ, уже какъ нищета, есть нѣчто добродѣтельное, заслуга, дающая право на участіе въ царствіи Божіемъ. Основанія, указанные *Ренаномъ* для того, чтобы такой эвѣонитскій взглядъ на богатство и нищету приписать ученію Спасителя, какъ мы видѣли, оказываются пустыми и не заслуживающими серьезнаго вниманія. Поэтому, другіе отрицательные критики, слѣдуя *Штраусу*, стали искать опоры для своего мнѣнія главнымъ образомъ въ притчѣ Іисуса Христа о богатомъ и Лазарѣ. По смерти своей Лазарь блаженствуетъ, говорятъ они, потому, что на землѣ онъ былъ нищимъ, богатъ же испытываетъ страшныя муки ада за то только, что на землѣ онъ владелъ богатствами. „Чадю!“ говоритъ Авраамъ богатому. „Вспомни, что ты получилъ уже доброе твое въ жиз-

ни твоей, а Лазарь—злое: нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь“. Ясно, заключаетъ *Штраусъ* и его послѣдователи, что на богатство Иисусъ смотрѣлъ какъ на зло само по себѣ, а на нищету, какъ на добродѣтель и заслугу, дарующія человѣку полное и неотъемлемое право на вступленіе въ царствіе Божіе ¹⁾. Но безпристрастный читатель не можетъ не увидѣть, что для такого заключенія указанная притча не даетъ никакого основанія. По этой притчѣ Спасителя, богачъ страдаетъ не за то, что онъ былъ богатъ, а за то, что онъ жилъ роскошно, каждый день блистательно пиршествовалъ, жилъ только для себя, не оказывалъ никакого состраданія и чело-вѣколюбія къ нуждающемуся ближнему, былъ равнодушенъ къ вопіющему людскому горю, не далъ куска хлѣба нищему Лазарю, который, весь покрытый струпьями, лежалъ у воротъ его и желалъ напиться хотя крошками, падавшими со стола богача; не велѣлъ своимъ слугамъ отогнать собакъ отъ несчастнаго страдальца, былъ чело-вѣкъ безсердечный, грубый эгоистъ, чуждый любви, не употреблявшій своихъ богатствъ ни на какое доброе дѣло. И Лазарь блаженствуетъ по смерти своей не потому только, что онъ былъ нищимъ и несчастнымъ на землѣ, а потому, что онъ безропотно, съ полною преданностію волѣ Божіей, съ терпѣніемъ и смиреніемъ несъ свой крестъ,—онъ не проявилъ ни зависти къ пиршествовавшему роскошно богачу, хотя умиралъ отъ голода, ни досады на безчеловѣчное отно-ніе къ нему людей. Вотъ истинный смыслъ притчи Спасителя о богатомъ и Лазарѣ. Ясно, что эта притча также не даетъ намъ никакого права приписывать ученію Господа нашего Иису-са Христа характеръ грубаго и бессмысленнаго эвѣонитства.

Вся евангельская исторія свидѣтельствуетъ намъ, что Иисусъ Христосъ никогда не смотрѣлъ на богатство, какъ на зло само по себѣ, а на обладаніе имъ, какъ на нѣчто грѣховное, и никогда не училъ, что богатые люди лишены всякой возможности войти въ царствіе небесное только потому, что они богаты. Иосифъ Аримаеѣйскій былъ „человѣкъ богатый“ (Мѣ.

¹⁾ Очень подробно изложенъ этотъ взглядъ у *Вонг-дѣръ-Альма*. Theologische Briefe 3ter Band, 2te Abth. стр. 442—446.

XXVII, 57); но его богатство не помѣшало ему быть ученикомъ и даже другомъ Христовымъ (Іоан. XIX, 38; Мѡ. XXVII, 57); другой тайный ученикъ Христа—Никодимъ также былъ богатъ, ибо для погребенія своего Учителя онъ принесъ, по свидѣтельству евангелиста (Іоан. XIX, 39), составъ изъ смирны и алая, литръ около ста,—что могъ сдѣлать только человекъ, обладавшій достаточными матеріальными средствами. За Іисусомъ Христомъ слѣдовали богатыя женщины, и ихъ богатство не только не воспрепятствовало имъ въ дѣлѣ спасенія, но онѣ удостоились еще служить Самому Господу имѣніемъ своимъ (Лук. VIII, 2. 3). Богатство не помѣшало достигнуть своего спасенія и начальнику мытарей Закхею, при чемъ онъ даже и не сталъ нищимъ, а только обѣщалъ Господу употребить *половину* своего состоянія на дѣла благотворительности и отдать *вчетверо* тому, кого онъ чѣмъ-либо обидѣлъ ¹⁾).

Съ другой стороны и на нищету Господь никогда не смотрѣлъ, какъ на нѣчто добродѣтельное само по себѣ, или какъ на заслугу для царствія Божія. Притча о блудномъ сынѣ представляетъ одно изъ доказательствъ сказаннаго. Отецъ простираетъ свои объятія и устраиваетъ пиръ для своего блуднаго сына не тогда, когда его сынъ расточилъ имѣніе свое, живя распутно, т. е., не тогда, когда онъ сталъ *нищимъ*, и, проживъ все, находился въ крайней нуждѣ, умиралъ отъ голода и радъ былъ наполнить чрево свое рожками, которые ѣли свиньи, а тогда, когда эта нищета заставила несчастнаго юношу обратиться къ *искреннему раскаянію* и онъ, пришедши въ себя, сказалъ: „сколько наемниковъ у отца моего избыточествуютъ хлѣбомъ, а я умираю отъ голода! Встану пойду къ отцу моему, и скажу ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою,

1) Этимъ обѣщаніемъ Закхей высказалъ не отреченіе свое отъ обладанія земныя благами (богатствомъ), а свою рѣшимость раскаяться, оставить прежнюю грѣховную жизнь и начать новую, согласную съ требованіями ветхозавѣтнаго закона; а ветхозавѣтный законъ гласитъ: «если кто украдетъ вола или овцу и заколетъ, или продастъ, то *пять* воловъ заплатитъ за вола, и *четыре* овцы за овцу» (Исх. XXII, 1). Такимъ образомъ Закхей даетъ Спасителю только обѣтъ поступить согласно съ требованіемъ ветхозавѣтнаго закона, безъ исполненія котораго ему нельзя было начать новой лучшей жизни въ нравственномъ отношеніи.

и уже недостойно называться сыномъ твоимъ; прими меня въ число наемниковъ твоихъ". И онъ былъ принятъ какъ сынъ въ домъ *богатаго* отца.

Не богатство само по себѣ, а пристрастіе къ богатству со стороны человѣка затрудняетъ путь въ царствіе небесное. Вотъ почему, указывая Своимъ ученикамъ на одного богатаго юношу, исполнявшаго всѣ заповѣди, по имѣвшаго слѣдное пристрастіе къ богатству, подавить которое онъ былъ уже не въ силахъ, Христосъ и сказалъ со всѣмъ глубокимъ прискорбіемъ своего любящаго сердца: „какъ *трудно* имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе (Лук. XVIII, 24)! Почему же богатому именно трудно войти въ царствіе Божіе?—Каждый человѣкъ, ослѣпленный страстію корыстолюбія или любостыжанія, самъ себя удаляетъ отъ Бога, дѣлая для себя идоломъ свое богатство и ему одному поклоняясь. Всякая другая страсть также влечетъ человѣка ко грѣху, а слѣдовательно и удаляетъ его отъ царствія Божія; но страсть корыстолюбія, овладѣвая человѣкомъ, сразу омрачаетъ грѣхами всю духовную жизнь его и прививаетъ къ нему вмѣстѣ съ собою еще многія другія страсти: богачу крайне трудно не стать гордымъ, тщеславнымъ и заносчивымъ, когда все предъ нимъ преклоняется, унижается и ползаетъ; самолюбіе, эгоизмъ, надменность, честолюбіе, лихоимство, ростовщичество, гордость, тщеславіе, скупость—почти неразрывны съ страстію корыстолюбія, съ слѣпою привязанностію къ богатству и пріобрѣтенію. Богатому *трудно* войти въ царствіе Божіе, потому что царствіе небесное уготовано только для нищихъ духомъ, а нищета духовная *почти* невозможна для гордаго и надменнаго богача. Въ слѣпомъ пристрастіи къ богатству люди всегда почти забываютъ и Самого Бога, не думаютъ или, по крайней мѣрѣ, не хотятъ и боятся думать о загробной жизни, любовь къ пріобрѣтенію всецѣло овладѣваетъ ихъ сердцемъ и изгоняетъ изъ него любовь къ ближнему. Кромѣ ненасытнаго стремленія къ богатству, для человѣка, ослѣпленнаго страстію корыстолюбія, не существуетъ никакихъ возвышенныхъ идеаловъ, никакихъ благородныхъ стремленій—ни религіозныхъ, ни нравственныхъ, ни научныхъ, ни эстетическихъ... Типъ такого богача, для котораго трудно вой-

ти въ царствіе Божіе, Господь указаль намъ въ одной изъ своихъ притчъ. Вотъ эта притча. „У одного богатаго человѣка былъ хорошій урожай въ полѣ, и онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ своихъ. И сказалъ: вотъ, что сдѣлаю: сломаю житницы мои, и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое. И скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ? „Такъ, заключаетъ Господь Свою притчу, бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ!“ (Лук. XII, 16—21).

Разорю житницы моя и большія созижду, говоритъ этотъ евангельскій богачъ. „А когда и ихъ наполнишь хлѣбомъ,—спрашиваетъ *Василій Великій* въ своемъ первомъ словѣ на корыстолюбцевъ,—что еще замыслишь? Ужели опять разоришь и созиждешь?“—Да, опять разорить и созиждетъ еще большія,—отвѣтимъ мы за евангельскаго богача великому Святителю. Для страсти корыстолюбія и любостыжанія предѣловъ нѣтъ, оно гонитъ человѣка съ самою неимовѣрною силою до его полнаго нравственнаго паденія, изъ котораго возвратъ почти невозможенъ. Но бываютъ ли такіе богачи въ дѣйствительности? Бываютъ, и не рѣдко. Появленіе такихъ богачей въ дѣйствительной жизни подало поводъ великимъ поэтамъ представить истинно художественные типы богача-корыстолюбца („Скупой Рыцарь“, „Плюшкинъ“), противъ вѣрности которыхъ никто никогда не возражалъ. Такой человѣкъ, по изображенію поэтовъ, имѣя несмѣтные богатства, самъ живетъ въ крайней нищетѣ, не помогаетъ бѣдняку, даже своему родному, доводитъ до полной негодности свое громадное состояніе и, ослѣпленный страстію стяжанія, доходитъ до такого нравственнаго униженія, что постыдно воруетъ у нищей поселянки самую пустую и ему совсѣмъ ненужную вещь. Эти типы корыстолюбцевъ-богачей въ развитіи страсти корыстолюбія еще омерзительнѣе богачей евангельскихъ. Они уже не пиршествуютъ *никогда*, не одѣваются въ порфиру и виссонъ, а ходятъ оборванцами въ старыхъ лохмотьяхъ, выброшенныхъ бѣдняками за

негодностию, не живутъ роскошно и самой души своей никогда не рѣшатся сказать: „покойся, ѣшь, пей, веселись“, они настолько пристрастились къ своему богатству, что не только не помогаютъ другимъ нуждающимся людямъ, но они еще болѣе скупы къ себѣ самимъ, въ этомъ отношеніи они бѣднѣе самаго жалкаго бѣдняка, богатство для нихъ есть уже не средство къ жизни, а цѣль ея, святыня самая неприкосновенная, предъ которою они только преклоняются и благоговѣютъ; выше этого сокровища, этой святыни, для нихъ уже ничего не существуетъ на свѣтѣ, ни днемъ, ни ночью эти несчастные и жалкіе люди не знаютъ покоя изъ опасенія какъ-либо разстаться съ своимъ сокровищемъ. Для такихъ людей нравственное улучшеніе однѣми естественными силами невозможно; ихъ сердце и душа настолько привязаны къ земному, что они не въ силахъ оторваться отъ него даже и для самаго неба. О такихъ-то именно богачахъ и сказала Господь нашъ Іисусъ Христосъ: „удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе небесное“. Когда же слышавшіе это спросили: кто же можетъ спастись? Онъ отвѣчалъ: „невозможное человѣкамъ возможно Богу“ (Лук. XVIII, 25—27). Во-истину, такихъ людей можетъ спасти только одна все-сильная благодать Божія! Къ такимъ-то богачамъ относится и обличеніе Спасителя, опущенное у Матѳея, но сохраненное у Луки: „Горе вамъ, богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе. Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взыщете“.

До сихъ поръ мы говорили, конечно, только о чрезвычайныхъ случаяхъ безумнаго ослѣпленія страстію корыстолюбія. Къ счастью, не всѣ люди доходятъ до такого паденія, хотя среди евреевъ даже и во времена земной жизни Спасителя эти случаи встрѣчались чаще, чѣмъ у другихъ народовъ. Тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что даже и простое обладаніе богатствами, безъ ослѣпленія страстію корыстолюбія, не заключаая само въ себѣ ничего грѣховнаго, нерѣдко ставитъ человѣку затрудненія на пути къ царствію Божію: отнимаетъ у него время и силы, осложняетъ его жизнь житейскими заботами и отвлекаетъ его умъ и сердце отъ неуклоннаго стремленія ко спасенію. Вотъ почему Своимъ послѣдователямъ, же-

лающимъ достиженія полнаго совершенства Господь указываетъ на совершенную нестяжательность, какъ на самое надежное и дѣйствительное средство. Юношѣ, которому казалось, что онъ съ дѣтства выполнялъ всѣ заповѣди, запрещающія причинять вредъ ближнему, но который въ дѣйствительности не выполнялъ никогда заповѣди, повелѣвающей приносить пользу другимъ, помогать нуждающимся, и не выполнялъ именно вслѣдствіе своего рабскаго пристрастія къ своему богатству, Господь сказалъ: „если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое, и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, и слѣдуй за Мною“. Въ другой разъ, представивъ въ притчѣ о богатой вечерѣ образецъ того, какъ различныя житейскія заботы препятствуютъ человѣку войти въ царствіе небесное (Лук. XIV, 16—20), Иисусъ Христосъ, обращаясь къ *ученикамъ Своимъ*, сказалъ: „Такъ всякій изъ васъ, кто не отрѣшится отъ всего, что имѣетъ, не можетъ быть Моимъ ученикомъ“. Вотъ почему и *Своимъ апостоламъ*, которые рѣшились всецѣло посвятить себя на служеніе царствію Божію, апостоламъ, этому, по-истинѣ, *малому стаду*, Господь говоритъ: „Продавайте имѣнія ваши, и давайте милостыню. Приготовляйте себѣ власяища не ветшающія, сокровище неоскудѣвающее на небесахъ, куда воръ не приближается, и гдѣ моль не съѣдаетъ. Ибо, гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше будетъ“. Но уже одно то, что Христосъ даетъ эти наставленія только „малому стаду“—апостоламъ или отдѣльному лицу богатому юношѣ, прилѣпившемуся всѣмъ сердцемъ къ своему богатству, а не всѣмъ Своимъ послѣдователямъ вообще, уже одно то, что это наставленіе выражено въ условной формѣ—*„если хочешь быть совершеннымъ“*,—даетъ понять каждому, что это не прямое повелѣніе, не заповѣдь обязательная для всѣхъ, а лишь указаніе желающимъ, на самый надежный, дѣйствительный и легчайшій путь къ достиженію царствія небеснаго. Какъ видно изъ собственныхъ словъ Спасителя, это наставленіе дано тѣмъ, которые желаютъ сердце свое прилѣпить къ сокровищу небесному, но встрѣчаютъ къ этому препятствія въ своемъ обладаніи земными благами. Но какъ возможно выполнить наставленіе Христа объ уничтоженіи соблазняющаго насъ

глаза или руки, не вырывая ихъ изъ тѣла, а противясь соблазну силою воли, такъ возможно выполнить и это наставленіе Христа о нестяжательности даже и при обладаніи земными благами, не прилѣпляясь къ нимъ своимъ сердцемъ. Впрочемъ, отшельничество и монашество въ Православной Церкви, имѣющія своимъ непремѣннымъ условіемъ обѣтъ нестяжательности, показываютъ намъ, что это евангельское наставленіе не остается тщетнымъ и въ буквальномъ смыслѣ.

Что Христосъ не указывалъ на богатство какъ на зло само въ себѣ, и не училъ, что богатые не войдутъ въ царствіе Божіе, потому только, что они имѣютъ богатое состояніе, это доказывается уже тѣмъ, что на благоразумное пользованіе богатствомъ Онъ указываетъ даже прямо, какъ на одно изъ средствъ къ достиженію царствія небеснаго. Это указаніе заключается именно въ притчѣ о невѣрномъ управителѣ или неправедномъ приставникѣ. „Одинъ человекъ былъ богатъ,—говоритъ Господь,—и имѣлъ управителя, на котораго донесено было ему, что онъ расточаетъ имѣніе его. И, призвавъ его, сказалъ ему: что это я слышу о тебѣ? дай отчетъ въ управленіи твоёмъ; ибо ты не можешь болѣе управлять. Тогда управитель сказалъ самъ въ себѣ: что мнѣ дѣлать? господинъ мой отнимаетъ у меня управленіе домомъ: копать не могу, просить стыжусь. Знаю, что сдѣлать, чтобы приняли меня въ дома свои, когда отставленъ буду отъ управленія домомъ. И, призвавъ должниковъ господина своего, каждаго порознь, сказалъ первому: сколько ты долженъ господину моему? Онъ сказалъ: сто мѣръ масла. И сказалъ ему: возьми твою росписку, и садись скорѣе, напиши: пятьдесятъ. Потомъ другому сказалъ: а ты сколько долженъ? Онъ отвѣчалъ: сто мѣръ пшеницы. И сказалъ ему: возьми твою росписку, и напиши: восемьдесятъ. И похвалилъ Господинъ управителя невѣрнаго, что догадливо поступилъ; ибо сыны вѣка сего догадливѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ. И Я говорю вамъ *пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ*, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вечныя обители (Лук. XVI, 1—9).

Эта прекрасная притча, дышущая въ каждомъ выраженіи самую глубокою жизненною правдою и даже картинностію,

всегда останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе лицъ, посвятившихъ себя серьезному изученію нашихъ евангельскихъ повѣствованій. Къ сожалѣнію, на первый разъ она слишкомъ трудною кажется обыкновенно для пониманія и возбуждаетъ многіе вопросы, заслуживающіе серьезнаго обсужденія. Западно-европейскіе ученые экзегеты и комментаторы—особенно протестантскіе—не только не оказываютъ въ этомъ случаѣ никакой помощи, а напротивъ—лишь окончательно сбиваютъ съ толку своихъ читателей и запутываютъ ихъ въ своихъ противорѣчіяхъ и разногласіяхъ. Чему же научаетъ насъ Господь этою притчею?—„Приобрѣтайте себѣ друзей *богатствомъ неправеднымъ* (ποῦσατε ἑαυτοῖς φίλους ἐκ τοῦ μαμωνᾶ τῆς ἀδικίας, по славянски: отъ мамоны неправды), чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители“. Не значить ли это—благотворить чужимъ достояніемъ? Но неужели не грѣхъ и непередосудительно одной рукой воровать, другой—давать милостыню? Еще болѣе: неужели неправеднымъ, награбленнымъ или наворованнымъ богатствомъ можно приобрести для себя блаженство въ вѣчности, вѣчныя обители? „И похвалилъ Господи́нь невѣрнаго управителя“. За что же въ такомъ случаѣ мы порицаемъ іезуитовъ, проповѣдующихъ, что если цѣль хороша, то хороши и всѣ средства, которыми она достигается? А *такъ*, къ сожалѣнію, эту притчу понимаютъ многіе; по крайней мѣрѣ, такъ понимали ее многіе, по свидѣтельству покойнаго *Филарета*, бывшаго митрополита московскаго, въ его время; такое же пониманіе высказывали и во времена *Златоустаго*. И оба святителя увидѣли себя вынужденными осудить такое пониманіе. Вотъ что читаемъ мы у *Златоустаго* ¹⁾: „Внимайте вы, которые убійствами думаете благотворить ближнимъ, и принимаете на себя цѣну душъ человѣческихъ. Это милостыни іудейскія, или лучше сказать—сатанинскія! *Есть, подлинно есть и нынѣ такіе*, которые, ограбивъ весьма многихъ, считаютъ себя совершенно правыми, если бросятъ нищимъ десять или сто златницъ... Не хочетъ Христосъ питаться плодами любостыжанія, не приемлетъ сей пищи.

¹⁾ Бес. на Матѣ. ч. III. М. 1846, стр. 464—465.

„Зачѣмъ ты оскорбляешь Владыку, принося ему нечистое? Лучше презрѣть томимаго гладомъ, нежели кормить такую пищу. То дѣло немилостиваго, а сіе и немилостиваго и обидчика. Лучше ничего не давать, нежели давать чужое. Скажи мнѣ, еслибъ ты увидѣлъ одного нагаго, а другаго—въ одеждѣ, и, раздѣвши послѣдняго, одѣлъ перваго, то не правда ли, что ты поступилъ бы неправо? Если же ты, отдавая и все взятое у другаго, обижаешь только, а не милуешь: то тогда, когда только малѣйшую часть изъ похищеннаго даешь, и называешь это милостынею, какого недостойнъ ты наказанія? Если приносившіе (въ жертву) хромое животное подвергались суду; то ты, который дѣлаешь хуже, какого можешь ожидать прощенія? Въ Ветхомъ Завѣтѣ хищникъ, возвращавшій самому владѣльцу похищенное, все еще неправъ былъ, и даже тогда, какъ вчетверо уплачивалъ противъ похищеннаго, едва смывалъ вину свою. Подумай же, какой огонь собираетъ на свою голову тотъ, кто не только похищаетъ, но дѣлаетъ еще насиліе, между тѣмъ не возвращаетъ ограбленному, а вмѣсто его другому отдаетъ, и не только вчетверо, но и половины не возвращаетъ, живя притомъ не въ Ветхомъ, а въ Новомъ Завѣтѣ?“

Но если вышеуказанное пониманіе притчи Спасителя не только отвергнуто, но и осуждено христіанскою церковію; то какъ же, спрашивается, слѣдуетъ понимать ее? Прекрасный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ въ Бозѣ почивающій, митрополитъ *Филаретъ* въ своей бесѣдѣ о милосердіи къ бѣднымъ. Желаніе могутъ найти въ этой бесѣдѣ объясненіе притчи Спасителя о неправедномъ управителѣ во всѣхъ подробностяхъ; но мы приведемъ изъ нея здѣсь только самое существенное, разъясняющее непосредственный и прямой смыслъ этой притчи. „Истинное значеніе притчи, говоритъ святитель, опредѣляется слѣдующими чертами. Приставникъ управляетъ чужимъ имѣніемъ: подобно сему всякій человѣкъ въ настоящей жизни пользуется богатствомъ и другими дарами Божія творенія и провидѣнія, не какъ независимый обладатель, никому не обязанный отчетомъ, но какъ приставникъ, обязанный отчетомъ Богу, Которому единому первоначально и существенно все принадлежитъ. Приставникъ, наконецъ, долженъ оставить управленіе и дать

въ немъ отчетъ: подобно и всякій человѣкъ, съ окончаніемъ земной жизни, долженъ оставить то, чѣмъ распоряжалъ на землѣ, и дать въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ предъ судомъ Божиимъ. Отставаемый приставникъ видитъ, что останется скуднымъ и бездомнымъ: подобно сему представляемые отъ земной жизни, иные благовременно въ смиренномъ самопознаніи открываютъ, а иные поздно усматриваютъ, что они скудны подвигами и добродѣтелями, что не стяжали довольно вѣры и любви къ Богу, недовольно укрѣпились въ молитвѣ, не совершили достаточныхъ подвиговъ воздержанія и самоотверженія, или страданія за истину, которые отверзли бы для нихъ одну изъ обителей небесныхъ. Что дѣлать бѣдному приставнику? Что дѣлать скудной душѣ? Приставникъ имѣетъ надежду быть принятымъ въ домъ тѣхъ, которымъ онъ отъ избытка ввѣреннаго ему управленія сдѣлалъ одолженіе. Душа, при недостаткѣ совершенства, имѣетъ надежду, что бѣдствующіе и скорбящіе, которымъ она отъ своего земного благосостоянія подавала помощь и утѣшеніе, благодарною молитвою вѣры, помогутъ и ей отворить дверь вѣчнаго крова, которую себѣ отверзаютъ вѣрностію въ подвигъ терпѣнія“. Очень близкое къ этому объясненіе притчи Спасителя о невѣрномъ управителѣ изъ западныхъ истолкователей предлагаетъ *Неандеръ* ¹⁾. И само собою разумѣется, что другого объясненія ей дать нельзя. Остается только рѣшить вопросъ: почему Христосъ, научая насъ чрезъ богатство приобрѣтать царствіе небесное, называетъ его *неправеднымъ*? Очевидно, что въ этомъ неправедномъ богатствѣ нельзя видѣть имущество, приобрѣтенное безчестно, а подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть имущество, *неправедно* присвоенное себѣ человѣкомъ въ видѣ его собственности, тогда какъ оно Божіе, и особенно, когда человѣкъ владѣетъ имъ съ *пристрастіемъ* къ любостыжанію и потому дѣлаетъ его идоломъ для своего сердца. Въ этомъ смыслѣ всякое богатство должно быть названо неправеднымъ; по изъясненію церковныхъ истолкователей, напр., *Феофилакта, Иеронима, Зигабена* и др.,

¹⁾ Das Leben Iesu Christi, 1874, стр. 363—364.

богатство должно быть называемо неправеднымъ уже по одному тому, что избытокъ его не раздѣляется между бѣдными.

Такимъ образомъ, изъ притчи Спасителя о неправедномъ управителѣ ясно, что если Христосъ повелѣваетъ приобретать богатствомъ царство небесное, то Онъ не признавалъ его зломъ самимъ по себѣ, а обладаніе имъ—грѣховнымъ. Самп представители отрицательной евангельской критики, не всегда любящіе слѣдить за собою и своими положеніями, повидимому, не должны бы отвергнуть ни выше приведеннаго изъясненія притчи Спасителя о невѣрномъ управителѣ, ни того утвержденія, что Христосъ не только никогда не признавалъ богатства зломъ самимъ по себѣ, но еще поучалъ людей пользоваться имъ для пріобрѣтенія царствія Божія. Такъ, даже *Ренанъ*, какъ мы видѣли, утверждаетъ: „быть можетъ въ подобномъ смыслѣ Онъ (Христосъ) повторялъ часто: будьте добрыми управителями! т. е. *употребляйте свои деньги для царствія Божія*, раздавая свое имущество нищимъ, согласно древней пословицѣ: *благотворящій бѣдному даетъ займы Господу*“. Но если, какъ думаетъ *Ренанъ*, по ученію Христа, выраженному въ первой заповѣди блаженства, Его послѣдователями должны быть только нищіе матеріально, то интересно было бы знать, какимъ образомъ они, будучи сами нищими, т. е., не имѣющими денегъ, могли бы употреблять *свои деньги* для царствія Божія, благотворить бѣднымъ!...

Итакъ, послѣ сказаннаго ясно, что для отрицательныхъ евангельскихъ критиковъ не было никакого достаточнаго основанія приписывать ученію Иисуса Христа въ первой заповѣди блаженства *эвонитскій* характеръ и что въ первой заповѣди блаженства слѣдуетъ разумѣть не нищихъ, какъ таковыхъ, а нищихъ духомъ, какъ и передаетъ евангелистъ Матѳей.

Прежде чѣмъ перейти къ непосредственному объясненію текста и смысла первой заповѣди блаженства, намъ необходимо сначала нѣсколько ближе рассмотретьъ объясненія этой заповѣди, указываемыя тѣми изслѣдователями нашихъ каноническихъ Евангелій, которые объявляютъ себя совершенно свободными отъ всякихъ „догматическихъ предразсудковъ“, но которые въ дѣйствительности относятся даже враждебно къ хри-

стіанскому догматическому ученію. Мы видѣли уже, что многіе изъ отрицательныхъ евангельскихъ критиковъ понимаютъ первую заповѣдь блаженства только въ смыслѣ признанія права на вступленіе въ царствіе Божіе за одними нищими въ матеріальномъ отношеніи и до сихъ поръ мы имѣли въ виду только это толкованіе, доказывая его ложь и его явное противорѣчіе всему ученію Господа нашего Іисуса Христа. Но есть и инныя объясненія этой заповѣди, болѣе или менѣе уже ближе подходящія къ истинному пониманію ея. На этихъ то объясненіяхъ мы и намѣрены остановить вниманіе читателя.

Свящ. Т. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ВЪ КУРСЪ БОГОСЛОВІЯ,

ЧИТАННАЯ ВЪ ЯРОСЛАВСКОМЪ ДЕМИДОВСКОМЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ ЛИЦЕѢ 1891 Г.
12 СЕНТЯБРЯ.

Мм. гг.!

Наука, которую я буду имѣть честь здѣсь преподавать, не нуждается въ указаніи своего предмета и въ разъясненіи задачи, ею преслѣдуемыхъ: то и другое намъ извѣстно съ дѣтства. Предметъ нашей науки—тѣ самыя истины вѣры и нравственности христіанской, которыя каждый изъ насъ слышалъ еще изъ устъ матери, усвоилъ во время домашняго и школьнаго образованія, воспринималъ и воспринимаетъ при каждомъ богослуженіи; задача ея—возможно полное и обстоятельное раскрытіе этихъ истинъ съ цѣлью образованія ума и сердца. Не нахожу я удобнымъ говорить теперь и о методѣ и планѣ изложенія науки, такъ какъ приемы, принятые мною на первый разъ, могутъ видоизмѣняться по указаніямъ опыта и практики.

Но если наша наука не нуждается въ указанныхъ разъясненіяхъ, которыя обыкновенно бываютъ предметомъ перваго вступительнаго чтенія, то она нуждается на первыхъ же порахъ въ защитѣ своего положенія и значенія среди другихъ университетскихъ наукъ. Не смотря на то, что въ послѣднее время и въ западной Европѣ и у насъ въ Россіи, религіозные вопросы съ силой выдвигаются на первый планъ, противъ введенія нашей науки къ курсъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній существуютъ довольно многочисленныя предубѣжденія, начиная съ простаго отрицанія ея пользы и кончая утвержде-

ніемъ положительнаго вреда отъ нея, какъ будто лишаящей человѣка свободы мышленія и полнаго развитія. Наиболѣе распространенное изъ нихъ, на которомъ мы и думаемъ остановиться, то, что богословское образованіе будто бы совершенно излишне для людей свѣтскихъ, что богословскія науки, какъ науки спеціальныя, должны имѣть мѣсто только въ спеціально-богословскихъ учебныхъ заведеніяхъ—духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, а никакъ не въ университетахъ, которые имѣютъ свои спеціальности. При этомъ въ оправданіе своего мнѣнія обыкновенно ссылаются на примѣръ университетовъ Западной Европы, гдѣ богословскія науки, составляя отдѣльный факультетъ—теологическій, не входятъ въ составъ предметовъ на другихъ факультетахъ.

На 1-й взглядъ приведенное мнѣніе можетъ показаться вовсе не враждебнымъ по отношенію къ нашей наукѣ; оно только легко, холодно относится къ ней, а потому и не вызываетъ на особую апологію богословія... Но холодность, презрительное равнодушіе хуже прямой, открытой вражды: послѣдняя всегда основывается на нѣкоторыхъ, хотя и ложныхъ, основаніяхъ, бываетъ чутка къ нимъ и вслѣдствіе этого способна выслушивать доказательства и другой стороны, по крайней мѣрѣ—косвенныя; а равнодушіе вовсе не хочетъ знать никакихъ аргументовъ и всегда отворачивается отъ нихъ, не узнавши ихъ. Является такимъ образомъ нужда предупредить равнодушіе.—Если къ сказанному прибавить, что дознанная незаконность даже простой невнимательности къ богословію будетъ уже ручаться за еще бóльшую несостоятельность прямо-враждебнаго отношенія къ нему, то понятны будутъ мотивы, почему я позволяю себѣ въ настоящую минуту остановить ваше вниманіе, мм. гг., на приведенномъ мнѣніи.

При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что такъ какъ и приведенное мнѣніе рассматриваетъ богословіе какъ науку и себя ставитъ подъ защиту спеціальныхъ наукъ, изучаемыхъ въ университетѣ, то и мы, во 1-хъ, будемъ брать во вниманіе лишь научную цѣнность богословія, не касаясь нравственно-воспитательнаго значенія его, какъ Закона Божія, не касаясь его благодатнаго воздѣйствія на душу, какъ имѣющаго своимъ

предметомъ высшую откровенную истину;—во 2-хъ по возможности будемъ апеллировать къ тѣмъ же самымъ наукамъ, на которыя ссылается и приведенное нами мнѣніе, и со стороны ихъ предъявлять, такъ сказать встрѣчный искъ своимъ противникамъ.

Университетъ—называютъ храмомъ науки; общее искомое всѣхъ наукъ истина. Итакъ, отыскивать и возвѣщать истину—вотъ великая и славная задача университета и всѣхъ наукъ; усвоить истину—задача университетскаго образованія. — Но что такое истина, какъ и гдѣ ее отыскивать?... Самое простое и обычное опредѣленіе истины—эмпирическое: «истина есть дѣйствительность»: то что дѣйствительно существуетъ,—истина, а что не имѣетъ дѣйствительнаго существованія, то -- неистина, ложь; таковы, на примѣръ, всѣ объекты галлюцинацій, суевѣрій и т. п.—Несомнѣнно, дѣйствительность очень важный и существенный признакъ истины; суевѣріе — потому мы и называемъ ложью, что оно есть вѣра въ несуществующее. Но легко видѣть также и то, что данное опредѣленіе истины односторонне и невѣрно. Многое дѣйствительно существующее нельзя назвать истиннымъ, таковы, на примѣръ, разныя уродства, аномаліи; съ другой стороны, многое несуществующее реально мы признаемъ однако несомнѣнно истиннымъ, какъ на примѣръ, разныя математическія вычисленія и геометрическія построенія, которымъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ реальномъ мірѣ. Слѣдовательно понятіе «истины» не совпадаетъ вполне съ понятіемъ дѣйствительности. Не всякая дѣйствительность—истина, а только та, которую мы признаемъ истинною. Здѣсь мы переходимъ изъ области реальнаго міра въ логическую область понятій,—и является новое раціоналистическое опредѣленіе истины: «истина есть согласіе предмета съ нашимъ понятіемъ о немъ»; на примѣръ, мы называемъ истинно добрымъ того человѣка, который по своимъ убѣжденіямъ и дѣйствіямъ подходитъ подъ наше понятіе добраго человѣка. Однако и это опредѣленіе, какъ легко видѣть, очень шатко. По этому опредѣленію, дѣйствительность повѣряется нашими понятіями и только та признается истинною, которая соотвѣтствуетъ этимъ послѣднимъ. Но вѣдь у насъ понятія бываютъ

истинныя и ложныя, — доказывать это нѣтъ нужды, — и истинность самихъ понятій мы обычно повѣряемъ дѣйствительностью, соотвѣтствіемъ ихъ съ наличнымъ бытіемъ: истинно то понятіе, которое вѣрно отображаетъ дѣйствительность. Такимъ образомъ у насъ получается логическій кругъ: дѣйствительность мы повѣряемъ своими понятіями, а понятія — дѣйствительностью. Ясно, что истину мы должны отыскивать не въ эмпирической дѣйствительности и не въ нашихъ понятіяхъ, а въ чемъ то другомъ... Въ чемъ же? Въ дѣйствительности идеальной. Мы обыкновенно въ каждомъ предметѣ различаемъ то, что есть или бываетъ, и то, что должно быть, феноменальную, или эмпирическую, и идеальную стороны, явленіе и сущность, или идею. Если эти двѣ стороны въ предметѣ совпадаютъ, если предметъ въ наличности таковъ, какимъ долженъ быть, если его дѣйствительное, эмпирическое бытіе вполне выражаетъ его идею, мы называемъ его истиннымъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Когда мы говоримъ: «истинный человѣкъ», — то разумѣемъ при этомъ человѣка, который вполне соотвѣтствуетъ своему назначенію, конкретно проявляетъ идею человѣка; называемъ истинно великимъ то дѣло, которое вполне выражаетъ идею величія. Равнымъ образомъ и въ приложеніи къ предметамъ внѣшней природы мы истинною называемъ совпаденіе явленія съ идеею; истинно, наиримѣръ, то животное или растеніе, которое осуществляетъ собою данный типъ, идею; наоборотъ несоотвѣтствіе идеѣ, нормѣ — даетъ въ результатѣ неистинное бытіе, аномалію, уродство ¹⁾).

Итакъ, истина есть согласіе явленія съ идеею. Слѣдовательно, задача науки, какъ стремящейся къ истинѣ, состоитъ въ томъ, чтобы найти идею, сущность предмета или группы предметовъ и способствовать возможно полной и лучшей реализаціи ея. Спѣшимъ оговориться, что далеко не всѣ частныя науки вполне преслѣдуютъ указанную нами задачу; онѣ специализируются, раздѣляютъ между собою трудъ: однѣ берутъ на себя изслѣдованіе преимущественно одной стороны истины — того, что есть, дѣйствительности, — таковы науки есте-

¹⁾ Подр. см. у Кудрявцева: «Что такое философія», Вѣра и Разумъ. 1884 г. № 1.

ственные, эмпирическія; другія—главное вниманіе обращаютъ на опредѣленіе и выведеніе независящихъ отъ эмпирической дѣйствительности законовъ и формъ бытія духовнаго или физическаго,—таковы формальная логика и математика. Но общая задача и послѣдняя цѣль науки вообще—указанная нами выше. Сказанное легко подтвердить ссылкой на любую науку. Математическія науки, напримѣръ, изучаютъ законы и нормы физической природы; естественныя науки изучаютъ ту же природу въ томъ видѣ, какъ она есть; но тѣ и другія послѣднею цѣлью своею имѣютъ возможную реализацію идеальной стороны физической природы. Эту реализацію,—конечно по частямъ, отрывками,—мы и видимъ во всѣхъ изобрѣтеніяхъ естественныхъ наукъ: машины разнаго рода, телеграфы, телефоны, фонографы и т. п. — все это ничто иное, какъ осуществленіе законовъ и нормъ физической природы, выведенныхъ математикой, въ дѣйствительныхъ явленіяхъ, изслѣдованныхъ науками естественными. Обходя другія науки, мы въ частности остановимся на наукахъ юридическихъ: какая ихъ задача? Какая ихъ послѣдняя цѣль? Однѣ юридическія науки имѣютъ въ виду преимущественно указать формы общественной жизни разныхъ народовъ,—бывшія и существующія, другія—опредѣлить нормы этой жизни—путемъ рациональнымъ, независимо отъ эмпирической дѣйствительности; но общая и послѣдняя цѣль ихъ та, чтобы понять идею права и основанной на ней государственной и общественной жизни и возможно реализовать эту идею. Изъ сказаннаго легко вывести и задачу истиннаго образованія, получаемого при помощи наукъ; задача его та же, что и наукъ вообще: достигнуть истины, т. е. согласія явленія съ идеею. При этомъ общее образованіе имѣетъ въ виду прежде всего истину самого питомца: старается при помощи разныхъ воспитательныхъ и образовательныхъ средствъ по возможности реализовать идею даннаго индивидуума, другими словами—заботится прежде всего образовать истиннаго человѣка; специальное же высшее образованіе сверхъ этой цѣли имѣетъ и другую: выяснитъ идеальную сторону какой-либо области жизни—физической или духовной и научитъ реализовать ее.

Мы указали общую цѣль науки и образованія. Она состоитъ прежде всего въ уразумѣннн идеи, сущности извѣстнаго круга явленій. Но этой идеи мы никогда не поймемъ, если не выйдемъ изъ тѣсной области любой спеціальной науки на путь общаго міровоззрѣнн, обнимающаго собою все бытіе. Изучая ту или другую область бытія въ отдѣльности, мы можемъ отдѣлить случайное и временное отъ болѣе или менѣе постояннаго въ предметахъ, указать временную и мѣстную связь и формулировать даже законы происхожденія и существованія явленій; но все это отвѣчаетъ только на одинъ вопросъ: какъ? Между тѣмъ для уразумѣнн идеи, которая есть причина и конечная цѣль бытія, требуется еще отвѣтить на вопросы: почему, для чего?—т. е. опредѣлить значеніе и назначеніе извѣстнаго круга явленій; а опредѣлить это мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, когда укажемъ мѣсто данному кругу явленій въ общей жизни универса, выяснимъ, какую роль играетъ та или другая группа предметовъ въ дѣлѣ достиженія общей міровой цѣли. Другими словами: для уясненія смысла и идеи предмета требуется общее міровоззрѣнн, потому что только съ возвышенности—при общемъ взглядѣ на мѣстность мы можемъ ясно представить отдѣльные предметы и опредѣлить ихъ взаимоотношеніе и значеніе въ данной мѣстности... И напрасно нѣкоторые представители такъ называемыхъ положительныхъ эмпирическихъ наукъ утѣшаютъ себя мыслию, будто они ни на шагъ не отдѣляются отъ фактовъ и ни въ чемъ болѣе не нуждаются. Это простое самообольщеніе. Правда, отдѣльныя науки могутъ существовать и не выходя изъ своихъ частныхъ сферъ; но тогда онѣ превратятся въ разрядъ руководствъ, полезныхъ для дѣловаго человѣка, сообщающихъ нѣкоторыя общегодныя свѣдѣнн и умѣнья, дающихъ *правильныя* представленія, а не истину въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ скоро мы не останавливаемся на простомъ описанн и переборкѣ фактовъ и явленій безъ всякаго освѣщенія ихъ, а осмысливаемъ ихъ, оцѣниваемъ, опредѣляемъ ихъ значеніе и достоинство,—мы уже идемъ путемъ синтеза и произносимъ поименованныя сужденія на основанн общихъ принциповъ, выводимъ ихъ (сужденія) изъ общаго міровоззрѣнн, хотя не

рѣдко и не сознаемъ этого съ полною отчетливостію. Въ самомъ дѣлѣ, историкъ, напр., изображая ходъ жизни того или другого народа и отмѣчая фазисы этой жизни, накладываетъ на каждый изъ нихъ ту или другую окраску, произноситъ сужденіе о каждомъ историческомъ фактѣ, указываетъ его значеніе для послѣдующей исторической жизни народа,—напримѣръ, время Перикла въ исторіи древней Греціи считаетъ цвѣтущимъ временемъ, а время послѣ Александра Македонскаго—временемъ упадка:—на какомъ основаніи онъ это дѣлаетъ? Исключительно на основаніи метафизическаго взгляда на сущность человѣка, на значеніе, цѣль и смыслъ историческаго существованія всего человѣчества. Безъ этого же воззрѣнія для него всѣ историческіе факты, какъ таковыя, имѣли бы одинаковую цѣну и смыслъ, такъ какъ факты сами по себѣ не бываютъ ни велики, ни маловажны; величіе заключастся только въ идеѣ, а не въ чемъ другомъ. Почему также юристъ не удовлетворяется простымъ описаніемъ существовавшихъ и существующихъ законодательствъ, государственныхъ и общественныхъ учрежденій, а оцѣниваетъ ихъ,—и одни изъ нихъ признаетъ неудовлетворительными, а другія—хорошими? Опять, несомнѣнно, исходя изъ общаго метафизическаго воззрѣнія на человѣка вообще, на значеніе государственной и общественной жизни въ частности. За присутствіе общихъ воззрѣній въ каждомъ изслѣдованіи говоритъ то обычное явленіе, что одинъ и тотъ же фактъ разными учеными оцѣнивается и даже представляется различно: это различіе въ оцѣнкѣ и представленіи фактовъ прежде всего и преимущественно объясняется различіемъ руководящихъ принциповъ и воззрѣній ученыхъ. Въ пользу сказаннаго говоритъ также существованіе такъ называемыхъ философій наукъ: философіи исторіи, философіи права и т. п., въ которыхъ указываются идеи данной стороны дѣйствительнаго бытія и принципы изслѣдованія ея (стороны), выведенные изъ общаго міровоззрѣнія. То же самое отчасти дѣлается и въ каждомъ введеніи ко всякой частной наукѣ ¹⁾.

¹⁾ Конечно, общее міровоззрѣніе и выводимые изъ него руководящіе принципы и идеи предметовъ не являются у насъ совершенно а priori, не создаются силою

А какъ скоро допустимъ мысль, что для уясненія идеальной стороны каждаго круга явленій, составляющаго предметъ той или другой спеціальной науки — требуются общіе руководящія принципы, требуется метафизика, необходимою явится и богословская наука. Общій взглядъ на міръ, на все существующее дается только двумя науками — богословіемъ и философіею, только онѣ, исходя изъ одного высшаго начала съ вышины, обнимаютъ всѣ области бытія и знанія, только онѣ говорятъ намъ о конечныхъ причинахъ и цѣли бытія, только онѣ ставятъ предметомъ своего изслѣдованія идеальную дѣйствительность. Въ отношеніи философіи сказанное ни въ комъ не возбудитъ сомнѣнія: въ этомъ состоитъ ея главная задача. Но невозможно сомнѣваться и относительно богословія, если припомнимъ, что предметъ его — христіанская религія. Каждая религія касается тѣхъ же основныхъ началъ знанія и бытія, которые имѣетъ своимъ предметомъ и философія; христіанская религія — раскрываетъ ихъ съ особенною полнотою и обстоятельностью. Какъ бы кто ни относился къ христіанской религіи, съ какой бы точки зрѣнія на нее кто ни смотрѣлъ, скажемъ словами одного высокопросвѣщеннаго русскаго богослова, всякій долженъ допустить, что она есть не только дѣло вѣры, но и высочайшее раціональное ученіе, объемлющее всѣ области человѣческаго знанія и мышленія, и проникаетъ всѣ отношенія и проявленія нашей жизни. Нѣтъ вопроса метафизики, который не подлежалъ бы сужденію съ христіанской точки зрѣнія и на началахъ христіанскихъ: нѣтъ отрасли въ ученіи о правѣ и законодательствѣ, которая не нуждалась бы въ провѣркѣ христіанскимъ взглядомъ; нѣтъ положенія въ политической экономіи, которое не имѣло бы соприкосновенія съ христіанскою жизнію; нѣтъ области въ исторіи и отдѣла въ наукахъ естественныхъ, которые не могли бы быть освѣщены христіанствомъ¹⁾. Если же христіанская

одной творческой дѣятельности мышленія, то и другое подготавливается изученіемъ фактовъ и явленій дѣйствительнаго бытія, но не выводится изъ нихъ всецѣло; къ эмпирическимъ, апостериорнымъ элементамъ здѣсь всегда и необходимо присоединяется значительная доза чисто апріорнаго, раціональнаго...

¹⁾ Пресов. Амвросія Харьковскаго. Церк. Вѣд. 1891 г. № 6, стр. 171.

религія есть такое общее міровоззрѣніе, касающееся основныхъ началъ каждой науки, то каждая наука уже требуетъ знакомства съ христіанскимъ воззрѣніемъ. Даже для того, кто признаетъ христіанское ученіе неистиннымъ и замѣняетъ христіанскіе принципы другими—философскими, необходимо изученіе богословія, потому что не научно было бы отвергать какъ ложное то, что намъ мало извѣстно. Слѣдовательно богословское знаніе необходимо для каждой науки, для каждаго образованнаго человѣка—хотя бы съ указанной отрицательной стороны... «Вѣруемъ ли мы, или нѣтъ, за Христа ли мы, или противъ Христа,—мы никакъ не можемъ освободиться отъ испытанія основаній христіанства» (Иттингера Апологія, ч. 1, отд. 2, стр. 75).

Отъ общаго взгляда на науки и образованіе—обратимся въ частности къ русскому образованію, и преимущественно юридическому. Предметъ русскаго образованія вообще, юридическихъ наукъ въ частности—русскій народъ, русскій человѣкъ. Каждый народъ, какъ и каждый человѣкъ, при нѣкоторыхъ общихъ со всѣми народами свойствахъ, имѣетъ свои индивидуальныя черты, свой типъ, свою, ему только одному свойственную, структуру внутренней жизни, сложившуюся подъ вліяніемъ климатическихъ, топографическихъ, историческихъ и др. условій,—короче—имѣетъ свою идею. А такъ какъ цѣль науки и образованія, какъ замѣчено было выше, состоитъ въ уясненіи идеи предмета и въ возможной реализаціи ея, то, чтобы указать точнѣе и опредѣленнѣе направленіе и задачи русскаго образованія, въ особенности юридическаго, мы должны постараться опредѣлить внутреннее содержаніе русскаго народа, его духовную сущность, которая дѣлаетъ его именно русскимъ народомъ.

Въ одной изъ своихъ статей Вл. С. Соловьевъ задаетъ такой вопросъ: «въ чемъ состоитъ русскій народный идеалъ? Что считаетъ русскій народъ за самое лучшее, чего онъ болѣе всего хочетъ для себя, для Россіи?» — И отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «Обыкновенно народъ, желая похвалить свою національность, въ самой этой похвалѣ выражаетъ свой національный идеалъ, то, что для него лучше всего, чего

онъ болѣе всего желаетъ. Такъ французъ говоритъ о прекрасной Франціи и о французской *слави*; англичанинъ съ любовью говоритъ: *старая* Англія; нѣмецъ поднимается выше и, придавая этическій характеръ своему національному идеалу, съ гордостью говоритъ „нѣмецкая *честность*“. Что же въ подобныхъ случаяхъ говоритъ русскій народъ? Чѣмъ онъ хвалитъ Россію? Называетъ ли онъ ее прекрасной или старой, говоритъ ли о русской славѣ или о русской честности и вѣрности? Ничего такого онъ не говоритъ, а когда желаетъ онъ выразить свои лучшія чувства къ родинѣ, то говоритъ о *святой Руси*. Вотъ идеаль: не консервативный и не либеральный, не политическій, не эстетическій, даже не формально-этический, а идеаль нравственно-религіозный¹⁾. Г. Соловьевъ рельефно отмѣтилъ идеальныя черты русскаго народа и указалъ отличіе ихъ отъ таковыхъ же чертъ другихъ народовъ. Дѣйствительно, религіозный, точнѣе, православный интересъ самый главный въ духовной жизни русскаго народа; онъ болѣе всего дорожитъ православной вѣрой и отдается ей всѣмъ своимъ существомъ. Вся прошедшая исторія Руси, ея настоящее положеніе, ея стремленія и идеалы будущаго—живое доказательство сказаннаго нами. Въ продолженіе всей своей исторіи, послѣ принятія христіанства, русскій народъ не числился только, а постоянно *жилъ* въ Церкви, не по временамъ лишь и урывками заглядывалъ въ нее и справлялся о ней, а всегда чувствовалъ себя живою частицею Церкви и ставилъ свое духовное общеніе съ нею выше всего въ мірѣ. Она была для него живымъ средоточіемъ, изъ котораго исходили и къ которому возвращались всѣ его помыслы; она проникла во все существо его, отразилась на всей его жизни и дѣятельности, сдѣлала его народомъ вполнѣ „*церковнымъ*“, православнымъ. Русскіе не знаютъ для себя другого имени, кромѣ «христіане» (крестьяне) и, обращаясь къ своему собранію, привѣтствуютъ его словомъ «православные». Весь бытъ и годовая дѣятельность русскаго народа сообразована съ церковнымъ годомъ. Самыя политическія событія Руси носятъ отчетливый отпеча-

¹⁾ «Открытое письмо Аксакову». Прав. Об. 1884 г. Апр. стр. 809—810.

токъ церковности, и многія изъ нихъ нельзя понять и объяснить безъ разумнiя этого кореннаго русскаго начала. Какъ образовалось самое наше государство? При помощи Церкви: Церковь именно дала прочность случайности Олегава дѣла. Церковь же поддерживала и сохраняла государство и во все послѣдующее время. Во всѣ времена девизомъ защитниковъ Руси было: «за вѣру православную и за святую Русь». Еще въ народныхъ былинахъ говорится, что богатыри ѣдутъ въ Кіевъ за тѣмъ, чтобы

«Постоять за вѣру христіанскую
И за матушку свято-Русь землю».

Посмотрите на войны Александра Невскаго со шведами и ливонцами, на борьбу русскихъ съ татарами, — припомните 1612 годъ, патріарховъ—Іова, Гермогена, Троицкую Лавру, Минина, Пожарскаго, или обратите вниманіе на борьбу нашего казачества съ поляками и латинствомъ, особенно на борьбу малороссовъ въ половинѣ XVII в. при Богданѣ Хмѣльницкомъ, за право быть подданными царя православнаго: не ясно-ли слышится во всѣхъ этихъ событіяхъ и поверхъ другихъ звуковъ все тотъ же русскій кличъ: «за вѣру православную, за царя и за святую Русь». А какъ понять послѣднюю нашу войну? Особенно какъ понять предшествующій этой войнѣ безпримѣрный подъемъ духа русскихъ, когда они жадно, въ какой-то агитаціи прислушивались къ этой войнѣ и жертвовали въ пользу возставшихъ славянъ своимъ имуществомъ, трудомъ, сами шли массами проливать свою кровь? Тутъ не было никакихъ—ни политическихъ, ни финансовыхъ расчетовъ; напротивъ, тутъ былъ прямой убытокъ. Не достаточно для объясненія возбужденія и одного племенного родства; русскіе, напримѣръ, никогда не помогали полякамъ и никогда не считаютъ ихъ своими братьями. Нѣтъ, — тутъ именно проявилось православіе русскихъ; они называли славянъ своими братьями потому, что тѣ были также православными, и, защищая ихъ, прежде всего защищали Церковь православную, и за нее-то, поправную мусульманами, они шли проливать кровь свою, шли съ радостью духовною, безъ опа-

сенія, «не кричали, какъ говоритъ Ѳ. М. Достоевскій, что па-
даетъ рубль и что цѣна на говядину стала дороже». — Чего,
наконецъ, желаетъ русскій народъ для себя въ будущемъ?
Опять только и единственно Церкви. Онъ усиленно ищетъ и
ждетъ правды на землѣ, правды не внѣшней, юридической, а
правды внутренней, духовной, Божественной; поверхъ право-
вого порядка онъ поставляетъ всегда живую человѣческую,
христіанствомъ просвѣщенную, совѣсть. «Это такъ по законамъ,
а по совѣсти-то какъ, по Божьему-то?» — нерѣдко можно услы-
шать отъ русскаго человѣка. Что же значить эта фраза? Она
абсурдъ для европейца, живущаго идеей государства, но она
имѣетъ глубокой смыслъ въ устахъ русскаго народа, потому
что само государство съ его юридическими законами и юри-
дической правдой для русскаго не есть цѣль и идеаль бытія,
а лишь средство бытія, только необходимый временный ком-
промиссъ съ истиною, вынуждаемый условіями земного су-
ществованія; конечный же идеаль русскаго народа есть все-
братское соединеніе, вселенская Церковь съ ея внутреннимъ
судомъ, съ ея внутреннею духовною правдою. «Россія, гово-
ритъ одинъ иностранецъ, не нація, а Церковь» ...

Какъ бы для нагляднаго уясненія сказаннаго можно ука-
зать на одно характерное явленіе въ нашей художественной
литературѣ. У насъ въ литературѣ мало типовъ положитель-
ныхъ, идеальныхъ; но почти всѣ, какіе созданы, проникнуты
религіознымъ церковнымъ духомъ.

Чѣмъ это объяснить? Тѣмъ, что русскіе ничего лучшаго
Церкви не знаютъ и не желаютъ? Вотъ еще очень выуклый
фактъ, взятый прямо изъ жизни. По примѣру парижскаго
учебнаго начальства, посредствомъ сочиненій подвергавшаго
статистическому изслѣдованію задушевные желанія Париж-
скихъ ребятъ, С. А. Рачинскій въ своей школѣ часто зада-
валъ ученикамъ сочиненія, въ которыхъ каждый долженъ былъ
откровенно высказать, какъ бы онъ желалъ провести свою
жизнь. Отвѣты получались самые разнообразныя, смотря по
возрасту, характеру, степени развитія, минутному настроенію
ученика. Но весьма замѣчательно, говоритъ Рачинскій, въ
этихъ сочиненіяхъ частое повтореніе одного мотива, который.

ручаюсь за это, во всякой школѣ, кромѣ русской. можетъ явиться лишь какъ рѣдкое исключеніе. Большинство мальчиковъ, внимательно относящихся къ заданной темѣ, нарисовавъ себѣ жизнь, соотвѣтствующую ихъ вкусамъ и наклонностямъ, заключаютъ ее отреченіемъ отъ всего мірскаго, раздачею имущества бѣднымъ, поступленіемъ въ монастырь. Фактъ слишкомъ ярко и точно опредѣляющій русскій народный идеаль, тѣмъ болѣе, что ученики, надъ которыми дѣлалъ опыты Рачинскій, вовсе не видали монастыря, а самъ Рачинскій, по его собственному признанію, монастырямъ современнымъ ни мало не сочувствуетъ и вовсе не навязывалъ мысли объ удаленіи отъ міра своимъ питомцамъ. Здѣсь выразились смутныя алканія русской души, ея существа.

Противъ указаннаго нами кореннаго духовнаго содержанія русскаго народа обыкновенно выставляютъ религіозный индифферентизмъ высшихъ классовъ, 'двоевѣріе, разные языческіе предрасудки и пороки низшаго слоя нашего народа. Но все это ничего не говоритъ противъ нашей мысли. Интеллигенція наша, увлекшись западно-европейскимъ образованіемъ раціоналистическаго характера, дѣйствительно заглушила въ себѣ хотя далеко не совсѣмъ религіозность — это свое національное отличіе; но зато она и сдѣлалась скорѣе европейскою, чѣмъ русскою; а какъ скоро она начинаетъ скучать по родинѣ, какъ скоро возникаетъ у ней желаніе быть русскою — у ней невольно является и религіозность. Что касается простаго народа, то несомнѣнно у него много противнаго православію, много языческихъ понятій и пороковъ. Но вѣдь развѣ можно требовать отъ необразованнаго, неумудреннаго мужика полного осуществленія въ жизни и дѣятельности безконечно высокаго христіанскаго идеала? Такое осуществленіе, насколько оно возможно на землѣ, дѣло будущаго; этому поможетъ, между прочимъ, и развивающееся образованіе. Сознаніе же христіанскаго идеала, его превосходства и его влательства надъ душею у русскаго народа несомнѣнно есть и всегда проявляется въ жизни, проявляется въ самоосужденіи, въ названіи грѣховъ ихъ собственнымъ именемъ и въ признаніи необходимости исправленія. Прекрасно по этому поводу говоритъ въ

своемъ Дневникѣ Достоевскій. «Народъ русскій, пишетъ онъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ православенъ и живетъ идею православія въ полнотѣ, хотя и не разумѣетъ этой идеи отвѣтчиво и научно. Въ сущности въ народѣ нашемъ кромѣ этой идеи нѣтъ никакой, и все изъ нея одной исходитъ, по крайней мѣрѣ, народъ нашъ такъ хочетъ всѣмъ сердцемъ своимъ и глубокимъ убѣжденіемъ своимъ. Онъ именно хочетъ, чтобы все, что есть у него и что даютъ ему, изъ этой лишь одной идеи и исходило. И это не смотря на то, что многое же у самого народа является и выходитъ до цѣлности не изъ этой идеи, а смраднаго, гадкаго, преступнаго, варварскаго и грѣховнаго. Но и самые преступники и варвары хотя и грѣшатъ, а все-таки молятъ Бога въ высшія минуты духовной жизни своей, чтобы пресѣкся грѣхъ ихъ и смрадъ и все бы выходило опять изъ той излюбленной „идеи“ ихъ. Вся глубокая ошибка нашихъ интеллигентныхъ людей въ сужденіи о народѣ, продолжаетъ, онъ, въ томъ, что они не признаютъ въ русскомъ народѣ церкви. Я не про зданія церковныя теперь говорю и не про причты, — я про нашъ русскій „соціализмъ“ теперь говорю, цѣль и исходъ котораго всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на землѣ, поколику земля можетъ вмѣстить ее. Я говорю про неустанную жажду въ народѣ русскомъ великаго, всеобщаго всебратскаго единенія во имя Христова. И если нѣтъ еще этого единенія, если не созидилась еще церковь вполне, уже не въ молитвѣ одной, а на дѣлѣ, то все-таки инстинктъ этой церкви и неустанная жажда ея, иной разъ даже почти бессознательная, въ сердцѣ многомилліоннаго народа русскаго несомнѣнно присутствуютъ. Не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается социализмъ народа русскаго: онъ вѣритъ, что спасется въ концѣ концовъ лишь всесвѣтлымъ единеніемъ во имя Христова. Вотъ нашъ русскій социализмъ ¹⁾. Такія же мысли высказываютъ и иностранцы, болѣе или менѣе знакомые съ Россіей и религіозно-нравственнымъ настроеніемъ русскаго народа. Такъ Овербекъ говоритъ, что православная истина — это

¹⁾ Дневникъ, 1881 г.

душа Россіи, ея жизненное начало, жизненный сокъ въ ея жилахъ, мозгъ въ ея костяхъ»¹⁾. Другой иностранецъ—французъ, хорошо изучившій Россію, говоритъ: «между Евангеліемъ и русскою натурою есть какое-то соотвѣтствіе и даже трудно рѣшить, что принадлежитъ собственно вѣрѣ и что народному темпераменту. Этотъ народъ, который иными изъ его сыновъ ставился вѣ христіанства, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые сохранили идею святости. Это высокое чувство, столь чуждое народнымъ массамъ запада, у русскихъ стало народнымъ и живымъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что оно имѣетъ высокаго и необычайнаго для насъ»²⁾.

Если теперь сопоставить сказанное нами объ основномъ моментѣ всего историческаго бытія русскаго народа съ предыдущими нашими положеніями объ истинѣ, какъ послѣднемъ искомомъ всѣхъ наукъ, то легко уже опредѣленно указать значеніе православнаго христіанскаго богословія для русскаго образованія. Образованіе состоитъ въ реализаціи прежде всего идеи человѣка;—основной индивидуальный элементъ русскаго человѣка, дающій окраску всему его существу, есть его религіозность, точнѣе—православіе; слѣдовательно и въ образованіи русскаго человѣка религіозный элементъ долженъ занимать такое же мѣсто, какъ въ самомъ его существѣ, т. е. образованіе должно быть проникнуто христіанскимъ православнымъ духомъ, должно покоиться на христіанскомъ православномъ міросозерцаніи, какъ на своемъ базисѣ. Только при этомъ условіи русскій образованный человѣкъ останется истиннымъ русскимъ человѣкомъ, осуществившимъ въ предѣлахъ возможнаго свою идею, и хорошимъ спеціалистомъ, умѣющимъ прилагать свои знанія къ жизни. Въ противномъ случаѣ образованіе должно или совсѣмъ отсѣчь главную національную особенность русскаго человѣка и чрезъ это превратить его въ космополита, въ человѣка вообще:—это безжизненное существо, абстрактное понятіе, фикцію,—къ счастью очень рѣдко

1) «Предназначеніе православной Россіи». Пр. Обоз. 1869 г. т. II, стр. 714.

2) Ступовъ, «Ко дню 900-лѣтія крещенія Руси». Прав. Соб. 1868 г. Іюль, стр. 359.

бывающее въ дѣйствительности; или,—что бываетъ чаще,—замѣнить ихъ особенностями какой-либо другой національности и чрезъ это превратить его въ блѣдную копію этой послѣдней,—существо тоже неистинное, созданное искусственно, некрасивое по своей нравственно-духовной фѣзіономіи, какъ некрасива всякая поддѣлка, и тощее, малопроизводительное, какъ тощо и малопроизводительно бываетъ растеніе, которое подгоняютъ подъ несвойственный ему типъ, — и во всякомъ случаѣ чужое на своей собственной землѣ, непонимающее ея, не чувствующее никакой связи съ ней. ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Не будетъ вполнѣ достигать цѣли такъ образованный человѣкъ и въ сферѣ своей спеціальности: онъ или не найдетъ средствъ приложить своихъ знаній къ дѣлу, и послѣднія останутся у него мертвымъ капиталомъ,—очень обычное явленіе!... Или вслѣдствіе незнанія своей родины, — будетъ прилагать ихъ неумѣло и чрезъ это не только не будетъ приближаться къ истинѣ, а скорѣе удаляться отъ нея: явленіе тоже нерѣдкое! Мое заключеніе не пустые, натянутые и искусственные выводы. Въ пользу его много примѣровъ представляетъ наше послѣ-Петровское образованіе, цѣликомъ перенесенное къ намъ съ запада и заглушившее наши національныя особенности,—это образованіе придало намъ много внѣшняго блеска, но мало прибавилъ жизненныхъ производительныхъ силъ, даже во многихъ отношеніяхъ убавило ихъ. «Наши познанія, говоритъ Хомяковъ, повидимому такъ разнообразны и обширны, умственные способности такъ развиты, ясность и быстрота понятій доведены до такой высокой степени, что изумляешься по неволѣ. Чего бы, кажется, не ожидать отъ такого остроумія, отъ такого мыслительнаго богатства? Какихъ великихъ открытій въ наукѣ, какихъ чудныхъ приложеній въ жизни, какихъ быстрыхъ шаговъ впередъ для цѣлой массы народной и для всего человѣчества? А что же выходитъ на повѣрку? Всѣ эти познанія, вся эта умственная живость — остаются малопродуктивными... мы всегда оказываемся учеными заднимъ числомъ»¹⁾). И это понятно,—такъ какъ ко-

¹⁾ Сочиненія Хомякова, т. I, стр. 34. Изд. 2, 1878 г.

нія самая удачная—никогда не можетъ идти впередъ своего оригинала; она только отображаетъ шаги послѣдняго.... А вотъ отзывъ о нашемъ образованіи нашей художественной литературы. Алеко и Евгенийъ Онѣгинъ у Пушкина, Печоринъ у Лермонтова, такъ называемые лишніе люди у Тургенева, естественные и исторически необходимо явившіеся плоды образованія, чуждаго тѣмъ началамъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ развился и сложился русскій народъ. Трагизмъ всѣхъ этихъ знакомыхъ намъ лицъ заключается въ томъ, что они были пришельцами и скитальцами на родной землѣ, не могли прилѣпиться къ родной нивѣ и найти на ней дѣла, хотя искренно искали его и кипѣли здоровьемъ и силой. Вслѣдствіе такой бездомности и безцѣльности существованія, они впадали въ тоску по цѣльности жизни, которая заставляла ихъ кидаться во всѣ стороны, но нигдѣ не покидала ихъ, потому что они вездѣ были чужими и лишними людьми.

Конечно, сказанное нами вовсе не значитъ, что мы должны изучать только Законъ Божій, богословіе, или ко всему чуждому не-русскому относиться враждебно; здѣсь мы имѣемъ въ виду не содержаніе наукъ, а одни принципы, одни руководящія начала, которыя необходимо проникаютъ каждую науку и которыя въ русскомъ православномъ народѣ должны быть заимствованы изъ христіанскаго православнаго міросозерцанія. Много образцовъ указываемаго нами образованія можно найти въ великихъ отцахъ и учителяхъ древней Церкви, къ которымъ съ почтеніемъ относились представители и языческой науки и которые оказали великую услугу не только своему времени и обществу, но и послѣдующимъ вѣкамъ, каковы, на примѣръ, были свв. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и др.: они ходили въ языческія училища, слушали извѣстныхъ въ то время языческихъ философовъ и риторовъ, изучали всѣ науки тогдашняго классическаго міра, но утвержденные въ христіанскихъ началахъ родителями и христіанскими наставниками и на все смотрѣвшіе подъ угломъ христіанскаго міросозерцанія, — они легко и удобно могли ориентироваться въ получаемыхъ свѣдѣніяхъ и, принимая доброе и полезное, пропускать мимо ложное, фальшивое и вредное: такъ

они принимали указанія наукъ и философіи о свойствахъ природы физической и духовной, но отвергали какъ ложную мысль о самостоятельности и самобытности матеріи и міра; съ уваженіемъ относились они къ древнимъ мыслителямъ, видя въ ихъ изысканіяхъ естественное стремленіе человѣка къ отысканію полной истины и бытія абсолютнаго, и принимали добытыя ими крупницы истины, но далеки были отъ увлеченія баснями и мифами древности о богахъ. Таково должно быть и наше образованіе: мы должны все испытывать, все изучать, но держаться только добраго, оцѣнивая все при свѣтѣ и руководствѣ христіанскаго ученія.

Но если для русскаго образованія вообще требуются христіанскія руководительныя начала, которыя указываетъ богословіе, то они тѣмъ болѣе необходимы для русскаго юриста. Русскій юристъ имѣетъ дѣло съ русскимъ народомъ и формами его жизни — прошедшими, настоящими и будущими, которыя въ предѣлахъ возможнаго служатъ и должны служить слѣдствіемъ и средствомъ развитія и обнаруженія духовной сущности народа. Но можно-ли понять эти формы, этотъ бытъ, нерѣдко своеобразный и отличный отъ быта другихъ народовъ, если мы опустимъ изъ вниманія коренную стихію русской народной жизни — христіанскую религію? Можно-ли произнести должную, справедливую оцѣнку надъ тѣмъ или другимъ учрежденіемъ безъ знанія той же христіанской религіи, подъ вліяніемъ которой сложилась вся общественная и государственная русская жизнь? Окончательно нѣтъ... Если современные образованные люди для уясненія смысла жизни и учрежденій какого-либо народа находятъ необходимымъ и изученіе всѣхъ вѣрованій, мѣвовъ и суевѣрій народныхъ, напр., для уясненія смысла древне-греческой жизни считаютъ необходимымъ изученіе Иліады и Одиссеи Гомера, то еще болѣе необходимо для юриста, имѣющаго въ виду понять русскую жизнь, изученіе христіанской религіи — тысячелѣтней основы всей русской жизни. Только подъ условіемъ знанія христіанской религіи и тѣхъ вліяній, какія она производитъ на человѣка, мы поймемъ русскій народъ, при чемъ добрыя и порочныя проявленія его воли и его стремленія, а сообразно съ этимъ и тѣ формы жиз-

ни, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его духу. Въ противномъ случаѣ мы легко можемъ впасть въ крупную ошибку въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ; будемъ неправильно оцѣнивать дѣйствія русскаго человѣка и принимать мѣры и средства несоотвѣтствующія его духу или предлагать формы жизни и учрежденія, и хорошія, можетъ быть, при иныхъ условіяхъ, но въ которыя никогда не взоидетъ русская жизнь, которыя будутъ постоянно возмущать и вызывать на протестъ противъ себя натуры сильныя и совершенно подавлять слабыя.

Намъ могутъ сказать, что изученіе христіанской религіи, конечно, необходимо для русскаго человѣка; но оно относится къ общему образованію, на которомъ основывается спеціальное, и потому должно имѣть мѣсто лишь въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а не въ высшихъ-спеціальныхъ. Это совершенно вѣрно, но только по отношенію къ западной Европѣ, а не по отношенію къ Россіи. У западныхъ народовъ религія есть одна только сторона духовной жизни, а не вся жизнь; поэтому и для развитія ея требуется почти столько же вниманія, какъ и для развитія другихъ сторонъ духовной сущности. Не то у насъ въ Россіи, гдѣ все — и внутренняя и внѣшняя жизнь исходятъ изъ религіи и ею проникнуты и гдѣ поэтому изученіе христіанскаго ученія должно входить не въ составъ лишь общеобразовательнаго курса, но и въ составъ каждаго спеціального; и чѣмъ далѣе идетъ изученіе той или другой области бытія, тѣмъ глубже и основательнѣе должно быть изученіе и христіанской религіи, чтобы она могла быть свѣтильникомъ и руководителемъ при каждомъ спеціальномъ научномъ изслѣдованіи, что будетъ невозможно, если удовольствоваться изученіемъ христіанскаго ученія, лишь въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что оно тамъ по необходимости является всегда очень ограниченнымъ. Потому то въ русскихъ университетахъ богословіе и сдѣлано обязательнымъ предметомъ для всѣхъ факультетовъ.

Я позволилъ себѣ, Мм. Гг., показать отношеніе богословія, какъ науки къ другимъ наукамъ, въ частности юридическимъ — не съ цѣлью умаленія послѣднихъ сравнительно съ первымъ. Я старался лишь выяснитъ задачи русской науки и русскихъ

университетовъ, заботиться о достиженіи которыхъ каждый обязанъ по мѣрѣ своихъ силъ на выпавшемъ ему поприщѣ. По моему искреннему убѣжденію, въ дѣлѣ достиженія этихъ задачъ богословіе, рассматриваемое даже только, какъ наука, не только не лишнее среди другихъ университетскихъ наукъ, но положительно необходимо: оно служитъ тому же почетному и славному знамени русскихъ университетовъ — истинѣ, которому служатъ и другія науки.

Проф. К. Смирновъ.

МОНИЗМЪ ИЛИ ДУАЛИЗМЪ?

Характеристика монизма и дуализма, какъ учешій метафизическихъ. Монизмъ матеріалистическій и спиритуалистическій. Изложеніе основаній матеріализма и спиритуализма. Способы соглашенія монизма съ дуализмомъ. Гносеологическое рѣшеніе этого вопроса. Дуализмъ онтологическій и гносеологическій.

Когда говорятъ, что время метафизики прошло и что мѣсто ея должна заступить гносеологія, то при этомъ питаютъ сокровенную, хотя тицетную, надежду, что, покончивъ съ метафизикою, можно считать порѣшенными и переданными забвенію и тѣ созданные ею вопросы, которые оказались годными только на то, чтобы вовлекать умъ человѣческой въ неодолимая трудности. Между тѣмъ, что мы видимъ надѣлѣ? Ближайшее рассмотрѣніе задачи, которою занимается гносеологія, показываетъ, что коренная трудность, съ которою связывается разрѣшеніе вопросовъ метафизики нисколько не устраняется замѣною метафизики гносеологіею, напротивъ повторяется опять и въ самой гносеологіи, такъ что въ гносеологіи мы снова встрѣчаемся съ тѣми же вопросами, надъ которыми, какъ полагаютъ, напрасно столь долгое время трудилась метафизика. Означенная трудность, противостоящая разрѣшенію вопросовъ метафизики, заключается въ томъ, чтобы примирить *дуализмъ* и *монизмъ*, на которые обыкновенно распадаются въ основанія своемъ всѣ метафизическія ученія. Дуализмъ, повидимому, не есть разрѣшеніе метафизической задачи, а скорѣе выраженіе ея, исходный пунктъ метафизическихъ изысканій. Ибо признаніе бытія двухъ началъ означаетъ прежде всего раздѣленіе всѣхъ явленій дѣйствительности на два совершенно различныхъ разряда, именно на ду-

ховныя и матеріальныя. Раздѣленіе это представляется само собою, съ перваго взгляда, такъ что можно принимать его за непосредственно данное, но имъ ничего не изъясняется, а только устанавливается фактъ кореннаго различія между явленіями одного разряда и явленіями другаго. Напротивъ, самый этотъ фактъ различія требуетъ разъясненія, и съ этого пункта и начинаются главнымъ образомъ метафизическія изысканія. Требуется разъяснить: какимъ образомъ, несмотря на противоположность и самостоятельность основныхъ началъ, явленія, къ нимъ относящіяся, повсюду находятся во взаимной связи и взаимодействіи; какъ понимать единство духовнаго съ тѣлеснымъ, единство столь же очевидное, какъ и противоположность характеристическихъ свойствъ того и другаго? Повидимому вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ и дѣйствительно рѣшается обыкновенно такъ: въ основаніи явленій, и духовныхъ и тѣлесныхъ, лежитъ одно лишь начало, а потому противоположность и раздѣльность тѣхъ явленій—однихъ въ отношеніи къ другимъ—есть кажущаяся, мнимая, а недѣйствительная; на самомъ дѣлѣ всѣ явленія однородны. Но когда требуется опредѣлить предполагаемое въ основѣ духовныхъ и тѣлесныхъ явленій начало, то при этомъ оказывается не меньшее различіе во взглядахъ, какъ и то различіе, какое представляется безпристрастному наблюдателю между одними явленіями и другими, т. е. между духовными и тѣлесными: по мнѣнію однихъ, единое начало, изъ котораго слѣдуетъ выводить всѣ явленія, — какъ тѣлесныя, такъ и духовныя, есть *матерія* (матеріализмъ); другіе же полагаютъ, что таковымъ началомъ слѣдуетъ признать *духъ* (спиритуализмъ). По мнѣнію первыхъ, духовныя явленія лишь кажутся чѣмъ то отличнымъ отъ явленій матеріальныхъ, а на самомъ дѣлѣ они не таковы, такъ что, по этому взгляду,—матеріальность, со всѣми ея характерными признаками, есть истинное, дѣйствительное бытіе, а духовность, напротивъ, есть призракъ, бытіе мнимое, а недѣйствительное; другіе же полагаютъ, что это самое слѣдуетъ скорѣе признать о духовномъ, а не матеріальномъ, именно, что духовное въ собственномъ смыслѣ существуетъ, тогда какъ все матеріальное лишь представляется

сущимъ, подлинно же не существуетъ. Уже въ этомъ самомъ утверженіи, что есть бытіе истинное и есть бытіе мнимое, призрачное, въ различеніи того и другаго, которое не можемъ быть отрицаемо в матеріализмѣ, заключается важное преимущество спиритуализма; ибо, съ точки зрѣнія спиритуализма, это различіе понятно, тогда какъ для матеріализма оно совершенно необъяснимо. Что такое духъ? Это существо представляющее, способное имѣть сознаніе о себѣ и о другомъ. Итакъ понятно, что когда духъ, какъ существо представляющее, существуютъ, тогда возможно и различіе между кажущимся, призрачнымъ бытіемъ и дѣйствительнымъ; первое есть имѣющееся только въ *представленіи*, лишь представляемое, но инымъ какимъ-либо образомъ не дано. Но какимъ образомъ, при существованіи одной лишь матеріи, можетъ возникнуть различіе между дѣйствительнымъ бытіемъ, истинно сущимъ и бытіемъ мнимымъ, т. е. даннымъ только въ представленіи? Для этого, очевидно, необходимо, чтобы матерія обладала способностію представлять. Обыкновенно разумѣется подъ названіемъ матеріи совокупность малѣйшихъ недѣлимыхъ частицъ, раздѣленныхъ между собою пустыми промежутками. Итакъ необходимо допустить, что самыя эти частицы суть существа представляющія. Ибо мнимое, кажущееся въ отличіе отъ дѣйствительнаго есть именно то, что дано только въ представленіи. Дѣйствительно, Лейбницъ признавалъ представленіе (и способность представлять) основнымъ свойствомъ малѣйшихъ недѣлимыхъ частицъ всего сложнаго; но, какъ извѣстно, Лейбницъ поэтому самому не могъ допустить того предположенія, что это частицы матеріальныя; ни протяженности, ни дѣлимости, т. е. того, чѣмъ характеризуется матеріальность, Лейбницъ не могъ признать свойствами своихъ монадъ, которыя напротивъ признавалъ онъ *душеподобными* сущностями; отсюда видно, что сама по себѣ необходимость признать свойствомъ основного начала вещей—способность представлять,—необходимость эта сразу превращаетъ матеріальное начало,—если предположить, что матерія, какъ сложность частицъ, единственное начало вещей,—въ начало духовное: моналологія Лейбница дѣйствительно представляетъ со-

бою не что иное какъ преобразование *материалистическаго* атомизма въ *спиритуалистическій* плюрализмъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы для материализма не было вовсе выхода изъ указаннаго затрудненія, и притомъ этимъ выходомъ материализмъ можетъ пользоваться не безъ выгоды для себя. Такой выходъ заключается въ слѣдующемъ: если данное только въ представленіи не есть еще дѣйствительное, и все, что только представляется, поэтому не можетъ еще быть признано дѣйствительнымъ, то это общее положеніе о бытіи слѣдуетъ примѣнить и къ бытію духа; ясное дѣло, что не въ томъ бытіе духа заключается, что онъ представляетъ себя, ибо представляемое бытіе не есть истинное, а мнимое, кажущееся; слѣдовательно, сверхъ способности представлять, долженъ быть иной признакъ, и притомъ важнѣйшій признакъ бытія; не въ томъ состоитъ существо духа, что онъ представляетъ; въ представленіи не заключается бытіе, слѣдовательно, способность представлять не есть истинный признакъ бытія. Такой признакъ заключается *въ дѣйствіи* и способности *дѣйствовать*: вѣдь бытіе дѣйствительное тѣмъ и отличается отъ мнимаго, что первое способно оказывать какое-либо дѣйствіе; способность производить дѣйствіе называется силою, поэтому сила, обнаруживающаяся въ дѣйствіи, и есть истинный признакъ бытія. Между тѣмъ сама по себѣ сила не существуетъ. Необходимымъ субстратомъ и вмѣстѣ орудіемъ дѣйствія силы служатъ матерія, такъ что сила и матерія—эти начала совершенно нераздѣльны одно отъ другаго; только мысленно, въ абстракціи, мы можемъ ихъ раздѣлить; на дѣлѣ же силы для насъ познаваемы лишь въ материальномъ дѣйствіи и чрезъ посредство таковыхъ дѣйствій. Такъ мы приходимъ къ основному положенію материализма о силѣ и матеріи. Посмотримъ теперь достаточно-ли это положеніе для того, чтобы основать на немъ полное ученіе о бытіи. При нераздѣльности силы и матеріи, очевидно, всѣ силы (предполагая, что не существуетъ иныхъ силъ, кромѣ материальныхъ) должны быть *частичными*, т. е. присущими малѣйшимъ частицамъ матеріи. Поэтому силы должны различаться, по различію самихъ частицъ матеріи, служащихъ единицею дѣленія сложнаго на

составные элементы; простѣйшимъ частицамъ матеріи (атомамъ) свойственны силы притягательная и отталкивательная; но до этихъ частицъ дѣленіе никогда не достигаетъ, и только мысленно оно можетъ быть продолжено до таковыхъ частицъ. Соединеніе нѣсколькихъ атомовъ (однородныхъ или неоднородныхъ) образуетъ такъ называемую *молекулу*; молекулы обнаруживаютъ силы химическаго сродства. Наконецъ соединеніе множества молекулъ образуетъ частицу такъ называемой протоплазмы, — матеріи организованной (атомъ и молекула — частицы матеріи неорганизованной). Основная сила, присутствующая организованной матеріи, есть побужденіе къ самосохраненію, стремленіе къ поддержанію себя среди измѣняющихся условій среды. Молекулы, какъ частицы неорганизованной матеріи, отличаются отъ частицъ матеріи организованной несравненно большею прочностію соединенія; элементы, входящіе въ составъ матеріи организованной, легко распадаются, не будучи связаны между собою химически (между многими тѣлами въ составѣ организованной матеріи нѣтъ химическаго сродства), но, въ замѣнъ химической связи, существуетъ связь органическая въ матеріи организованной; связь эта проявляется какъ побужденіе къ сохраненію цѣлаго; отсюда отличительнымъ признакомъ организованной матеріи является стремленіе къ образованію цѣлаго; простѣйшаго вида цѣлое представляетъ собою такъ называемыя клѣточки или ячейки; собраніе множества клѣточекъ составляетъ сложный организмъ (животный или растительный); собраніе же множества животныхъ организмовъ, также связанныхъ единствомъ побужденій, составляетъ общину. — организмъ соціальный — наиболѣе сложный. Такъ какъ въ органической матеріи мы видимъ стремленіе къ образованію цѣлаго, то посему и побужденіе къ самосохраненію направлено къ поддержанію и усовершенію цѣлаго (борьба за существованіе); цѣлое, какъ предметъ и цѣль стремленія, прежде своего образованія, очевидно, можетъ быть дано только въ видѣ *представленія*; отсюда способность представлять тѣсно связана съ побужденіемъ къ самосохраненію и изъ него вытекаетъ; поэтому побужденіе къ самосохраненію должно простирается и на способность представ-

лять; дѣйствительно, въ этой области, т. е. въ психической, побужденіе къ самосохраненію обнаруживается какъ *память*, т. е. какъ способность *сохранять* представленія. Основная мысль матеріализма, что все образуется взаимодействіемъ частичныхъ, т. е. матеріальныхъ силъ, повидимому, строго выдержана въ изложенныхъ положеніяхъ. На самомъ же дѣлѣ далеко нѣтъ въ этихъ положеніяхъ внутренняго согласія. Убѣдиться въ этомъ нетрудно. Основное утвержденіе матеріализма таково: такъ какъ матерія есть совокупность бесконечно малыхъ недѣлимыхъ частицъ, поэтому всѣ разности въ природѣ вещей необходимо изъяснять болшею или меньшею сложностію ихъ матеріальнаго состава; принципъ этотъ слѣдовательно долженъ быть приложимъ и къ явленіямъ природы органической и къ жизни психической. Но именно это послѣднее утвержденіе, безъ котораго матеріалистическій принципъ не имѣлъ бы всеобщаго, абсолютнаго значенія, не оправдывается на дѣлѣ, а это показываетъ недостаточность самаго принципа. Точно ли изъясняются явленія органической жизни, въ особенности же жизнь психическая, изъ общихъ основаній матеріализма? Основанія эти установлены путемъ изученія неорганической природы (механическихъ и химическихъ силъ) и только въ этой области они имѣютъ все свое значеніе. Разумѣется, такъ какъ механическія и химическія силы дѣйствуютъ и въ природѣ органической, то, въ мѣру дѣйствія этихъ силъ, матеріалистическія основанія приложимы и къ природѣ органической, но отличительныя свойства этой природы, въ особенности же высшія проявленія психической жизни, изъ тѣхъ основаній вовсе не могутъ быть изъяснены, а потому въ сущности *отрицаются*, а не изъясняются матеріализмомъ. Матеріальныя силы суть силы *частныя*, т. е. присущія частицамъ матеріи, такъ какъ сама матерія состоитъ изъ частицъ; поэтому и дѣйствія матеріальныхъ силъ могутъ состоять лишь въ разединеніи или въ соединеніи частицъ; при этомъ для самихъ частицъ, образующихъ соединеніе ббльшаго или меньшаго объема, должно быть совершенно безразлично—какого вида и устройства образуется цѣлое; частицы могутъ накапливаться

безъ конца, если только нѣтъ къ тому препятствій; равно и самый способъ накопленія и расположенія частицъ долженъ быть для всѣхъ частицъ того же рода всегда одинаковъ. Между тѣмъ, что мы видимъ въ органической природѣ? Начиная съ простѣйшаго, одноклѣточного организма, мы видимъ здѣсь повсюду стремленія къ образованію и поддержанію цѣлаго, правильно устроеннаго, такъ что цѣлое, которое образуется изъ частицъ, является здѣсь уже вовсе не безразличнымъ для самихъ частицъ, образующихъ это цѣлое; напротивъ очевидно служить прямою цѣлью ихъ соединенія (цѣлесообразность); поддержаніе и усовершеніе цѣлаго, правильно устроеннаго, невозможно изъяснять вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и условій, такъ какъ эти же самыя обстоятельства и условія ничего подобнаго не производятъ въ природѣ неорганической; къ тому же внѣшнія условія и обстоятельства могутъ имѣть значеніе, содѣйствующее поддержанію и усовершенію правильно устроеннаго цѣлаго, лишь когда уже это цѣлое со своимъ правильнымъ устройствомъ дано, и когда оно обладаетъ стремленіемъ къ самосохраненію; но именно этого-то, то есть, происхожденія организмовъ, которымъ свойственны правильное (цѣлесообразное) устройство и расположеніе частей, а также стремленіе къ самосохраненію, невозможно понять на основаніи дѣйствія механическихъ и химическихъ силъ. Съ особенною же ясностію обнаруживается непримѣнимость свойственнаго матеріализму изъясненія явленій (посредствомъ соединенія накопленія частицъ) къ психической жизни. Съ точки зрѣнія матеріалистической необходимо изъяснять происхожденіе каждаго общаго представленія, понятія, тѣмъ, что множество частныхъ представленій, составляющихъ какъ бы слѣды впечатлѣній, воспринимаемыхъ чувствами, постепенно накаплиются, и чѣмъ больше накапливаются, тѣмъ шире, объемистѣе должно быть образующееся изъ нихъ цѣлое; въ такомъ случаѣ нуженъ былъ бы для образованія элементарнѣйшихъ общихъ понятій, каковыми обладаютъ уже дѣти, слишкомъ продолжительный опытъ. Говорятъ, что такъ и есть на самомъ дѣлѣ: не слѣдуетъ забывать, что, кромѣ опыта личнаго, существуетъ еще опытъ общественный

и даже общечеловѣческой; человекъ не есть только индивидуумъ, отдѣльное лицо, но сверхъ того еще членъ общества; часть великаго цѣлаго—народа и человечества. Опытъ тысячелѣтій, по закону наслѣдственности, преемственно общается отъ поколѣнія къ поколѣнью, отъ одного народа къ другому народу; и даже не самый опытъ собственно, а его послѣдствія, въ видѣ умственныхъ навыковъ, пріемовъ мышленія, зачатковъ общихъ понятій, представленій,—вотъ что образуется и упрочивается, вслѣдствіе общечеловѣческаго опыта, въ индивидуальномъ сознаніи каждаго, кто только чрезъ исторію своего народа и ближайшаго своего рода причастенъ болѣе или менѣе этому опыту: не *психологія*, а *соціологія*, говорятъ, разъясняетъ намъ происхожденіе такъ называемыхъ врожденныхъ, т. е. наиболѣе общихъ идей и аргументныхъ началъ знанія. Достаточно сказать противъ этой соціологической теоріи о происхожденіи общихъ понятій (построенной очевидно въ духѣ и въ оправданіе матеріализма), что такъ какъ общечеловѣческой опытъ, т. е. накопленіе частныхъ представленій, непрерывно продолжается, то и понятія, признаваемые происшедшими вслѣдствіе этого опыта, не могли быть постоянными и устойчивыми, напротивъ непрерывно измѣнялись бы: между тѣмъ есть множество понятій—(и это понятія наиболѣе общія) такихъ, которыя еще въ древности такъ же были мыслимы, какъ и теперь мы ихъ мыслимъ; иначе мы и не могли бы понимать древнихъ мыслителей такъ, какъ ихъ понимаемъ; понятія, конечно, измѣняются; но главныя важнѣйшія черты ихъ остаются неизмѣнными. Откуда у человека могло бы возникнуть стремленіе къ отысканію среди измѣняющихся явленій неизмѣннаго и постояннаго, еслибы въ своемъ умѣ, въ сознаніи, онъ не имѣлъ ничего твердаго, неизблемаго? Стремленіе же это явно открывается во всякой наукѣ, ибо наука ищетъ *законовъ* и *причинъ* для изъясненія познаваемой ею дѣствительности. И что такое законъ тождества, этотъ основной законъ мышленія, какъ не выраженіе свойственнаго нашему уму стремленія къ единству, устойчивости, твердости въ пониманіи вещей? Да и самая идея истины, такъ же необходимо присущая вашему уму, какой

имѣеть смыслъ? И она есть выраженіе требованія—предполагать нѣчто твердое, неизблемое, вѣчное въ порядкѣ вещей. Но пусть эти соображенія не отклоняють нашего вниманія отъ самаго главнаго. Выше сказано, что и матеріализмъ самъ по себѣ представленіе не признаеть за бытіе; представленіе призракъ, а не дѣйствительность; дѣйствительное есть то, что имѣеть силу дѣйствовать, и таковы матеріальныя частицы—сложныя или простыя. Между тѣмъ матеріализмъ изъясняетъ происхожденіе общихъ представленій и понятій тѣмъ же способомъ, какъ и происхожденіе дѣйствительныхъ существъ (черезъ постепенное усложненіе), и такимъ образомъ уже всякія безъ различія представленія признаеть за дѣйствительное бытіе.

Принципъ изъясненія, какому слѣдуетъ спиритуализмъ, совершенно противоположенъ принципу матеріалистическому. Тогда какъ матеріализмъ производитъ всякую цѣлость и всякую общность, изъ сочетанія и постепеннаго накопленія частей, спиритуализмъ, напротивъ сначала полагаетъ цѣлое и общее, и изъ него старается выводить частности. Матеріализмъ опирается главнымъ образомъ на изученіе неорганической природы, гдѣ дѣйствительно все изъясняется взаимодѣйствіемъ частичныхъ силъ. Спиритуализмъ, напротивъ, обобщаетъ и распространяетъ на всю дѣйствительность такія понятія, которыя свое значеніе имѣють лишь въ области явленій духа, а также и вообще въ примѣненіи къ явленіямъ жизни. Такъ какъ жизненныя явленія вообще характеризуются тѣмъ, что единство, цѣлостность составляетъ въ нихъ преобладающее начало, то отсюда основнымъ предположеніемъ спиритуализма служить то понятіе о духѣ, что онъ есть существо безусловно заключенное въ самомъ себѣ, и все изъ себя производящее, существо заключающее въ своемъ нераздѣльномъ единствѣ все разнообразіе своихъ состояній, дѣйствій, отношеній. По выраженію Лейбница, монада не имѣеть оконъ для того, чтобы изъ себя сообщать что либо другому, или въ себя воспринимать что либо извнѣ; напротивъ все, что ни происходитъ въ монадѣ, все это единственно изъ нея происходитъ, въ зародышѣ организма predeterminedено все даль-

нѣйшее его развитіе. Не въ томъ ли заключается особенность органическихъ явленій, что цѣлое въ нихъ господствуетъ надъ частностями, такъ что ходъ и взаимоотношеніе частныхъ перемѣнъ зависитъ отъ общаго и цѣлаго, которое въ нихъ и чрезъ нихъ раскрывается. Органическая связь тѣмъ именно отличается отъ механической, что въ послѣднемъ случаѣ одно присоединяется къ другому, тогда какъ въ первомъ одно *вытекаетъ* изъ другаго.

Итакъ, исходя изъ понятія о духѣ, какъ существѣ совершенно заключенномъ въ себѣ самомъ, спиритуализмъ полагаетъ, что все слѣдуетъ выводить изъ духа и все относить къ духу. Міръ познаваемый нами—это представленіе, которое духъ, по законамъ своей организаціи, изъ себя производитъ. Ибо всякая вещь, а слѣдовательно и совокупность вещей, при ближайшемъ разсмотрѣніи, распадается на отдѣльныя ощущенія; чувственныя свойства вещей это вѣдь ощущенія, ощущенія же—наши субъективныя состоянія, а такъ называемая матерія есть результатъ объективированія ощущеній. Матерія—не что иное, какъ понятіе, посредствомъ котораго мы объединяемъ различныя ощущенія и представляемъ ихъ какъ цѣлое; но понятіе это образуется нашимъ мышленіемъ. Спиритуализмъ находитъ невозможнымъ допустить, отдѣльное отъ духа, самостоятельное бытіе тѣлъ собственно потому, что, при такомъ бытіи тѣлъ, необходимо признать, что они дѣйствуютъ на духъ и дѣйствіемъ своимъ рождаютъ въ немъ соотвѣтственныя представленія, но нельзя понять какъ возможно было бы такое дѣйствіе. При всякомъ дѣйствіи должно быть единство, связь дѣйствующаго съ предметомъ дѣйствія, ибо въ чемъ иномъ состоитъ дѣйствіе, какъ не въ переходѣ извѣстнаго состоянія отъ дѣятеля на предметъ дѣйствія; но что общаго между духомъ и тѣломъ? Притомъ же только духъ есть дѣятельное существо, и слѣдовательно духъ только можетъ оказывать дѣйствіе, но какимъ образомъ можетъ дѣйствовать тѣло, если по природѣ своей оно пассивно? Таковы разсужденія спиритуализма. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что дѣйствіе тѣла на духъ для насъ непонятно. Но вѣдь и вообще непонятно дѣйствіе одного существа на другое; въ

самомъ понятіи дѣйствія заключается нѣчто неудобовразумительное: съ одной стороны, въ дѣйствіи соединяются дѣятельное и страдательное (предметъ дѣйствія), такъ что въ дѣйствіи одинаково участвуютъ то и другое, но въ то же время каждое должно оставаться самимъ собою, не теряя одно въ отношеніи къ другому своего различія; такимъ образомъ на тотъ же моментъ падаетъ и единство и различіе—явное противорѣчіе, показывающее, что въ понятіи дѣйствія, какъ и въ другихъ подобныхъ понятіяхъ, связанныхъ съ созерцаніемъ пространства и времени,—содержится нѣкоторый неразрѣшимый для мысли остатокъ, именно элементъ созерцанія. Но хотя бы и въ самомъ дѣлѣ понятіе дѣйствія заключало въ себѣ противорѣчіе, какъ полагалъ Гербартъ, тѣмъ не менѣе важно то, что понятіе это совершенно необходимо для нашего мышленія, ибо безъ него мы ничего не можемъ мыслить; вѣдь въ способности дѣйствія, какъ выше сказано, заключается признакъ бытія. Вотъ потому-то, говорятъ спиритуалисты, и нельзя признать матерію существующею, ибо матерія, по обычному понятію о ней, пассивна, недѣятельна, слѣдовательно, она есть не дѣйствительное существо, а только представленіе; но различіе между дѣятельнымъ и пассивнымъ есть относительное, такъ что и пассивное бытіе тоже есть дѣятельное, только въ меньшей степени, въ сравненіи съ другимъ болѣе дѣятельнымъ, дѣятельность можетъ быть либо свободною, либо связанною. Поэтому положеніе спиритуалистовъ, что въ мірѣ все исполнено жизни и ничего мертваго нѣтъ, ни мало не исключаетъ убѣжденія въ самостоятельномъ бытіи матеріи; мертваго покоя дѣйствительно нигдѣ нѣтъ; ибо матеріи также присущи дѣятельныя силы. Важнѣе же всего то, что нисколько не болѣе понятна способность духа, предполагаемая спиритуалистами, производитъ изъ себя весь представляемый міръ, какъ и способность вещей возбуждать въ духѣ представляющую дѣятельность и производить соотвѣтственныя имъ представленія. Нѣкогда полагали, да это и само собою такъ кажется, что вещи *сами по себѣ* рождаютъ въ духѣ соотвѣтственныя имъ представленія. Но возможно ли допустить чтобы духъ,—существо дѣятельное, со-

вершено безучастно и пассивно, подобно навощенной доскѣ, принималъ въ себѣ отпечатки вещей? Безъ сомнѣнія, необходимо допустить въ этомъ дѣлѣ значительное участіе со стороны духа. Но какъ прежде выводили значеніе духа, въ дѣлѣ познанія вещей, до степени простого воспріемника отпечатковъ вещей, т. е. предполагали такое невозможное понятіе о духѣ, какое Платонъ выражаетъ о матеріи (воспріемница отпечатковъ идей), такъ теперь уже вовсе отрицаютъ въ познаніи всякое значеніе вещей представляемыхъ, а рассматриваютъ познаніе, какъ дѣло принадлежащее всецѣло одному лишь духу. Конечно, трудно и даже вовсе не возможно съ точностію опредѣлить относительное значеніе духа и вещей во взаимодѣйствіи ихъ между собою. Но по крайней мѣрѣ самое взаимодѣйствіе не можетъ быть отрицаемо.

Если бы возможно было въ точности разграничить дѣйствія духа отъ соучастія вещей въ этихъ дѣйствіяхъ и опредѣлить чрезъ то, со всею ясностію и во всѣхъ подробностяхъ, отличительную природу, какъ духа, такъ и вещей, то этимъ было бы достигнуто разрѣшеніе важнѣйшей задачи, какая только выпадала на долю философіи, именно: *примирить монизмъ и дуализмъ*. Философскія ученія отъ того распадаются на дуализмъ и монизмъ, что или замѣчаемая повсюду связь духа и матеріи преувеличивается до такой степени, что связь превращается въ тождество, и вмѣсто двухъ началъ, признается лишь одно—духовное, либо матеріальное; или же, напротивъ, исключительное вниманіе обращается на различіе между духомъ и матеріей, причемъ отрицается всякая связь, всякое единство того и другаго начала, а вмѣсто того оба рассматриваются какъ совершенно независимыя, не только раздѣльно существующія, но и ничего общаго не имѣющія между собою. Повидному соглашеніе монизма съ дуализмомъ было бы достигнуто, лишь бы только какъ единство, или связь духа и матеріи, такъ и ихъ различіе одинаково были установлены и должнымъ образомъ разграничены. Какимъ же образомъ возможно согласить между собою, съ одной стороны, единство духа и матеріи, а съ другой, ихъ различіе? Двѣ возможности представляются для рѣшенія этой задачи: воз-

можно признать единство первоначальной и основной чертой, а различіе—дальнѣйшею и второстепенною; другое же рѣшеніе вопроса состоитъ въ томъ, что сначала полагается различіе, т. е. признается болѣе существеннымъ, и затѣмъ единство понимается какъ связь, взаимодѣйствіе различнаго. Первое рѣшеніе вопроса извѣстно подъ названіемъ *пантеизма*, классическимъ представителемъ котораго считается Спиноза. По философіи Спинозы, протяженіе, которое есть свойство *матеріи*, и мышленіе, составляющее необходимую принадлежность *духа*,—суть атрибуты *единой* субстанціи, т. е. въ сущности составляютъ одно, и только въ явленіи (въ модусахъ) различаются. И по ученію Шеллинга, духъ и тѣло представляютъ собою лишь *разныя* стороны *единого*, въ своемъ существѣ, *тождественнаго* начала, которое не есть ни духъ, ни тѣло, но есть нераздѣльное единство того и другаго (по выраженію Шеллинга—тождество идеальнаго и реальнаго, субъективнаго и объективнаго, внутренняго и внѣшняго). Представляется не понятнымъ, какъ возможно, чтобы единое и тождественное сдѣлалось различнымъ и множественнымъ. Какая необходимость могла бы произвести такое превращеніе? Вѣдь независимо и внѣ того начала, которое есть единство духа и матеріи, ничего такого нѣтъ, что въ состояніи было бы произвести это раздвоеніе и распаденіе тождественнаго и безразличнаго начала на противоположности духовнаго и тѣлеснаго, субъективнаго и объективнаго. А для самаго тождественнаго начала можетъ ли быть достаточною цѣлью такого распаденія возстановленіе утраченнаго единства? Какая надобность терять свое единство и затѣмъ возстановлять утраченное единство, когда и безъ того абсолютное начало обладаетъ единствомъ и тождествомъ? Поэтому кажется болѣе основательнымъ то рѣшеніе вопроса, которое въ самомъ началѣ полагаетъ различіе и признаетъ таковое существеннымъ; но для избѣжанія дуализма, безусловнымъ и единымъ началомъ признаетъ духъ, а матерію,—бытіе вещественное—подчиняетъ духу, и слѣдовательно, признавая духъ и матерію первоначально и необходимо различными, вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ ихъ равными по значенію и достоинству началами,

но одному лишь духу усвоить значеніе пачала. Какъ же понимается при этомъ подчиненность духу матеріальнаго бытія? Въ этомъ пунктѣ и заключается вѣжнѣйшая трудность вопроса. Подчиненность духу матеріальнаго бытія можетъ быть понимаема различно. По вѣроученію христіанскому, матеріальное бытіе есть свободное произведеніе духа, предназначенное служить цѣлямъ духа. Что матеріальное бытіе должно служить средствомъ для цѣлей духа, — это само собою вытекаетъ уже изъ подчиненности его духу. Что матеріальное бытіе есть свободное произведеніе духа, это слѣдуетъ, повидному, изъ самаго понятія о духѣ: не есть ли свобода существенное и важнѣйшее свойство духа? Несомнѣнно, что свобода есть необходимое свойство духа; однакожь духъ не первоначально свободенъ, а какъ показываетъ опытъ, имѣетъ лишь способность сдѣлаться свободнымъ, и потому постепенно становится таковымъ. Конечно, матеріальное бытіе можетъ быть произведеніемъ только универсальнаго, абсолютнаго, т. е. совершеннаго духа; постепенное же приобрѣтеніе свободы свойственно только конечному, а не безконечному духу; но вѣдь о духѣ безконечномъ мы можемъ имѣть понятіе только основываясь на предполагаемой необходимо аналогіи его съ духомъ конечнымъ, индивидуальнымъ. Притомъ же духъ познается по его проявленіямъ. А каковы проявленія универсальнаго духа? Таковыми должно признать явленія и дѣйствія природы, которыя не свободны, а необходимы, ибо совершаются по необходимымъ законамъ. Только въ духѣ человѣческомъ мы находимъ свободу. Такъ какъ универсальный духъ объемлетъ собою и необходимыя явленія природы и свободныя явленія духа человѣческаго, то это и показываетъ, что универсальный духъ, будучи не свободнымъ, а *необходимымъ* въ природѣ, является *свободнымъ* въ духѣ человѣческомъ, т. е. не просто свободенъ, а такъ же постепенно становится свободнымъ, какъ это свойственно и конечному духу. Такое понятіе о духѣ безконечномъ было бы допустимо, если бы признать конечный міръ (природу и духъ) вполне соразмѣрнымъ обнаруженіемъ безконечнаго духа. Но мыслимо ли это? Какъ возможно, чтобы *конечный* міръ былъ полнымъ откровеніемъ, и такъ

сказать, воплощеніемъ *безконечнаго* духа? По самому понятію о *безконечномъ* духѣ, мы должны признать этотъ духъ *безконечно* превышающимъ все конечное. Прямой выводъ изъ этого положенія о *безконечномъ* духѣ—тотъ, что этотъ духъ *непостижимъ*, *непознаваемъ* для насъ, или по крайней мѣрѣ, если и познаваемъ, то самымъ *несовершеннымъ* образомъ. Бытіе и дѣятельность *безконечнаго* духа есть предметъ болѣе вѣры, чѣмъ знанія; а что остается на долю знанія? Главнымъ образомъ *конечное* бытіе, именно *внѣшняя* природа и *конечный* духъ. Проблема о соглашеніи *монизма* и *дуализма* получаетъ теперь такой видъ: *единымъ* основаніемъ *конечнаго* бытія, какъ *духовнаго*, такъ и *тѣлеснаго*, должно признать духъ *безконечный*, но духъ *безконечный* для насъ не познаваемъ; слѣдовательно *конечное* бытіе, *духовное* и *тѣлесное*,—въ своемъ основаніи, которое *едино*, для насъ *непознаваемо*, а познаваемо только въ проявленіяхъ своихъ, которыя *противоположны*; иначе сказать: *сущность* бытія, которая должна быть *едина*, для насъ *непознаваема*, а познаваемо бытіе только въ явленіяхъ, и только явленіямъ *свойственна* *противоположность*. Спрашивается теперь: какъ возможно, чтобы бытіе было и *едино* и *противоположно*, *едино* въ себѣ, въ своей сущности, а *противоположно* въ своихъ явленіяхъ? Вопросъ этотъ, повидимому, получаетъ свое рѣшеніе только на почвѣ *гносеологии*. Если мы возьмемъ во вниманіе различіе познанія отъ бытія познаваемаго, то съ этой точки зрѣнія ясно, какимъ образомъ одно и то же можетъ быть и *единымъ* и *вмѣстѣ* *противоположнымъ*: бытіе само по себѣ *едино*, но познается оно *противоположнымъ* образомъ: *противоположность*, *свойственная* явленіемъ, есть слѣдовательно *противоположность*, относящаяся къ познанію: бытіе является вѣдь познающему, и самая *являемость*, очевидно, состоитъ въ томъ,—какъ бытіе познается, есть не что иное, какъ *познаваемость*. Самое познаніе, по своимъ способамъ, *вмѣстѣ* *противоположный* характеръ: иначе мы познаемъ чрезъ *внѣшнее* *наблюденіе* и совершенно иначе—*посредствомъ* *наблюденія* *внутренняго*; но познаваемое столь *противоположнымъ* образомъ, путемъ *внѣшняго* и *внутренняго* опыта, само въ себѣ должно быть *тождественно*: мы

не знаемъ сущности ни внѣшнихъ явленій, ни явленій внутреннихъ, но сущность тѣхъ и другихъ должна быть одна, о чемъ свидѣтельствуемъ тѣсная связь, нѣкоторый параллелизмъ однихъ явленій съ другими.

Соглашенія монизма съ дуализмомъ въ этомъ (гносеологическомъ) рѣшеніи вопроса на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Положимъ, что здѣсь есть и единство и двойство,— единство усваивается *бытію*, а двойство *познанію*: но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что, вмѣсто *метафизическаго* дуализма, мы имѣемъ въ изложенномъ ученіи дуализмъ *гносеологическій*, дуализмъ состоящій въ томъ, что познаніе отъ бытія рѣшительно раздѣляется и противопоставляется одно другому. Если бытіе непознаваемо, то какъ возможно тогда самое познаніе? Не состоитъ ли познаніе въ познаваемости бытія: иного понятія о познаніи быть не можетъ. Какъ мы можемъ знать, что бытіе въ себѣ едино, коль скоро для познанія оно оказывается не единнымъ, а противоположнымъ? Вѣдь о бытіи мы не вправе ни утверждать, ни отрицать ничего, сверхъ того, что мы познаемъ о немъ; а познается оно не какъ единое, а какъ противоположное. Вмѣсто дѣйствительнаго разъясненія предмета, мы имѣемъ здѣсь простой образъ, простую игру аналогіи: стволъ дерева раздвояется; и каждая половина затѣмъ все болѣе развѣтвляется; подобно тому и бытіе представляется намъ имѣющимъ одинъ корень; изъ одного корня исходятъ противоположности и каждая въ свою очередь развѣтвляется на дальнѣйшія различія; только вѣдь растеніе во всѣхъ своихъ частяхъ остается растеніемъ; между тѣмъ какъ бытіе, когда переходитъ въ противоположность субъективнаго и объективнаго, внутренняго и внѣшняго, то уже не есть болѣе бытіе, а становится познаніемъ.

Если бытіе непознаваемо, то слѣдуетъ въ такомъ случаѣ устранить всякое отношеніе познанія къ бытію и разсматривать познаніе само по себѣ. Только при этомъ условіи вполне достижимо соглашеніе монизма съ дуализмомъ. Противоположность познанія и бытія въ этомъ случаѣ должна быть полагаема не внѣ познанія; она должна заключаться не въ отношеніи познанія, взятаго въ его цѣлости, къ чему-то от-

мага познанія; означенная противоположность должна быть разсматриваема какъ внутреннее отношеніе въ познаніи, а не какъ внѣшнее отношеніе самаго познанія къ чему-то иному, отличному отъ него. Для сознанія нашего невозможно выступить изъ границъ возможнаго для насъ познанія и отъ него отдѣлиться. Слѣдовательно, все, что только мы можемъ мыслить о познаніи, мы должны относить къ самому же познанію, а не къ чему-либо отличному и отдѣльному отъ него. Противоположность бытія и познанія, конечно, не можетъ быть устранена изъ понятія о познаніи, но эту противоположность мы должны относить къ самому же познанію, т. е. должны признать ее свойствомъ познающаго субъекта, не отдѣлимьмъ отъ него. Дѣйствительно, въ какой формѣ обыкновенно сознается бытіе, которое мы противопоставляемъ познанію? Оно сознается въ формѣ *не я*, какъ противоположности нашего *я*. Все, что мы ни представляемъ какъ данное, какъ существующее внѣ нашего *я*, какъ бытіе, отличное отъ познающаго субъекта,— все это представляется намъ въ видѣ противоположности нашему *я*, т. е. какъ *не я*, которымъ наше *я* отрицается. Но противоположность *я* и *не я*— есть необходимый законъ нашего сознанія. Сознаніе наше состоитъ собственно въ обьективированіи нашихъ ощущеній. Ибо сознавать значитъ представлять нѣчто; но все представляемое нами мы не иначе представляемъ, какъ въ видѣ *обьекта* противоположнаго субъекту или иначе, какъ *не я* отличное отъ нашего *я*, такъ что ни одно, ни другое само по себѣ, ни *я* безъ отношенія къ *не я*, ни *не я* безъ отношенія къ нашему *я*, для насъ не мыслимо. «Мы вовсе не знаемъ своего *я* (читаемъ въ изложеніи критической философіи г. Введенскаго) безъ одновременнаго знанія о томъ, что не оно само. *Я*, которое не сопровождается никакимъ *не я*, есть пустое ни къ чему непримѣнимое слово. Мы говоримъ, что наше сознаніе есть знаніе о самомъ себѣ—о своемъ *я*. Но реальное *я* существуетъ только во время противопоставленія его съ тѣмъ, что не есть оно само, съ какимъ либо *не я*, съ обьектомъ; а обьекты сами по себѣ, т. е. вещи въ себѣ, намъ недоступны,—взамѣнъ того мы имѣемъ лишь субъективныя ощущенія,

тельно, реальное я существуетъ не иначе, какъ въ ихъ объективированіи. я существуетъ не иначе, какъ въ противопоставленіи съ какимъ-нибудь не я, но мы можемъ знать только то, что представляемъ себѣ, слѣдовательно, реальное я существуетъ въ объективированіи своихъ представленій; хотя часть ихъ должна принять объективный характеръ» (стр. 49 цит. сочин.).

Повидимому, съ этой гносеологической точки зрѣнія, наилучшимъ образомъ примиряются монизмъ и дуализмъ. Познаніе сплошь идеально, ибо состоитъ изъ представленій, слѣдовательно, однородно по своему составу, но въ самомъ познаніи, не смотря на однородность его состава, содержится противоположность *субъективнаго* и *объективнаго*, или иначе, противоположность я и не я. Противоположности эти такъ связаны, что одна безъ другой не можетъ существовать; слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ и единство и вмѣстѣ двойственность.

Такое соглашеніе монизма съ дуализмомъ отчего бы и не признать удачнымъ, если бы при этомъ правильное понятіе о знаніи было возможно. Но дѣло въ томъ, что познаніе въ сущности уничтожается такимъ гносеологическимъ соглашеніемъ монизма съ дуализмомъ. Познаніе, какъ процессъ сложный, конечно, имѣетъ извѣстный составъ, и можно разсматривать его какъ цѣлое, состоящее изъ частей, именно: оно состоитъ изъ представленій, которыя извѣстнымъ образомъ распредѣляются. Положимъ, что въ точности опредѣлены законы распредѣленія представленій. Но само по себѣ раскрытіе состава познанія, его механизма не даетъ истиннаго понятія о познаніи. Важно то значеніе, какое мы придаемъ представленіямъ, и это-то именно значеніе, значеніе предметности, усвояемое нами нѣкоторымъ представленіямъ, собственно и образуетъ изъ нихъ познаніе. Между тѣмъ недостаточно сказать, что объективированіе (т. е. усвоеніе представленіямъ объективнаго значенія) есть законъ нашего сознанія. Если это--законъ сознанія, въ такомъ случаѣ необходимо должны подчиняться этому закону всѣ безъ различія представленія, какъ содержащіеся въ нашемъ сознаніи. Этимъ очевидно исключается различіе между истинными и ложными

кругъ земли, какъ сообразное съ закономъ сознанія, одинаково, съ этой точки зрѣнія, правильно и истинно, какъ и противное ему представленіе о движеніи земли вокругъ солнца. Для сознанія, съ присущимъ ему закономъ объектированія, безразлично,—будетъ ли то или другое представленіе принято за истинное. Какъ возможно разсматривать познаніе само по себѣ, безъ отношенія къ внѣшнему для него бытію, если отношеніе это составляетъ самое существо познанія? Хотя бы отношеніе къ бытію и было внутреннимъ, однако для насъ оно имѣетъ смыслъ лишь тогда, если служитъ выраженіемъ соотвѣтствующаго ему внѣшняго отношенія. Пусть объективная сторона въ познаніи представляется какъ *не я*, т. е. какъ противоположность нашего *я*, но это слишкомъ общее выраженіе и потому недостаточное для характеристики означенной стороны познанія, ибо каждый въ отдѣльности объектъ имѣетъ множество свойствъ, отношеній, которыхъ никакъ нельзя вывести и опредѣлить на основаніи простой формулы противоположенія объективнаго субъективному, какъ *не я* и *я*. Философія Фихте есть извѣстный опытъ въ этомъ родѣ, ясно свидѣтельствующій о невозможности такого вывода. Противоположеніе нашему *я* внѣшняго бытія, какъ *не я*, означаетъ лишь то, что бытіе познаваемое отлично отъ субъекта познающаго. Чтобы придти къ этой мысли, конечно, нѣтъ даже надобности нашему *я* выступать изъ границъ собственнаго своего существованія, ибо каждое свое состояніе оно отличаетъ отъ себя, а этаго уже достаточно для образованія общей формулы, выражающей сознаніе различія. Такою формулою и служатъ противоположность *я* и *не я*. Подъ эту формулу подходятъ одинаково какъ внутреннія состоянія нашего *я*, такъ и внѣшніе объекты, ибо и тѣ и другіе равно различны отъ нашего *я*; но недостаточно знать о внѣшнемъ объектѣ, что онъ отличенъ отъ нашего *я*; необходимо еще знаніе того, въ чемъ состоитъ это различіе и каковъ этотъ объектъ по своимъ свойствамъ; для пріобрѣтенія же такого знанія понятно не можетъ служить средствомъ общая формула различія,—состоящая въ противопоставленіи *я* и *не я*.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что ничего болѣе не остается

гическимъ, такъ какъ послѣдній не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія, а только въ зависимости отъ дуализма онтологическаго получаетъ свой смыслъ. Какъ вообще, для того, чтобы получилось знаніе, недостаточно имѣть только представленіе или рядъ представленій,—необходимо сверхъ того еще истолкованіе данныхъ представленій, именно усвоеніе имъ предметнаго значенія; такъ и о субъективной противоположности *я* и *не я* слѣдуетъ признать, что свое гносеологическое значеніе оно получаетъ только тогда, когда служить выраженіемъ различія *дѣйствительно* существующаго, т. е. иной отличной отъ нея противоположности, иначе сказать: *только* чрезъ свое отношеніе къ *онтологической* противоположности вещей познаваемыхъ и духа познающаго—названная *субъективная* противоположность получаетъ свое гносеологическое значеніе. Что касается соглашенія дуализма съ монизмомъ, то это соглашеніе, какъ очевидно изъ всего предъидущаго, допустимо лишь въ формѣ подчиненія матеріальнаго духовному, виѣшняго внутреннему. Причемъ это подчиненіе не должно быть понимаемо въ смыслѣ подавленія и всяческаго стѣсненія матеріальныхъ силъ, ибо такимъ путемъ дѣйствительное подчиненіе матеріальнаго духовному недостижимо. Напротивъ требуется развитіе и усовершеніе матеріальныхъ силъ и средствъ, ибо матеріальное бытіе есть необходимый органъ и средство проявленія духовныхъ силъ; но по этому самому разработка матеріальныхъ силъ и даже существованіе матеріальнаго міра не должны имѣть самостоятельнаго значенія, а только служить цѣлямъ духа. Отсюда и познаніе матеріальнаго міра должно имѣть конечною своею цѣлью торжество духовныхъ силъ, для чего разумѣется необходимо познаніе духа, такъ что, и въ области познанія, познаніе, имѣющее своимъ предметомъ матеріальный міръ, должно быть подчинено познанію духа, хотя опять таки и это подчиненіе должно быть свободнымъ, а не насильственнымъ; съ этимъ слѣдуетъ сообразоваться при организаціи знаній, т. е. при установленіи внутреннихъ и виѣшнихъ отношеній знанія.

„ТЕОДИЦЕЯ“ ЛЕЙБНИЦА.

Разсужденіе о благодѣи Божіей, свободѣ челоѳческой и началѣ зла.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Окончаніе *).

§ 383. Для тщательнаго изслѣдованія того, сохраненіе есть ли продолжающееся твореніе, надобно разсмотрѣть основанія, на которыхъ подобное положеніе утверждается. Картезіанцы, по примѣру своего учителя, пользуются для подтвержденія его основаніемъ не достаточно твердымъ. Они говорятъ: «по-елику моменты времени не находятся ни въ какой необходимой связи между собою, то изъ того, что я существую въ этотъ моментъ, не вытекаетъ, что я буду существовать въ слѣдующій, если только та же самая причина, которая даетъ мнѣ бытіе въ этотъ моментъ, не дастъ мнѣ этого же бытія въ слѣдующую минуту». Авторъ Взгляда на Картину социанства пользуется этимъ доказательствомъ и Бель (быть можетъ, онъ то и былъ авторомъ этого Взгляда) повторяетъ тоже (*Отв. провинц.* гл. 141, стр. 771. т. 3). Можно отвѣчать, что изъ того, что я существую, дѣйствительно не слѣдуетъ необходимо, что я буду существовать; и однакоже этого надобно ожидать естественно, т. е. само собою, *per se*, если ничто не помѣшаетъ этому. Вотъ различіе, которое можно находить между существеннымъ и естественнымъ; это то же какъ естественно продолжаться одному и тому же движенію, если только новая причина не остановитъ или не измѣнитъ его;

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1891 г. № 21.

ибо причина, производящая остановку его въ эту минуту, коль-скоро она не есть новая, остановила бы его уже гораздо раньше.

384. Покойный Эргардъ Вейгель, знаменитый Генскій математикъ и философъ, извѣстный своимъ *Analisis Euclidea*, своею математическою философіею, нѣкоторыми довольно хорошими изобрѣтеніями, по механикѣ, и наконецъ своими усиліями побудилъ имперскихъ князей къ совершенію послѣдней германской реформы, въ чемъ обѣ однакоже не имѣлъ успѣха: Вейгель, говорю я, сообщилъ своимъ друзьямъ извѣстное доказательство бытія Божія, которое въ сущности сводится на это непрерывное твореніе. Онъ имѣлъ обыкновеніе проводить параллель между счисленіемъ и доказываніемъ. какъ показываетъ это его Арифметическое нравоученіе (*rechenchaftliche Sittenlehre*): сообразно съ этимъ онъ говорилъ, что основа этого доказательства выражается слѣдующею начальною Пифагоровою таблицею: *однажды одинъ одинъ*. Эти повторяющіяся единицы составляютъ моменты существованія вещей, изъ коихъ каждый моментъ зависитъ отъ Бога, Который, такъ сказать, воскрешаетъ всѣ вещи внѣ Себя, въ каждую минуту. И такъ какъ они приходятся на каждую минуту, то всегда необходимъ нѣкто сохраняющій ихъ, каковымъ нѣкто можетъ быть не другой кто, какъ только Богъ. Но надобно было бы поискать болѣе точныхъ соображеній, чтобы признать это доказательствомъ. Надобно было бы доказать, что твореніе всегда возникаетъ изъ небытія и снова стремится въ него; и въ частности надобно было бы показать, что привиллегія продолжаться болѣе одного момента принадлежитъ только одному бытію необходимому. Затрудненія о составѣ *continuum* (непрерывнаго) тоже возникаютъ при этомъ вопросѣ. Ибо ученіе это разрѣшаетъ время на моменты; между тѣмъ, какъ другіе признаютъ моменты и точки простыми модальностями непрерывности, т. е. концами усвояемыхъ ему частей, а не составными частями. Но здѣсь не мѣсто пускаться въ этотъ лабиринтъ.

385. Все, что съ достовѣрностію можно сказать по этому предмету, такъ это то, что твореніе непрерывно зависитъ отъ

ствія, столько же въ началѣ, какъ и въ продолженіи. Эта же зависимость показываетъ, что твореніе не продолжало бы своего существованія, еслибы Богъ не продолжалъ дѣйствовать: ибо это дѣйствіе свободно. Еслибы это истекало необходимо отъ Бога, какъ необходимо вытекаютъ изъ сущности круга его свойства; то надобно было бы сказать, что Богъ творить съ самаго начала необходимо; или же надобно было бы показать, какимъ образомъ, разъ создавши твореніе, Онъ налагаетъ на Себя необходимость сохранять его. Итакъ ничто не мѣшаетъ дѣйствіе сохраненія называть воспроизведеніемъ, и даже твореніемъ, если угодно. Ибо зависимость творенія столько же велика при продолженіи, какъ и при началѣ, и словесное выраженіе, по которому это существо признается или новымъ или нѣтъ, нисколько не измѣняетъ его природы ¹⁾.

386. Допустимъ же тотъ смыслъ, по которому сохраненіе есть продолжающееся твореніе, и посмотримъ, что по видимому заключаетъ отсюда Бель (стр. 771), согласно съ авторомъ Взгляда на Картину соціанства, вопреки Жюрье. «Мнѣ кажется, говоритъ этотъ писатель, что отсюда надобно заключить, что Богъ творитъ все и что во всѣхъ тваряхъ рѣшительно нѣтъ ни первичныхъ, ни вторичныхъ, ни даже случайныхъ причинъ, какъ это легко показать. Ибо въ ту минуту, когда я это говорю, я есмь таковъ, каковъ есмь, со всѣми моими обстоятельствами, т. е. съ этими мыслями, съ этими дѣйствіями, есмь сидящій или стоящій. Если же Богъ создалъ меня въ этотъ моментъ такимъ, какимъ я есмь, какъ непременно надобно сказать по требованію этой системы; то Онъ создалъ меня съ этими дѣйствіями, этими движеніями и этими опредѣленіями. Нельзя сказать, что Богъ создаетъ меня первоначально, и затѣмъ уже создавши, вмѣстѣ со мною производитъ мои движенія и мои опредѣленія. Это не допустимо по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что создаетъ ли или сохраняетъ меня Богъ въ эту минуту, Онъ не сохра-

¹⁾ Безъ сомнѣвнн, трудно ясно различать непрерывное, т. е. постоянно новое твореніе каждаго созданія отъ Божественнаго сохраненія его; тѣмъ не менѣ различія этого нельзя не допустить. Подъ непрерывнымъ сохраненіемъ Лейбницъ разуметь содѣйствіе Божіе продолженію бытія и дѣятельности тваря, при чемъ

няетъ меня какъ бытіе безформенное, какъ пространство, или какъ какое-либо другое общее логическое представленіе. Я индивидуумъ и Онъ творить или сохраняетъ меня какъ индивидуумъ, совершенно такимъ, какимъ я есмь въ эту минуту, со всѣмъ принадлежащимъ мнѣ. Другая причина состоитъ въ томъ, что если Богъ творить меня въ эту минуту, если затѣмъ скажутъ, что впоследствии Онъ уже со мною производитъ мои дѣйствія, то для этихъ дѣйствій необходимо подразумѣвать другую минуту. Такимъ образомъ здѣсь будетъ двѣ минуты, хотя мы предполагаемъ только одну. Итакъ достоверно, что по этой теоріи твари не будутъ имѣть ни болѣе-шей связи, ни болѣе-шихъ отношеній къ своимъ дѣйствіямъ, какъ имѣли бы съ бытіемъ ихъ въ первый моментъ первоначальнаго творенія. Авторъ этого Взгляда выводитъ отсюда самыя мрачныя заключенія, какія только можно представить себѣ; и въ концѣ концовъ заявляетъ, что надобно быть признательнымъ, если какой-либо приверженецъ этой теоріи сможетъ показать, какимъ образомъ ояъ выпутывается изъ этихъ страшныхъ нелѣпостей.

387. Бель усиливаетъ ихъ еще больше. Вы знаете, говоритъ ояъ (стр. 775), что въ школахъ доказываютъ (оно цитируетъ *Arriada disp. 6. Phys. sect. 9. et praesertim sub sect. 3*), что «твореніе не можетъ быть ни всецѣлой, ни частной причиной своего сохраненія; ибо, если бы оно было этой причиной, то оно существовало бы прежде своего бытія. что содержало бы въ себѣ противорѣчіе. Вы знаете, рассуждаютъ слѣдующимъ образомъ: что сохраняетъ себя, то дѣйствуетъ; но что дѣйствуетъ, то существуетъ, и ничто не можетъ дѣйствовать прежде обладанія полнымъ бытіемъ; слѣдовательно, если бы твореніе сохраняло себя, то оно дѣйствовало бы прежде существованія. Этотъ силлогизмъ основывается не на предположеніяхъ, но на первыхъ началахъ метафизики: *Non entis nulla sunt accidentia; operari sequitur esse* (У небытія нѣтъ случайностей; дѣйствовать значитъ существовать). Но пойдемъ дальше. Если бы творенія вмѣстѣ съ Богомъ совершали свое сохраненіе (содѣйствіе здѣсь разумѣется дѣятельное, а не содѣйствіе лишь страдательнаго орудія): то они дѣйствовали

выѣстъ съ Богомъ дѣйствовали при возникновеніи нѣкотораго другаго состоянія, то они тоже дѣйствовали бы прежде бытія. Такимъ образомъ равно невозможно и то, чтобы они содѣйствовали Богу въ произведеніи нѣкотораго другаго состоянія (какъ напр., мѣстнаго движенія, сужденія, желанія, что существенно отлично, какъ говорятъ, отъ ихъ субстанціи), и то, что въ собственномъ смыслѣ есть ихъ сохраненіе. И такъ какъ сохраненіе есть непрерывное твореніе, и всѣ въ мірѣ люди должны сознаться, что они не могли содѣйствовать Богу въ первый моментъ своего существованія. ни для воспроизведенія себя, ни для сообщенія себѣ какого-либо качества, ибо это было бы дѣйствованіемъ прежде бытія (замѣтьте, что Тома Аквинатъ и многіе схоластики учили, что если бы ангелы согрѣшили въ первый моментъ своего созданія, то Богъ былъ бы творцемъ грѣха; обратите также вниманіе на страницы Петра де-Сентъ-Жосефа, стр. 318 и слѣд., „*O приятномъ согласіи человѣческой свободы*“ (*Suavis concordia humanae libertatis*): все это служитъ знакомъ признанія со стороны ихъ, что твореніе въ первую минуту существованія никоимъ образомъ не могло быть дѣятельнымъ): то отсюда съ очевидностію слѣдуетъ, что они не могли содѣйствовать Богу и въ какой либо послѣдующій моментъ, ни для воспроизведенія себя, ни для воспроизведенія какого-либо другаго дѣла. Если бы они могли содѣйствовать во второй моментъ бытія, то ничто не мѣшало бы имъ содѣйствовать и въ первый.

388. Но вотъ какъ надобно отвѣчать на эти разсужденія. Предположимъ, что твореніе воспроизводится снова въ каждую минуту; согласимся также, что минута (перваго бытія) исключаетъ всякое предшествующее время, будучи нераздѣльной; но мы утверждаемъ, что она не исключаетъ предшества природы, или того, что называютъ предшествіемъ *in signo rationis* (въ свойствѣ разума), а этого достаточно. Воспроизведеніе, или дѣйствіе, коимъ Богъ воспроизводитъ, по природѣ своей предшествуетъ существованію воспроизводимаго творенія; твореніе, разсматриваемое въ себѣ самомъ, съ своею природою и своими необходимыми свойствами, предшествуетъ своимъ случайнымъ проявленіямъ и дѣйствіямъ;

же моментъ. Богъ производитъ твореніе сообразно съ требованіями предшествующихъ моментовъ, по законамъ своей премудрости; а твореніе дѣйствуетъ сообразно съ тою природою, которую Богъ даруетъ ей посредствомъ постояннаго творенія. Границы и несовершенства (твари) возникаютъ отъ природы субъекта, ограничивающаго воспроизведеніе Божіе. Все это есть слѣдствіе природнаго несовершенства тварей; но порокъ и преступленіе возникаютъ изъ внутренняго, свободнаго дѣйствія твари, насколько они могутъ существовать въ данную минуту и затѣмъ становятся ясными чрезъ повтореніе.

389. Это предшествованіе природы есть общераспространенное мнѣніе въ философіи; въ этомъ смыслѣ говорятъ, что опредѣленія Божіи подчинены взаимному порядку. И когда Богу по всей справедливости приписываютъ знаніе всѣхъ мыслей и всѣхъ рѣшеній тварей въ такомъ видѣ, что всѣ ихъ основанія и всѣ заключенія Ему извѣстны и открыты предъ Нимъ: то очевидно, что въ предложеніяхъ или истиннахъ Ему извѣстныхъ существуетъ порядокъ природы, безъ всякой преемственности или перерывовъ времени, вѣдѣніе коихъ у Него пребываетъ и совершается переходъ отъ основаній къ заключеніямъ.

390. Въ выше приведенныхъ возраженіяхъ я не нахожу ничего, что не могло бы быть рѣшено этимъ (моимъ) разсужденіемъ. Когда Богъ творитъ какой-либо предметъ, то Онъ творитъ его, какъ индивидуумъ, а не какъ логическую отвлеченность; я соглашаюсь съ этимъ. Но Онъ творитъ его сущность прежде случайныхъ свойствъ, его природу прежде ея дѣйствій, сообразно съ предшествіемъ ихъ по природѣ и *in signo anteriore rationis* (по предшествующему свойству разума). Отсюда открывается, какимъ образомъ тварь можетъ стать дѣйствительною причиною грѣха, и какимъ образомъ божественное сохраненіе не мѣшаетъ этому, такъ какъ сохраненіе совершается на основаніи предшествовавшаго состоянія этого же самаго творенія, сообразно съ законами божественной мудрости, не смотря на грѣхъ, который совершается уже твореніемъ. Но вѣрно то, что Богъ не создаетъ пер-

тилась въ первый моментъ согрѣшенія, какъ очень хорошо замѣтили это схоластики; потому что въ законахъ Его мудрости нѣтъ ничего, что могло бы побуждать Его къ подобному созданію.

391. Этотъ же законъ мудрости совершаетъ то, что Богъ воспроизводитъ ту же субстанцію, ту же душу. Именно это могъ бы отвѣтить Белю аббатъ, котораго онъ выводитъ въ своемъ Лексиконѣ (Стат. Пирронизмъ, буква В, стр. 2432). Эта мудрость служитъ связью предметовъ. Итакъ, я соглашаюсь, что твореніе не содѣйствуетъ Богу при своемъ сохраненіи (въ томъ смыслѣ, въ какомъ сохраненіе это только что объяснено); но я не вижу ничего, что препятствовало бы ему содѣйствовать Богу для воспроизведенія нѣкоторыхъ другихъ вещей и въ частности во внутренней его дѣятельности, каковы: мысли, желанія, что существенно отлично отъ его субстанціи ¹⁾).

392. Но вотъ мы снова попадаемъ въ руки Беля. Онъ утверждаетъ, что нѣтъ подобныхъ случайныхъ свойствъ, отличныхъ отъ субстанціи. «Доводы, говоритъ онъ, которыми наши новые философы пользуются для доказательства, что

¹⁾ Всѣ эти различія Лейбница основываются на признаніи «предшествующихъ» и «послѣдующихъ» дѣйствій Божіихъ. А это признаніе въ свою очередь основывается на Аристотелевскомъ ученіи о «протеро» и «истеро». Аристотель примѣнилъ эти понятія къ ученію о законѣ причинности и думалъ, что нельзя отождествлять причину или основаніе съ дѣйствіемъ или слѣдствіемъ. Кирхманъ допускаетъ это Аристотельское различіе, но думаетъ, что Лейбницъ неправильно пользуется имъ, когда на этомъ основаніи освобождаетъ Бога отъ соучастія въ человѣческомъ грѣхопаденіи. Почему же? Потому что безконечное «прежде» или причина должна реально выражаться во временномъ «пото» или дѣйствіи, т. е. въ твореніи и дѣятельности тварей. Реальное дѣйствіе должно выражать реальную причину вполне. Но подобныя сужденія могутъ быть высказываемы только пантеистами, да и то съ извѣстными ограниченіями и исключеніями. Никакой пантеистъ не станетъ же утверждать, что въ каждомъ частномъ дѣйствіи Божіемъ выражается вся божественная реальность. Никакой также пантеистъ не станетъ отождествлять феноменальныя явленія съ субстанціальными. А отсюда слѣдуетъ съ одной стороны, что въ Богѣ, какъ въ высочайшей причинѣ, всегда остается больше, чѣмъ содержится въ реальномъ или конкретномъ дѣйствіи, т. е. въ тваряхъ; а съ другой, въ реальномъ или конкретномъ дѣйствіи всегда есть нѣчто, что условливается его ограниченностію, неполнотою, тварностію. А если такъ, то именно въ этой тварности и ограниченности надобно искать первоначальную причину тварнаго грѣхопаденія, а не въ творческомъ актѣ, который возникаетъ

случайныя свойства въ существующихъ предметахъ въ дѣйствительности не отдѣлены отъ субстанціи, представляютъ не одни лишь простыя недоумѣнія: они суть вѣскіе аргументы и ихъ нельзя опровергнуть. Потрудитесь, присовокупляеть онъ, поискать ихъ у о. Мэньяна, или у о. Малевранша, или у Гайлли (профессора философіи въ Каенѣ), или у бывшего ученика Мэньяна о. Сеньяна въ его *Accidentia profligata* (Изгнанныя акциденціи), извлеченіе изъ коихъ помѣщено въ Новостяхъ литературной республики, іюнь 1702; а если вы желаете удовлетвориться однимъ писателемъ, избирите Франсоа Лама, бенедиктинскаго монаха и наиболѣе сильнаго картезіанца, какіе только существовали во Франціи. Вы найдете въ его философскихъ письмахъ, напечатанныхъ въ Треву, въ 1703 г., такое, въ которомъ онъ геометрическимъ методомъ доказываетъ, что Богъ есть единственная истинная причина всего реальнаго. Я хотѣлъ бы видѣть всѣ эти сочиненія; что же касается послѣдняго положенія, то оно можетъ быть истиннымъ въ очень хорошемъ смыслѣ: Богъ есть единственная первоначальная причина чистыхъ и безусловныхъ реальностей, или совершенствъ: *Causae secundae agunt in virtute primae* (Вторичныя причины дѣйствуютъ въ силу первой). Но когда въ реальности включаютъ ограниченія и лишенія, то надобно утверждать, что вторичныя причины содѣйствуютъ произведенію того, что ограничено. А безъ этого, Богъ былъ бы причиною грѣха, и даже причиною единственною.

393. Надобно остерегаться накопецъ, чтобы смѣшеніемъ субстанцій съ акциденціями и отнятіемъ у созданныхъ субстанцій дѣйствія, не попасть въ спинозизмъ, который есть утрированный картезіанизмъ. Все не проявляющее дѣятельности не заслуживаетъ названія субстанціи. Если акциденціи не отличаются отъ субстанцій; если созданная субстанція существуетъ только въ послѣдовательности времени, какъ движеніе; и столько же, какъ и акциденціи, продолжается за этимъ временемъ и не остается тождественною (въ пзвѣстную часть давняго времени); если она столько же дѣятельна, какъ математическая фигура, или число: то почему нельзя сказать, подобно Спинозѣ, что Богъ есть единственная субстанція и что творенія суть только акциденціи.

или видоизмѣненія? До сихъ поръ думали, что субстанція пребываетъ, а акциденціи перемѣняются. И я полагаю, что надобно держаться этого древняго ученія; доказательства противъ этого ученія, которыя, помнится мнѣ, приходилось читать, рѣшительно не подтверждаютъ противоположнаго положенія, или подтверждаютъ его иначе, чѣмъ слѣдовало бы.

394. «Одна изъ нелѣпостей, говорятъ Бель (стр. 779), вытекающая изъ мнимаго различія, которое хотятъ допустить между субстанціями и акциденціями, состоитъ въ томъ, что если бы творенія производили акциденціи: то они обладали бы силою творчества и уничтоженія; такъ что нельзя было бы совершить ни малѣйшаго дѣйствія безъ созданія безчисленнаго числа реальныхъ предметовъ и безъ безконечнаго уничтоженія ихъ. Какъ только человѣкъ приводилъ бы въ движеніе языкъ, чтобы позвать кого либо или поѣсть что нибудь, онъ творилъ бы столько акциденцій, сколько совершалъ бы частныхъ движеній языка, я уничтожалъ бы столько акциденцій же, сколько было бы частей вкушаемой пищи, которая теряетъ свою форму, превращается въ сокъ, въ кровь и пр.» Этотъ доводъ имѣетъ только видъ чего то страшнаго. Какая бѣда произошла бы, еслибы безчисленное число движеній, безчисленное число фигуръ, возникали и уничтожались въ каждый моментъ вселенной, и даже въ каждой части вселенной? Можно наконецъ доказать, что такъ и должно быть.

395. Что касается мнимаго творенія акциденцій, то кто не видитъ, что вовсе нѣтъ надобности въ творческой силѣ для перемѣны мѣста или фигуры, для построенія въ квадратъ или въ продолговатый четырехугольникъ, или въ иную какую либо фигуру баталіона солдатъ на ученіи; равно какъ нѣтъ надобности въ ней для выдѣлки статуи посредствомъ отсѣченія кусковъ изъ глыбы мрамора; или для образованія какой либо рельефной фигуры посредствомъ измѣненія, уменьшенія и увеличенія куска воска. Совершеніе этихъ видоизмѣненій никогда не называлось *твореніемъ*; и надобно признать злоупотребленіемъ словъ, когда этимъ хотятъ утратить людей. Богъ творитъ субстанціи изъ ничего, а субстанціи производятъ акциденціи посредствомъ измѣненія ихъ ограниченій.

396. Что же касается душъ и субстанціальныхъ формъ, то

Бель резонно присовокупляетъ, что «для людей допускающихъ субстанціальныя формы, ничто столько незатруднительно, какъ возраженіе, что эти формы могли возникнуть только посредствомъ дѣйствительнаго творенія, и что схоластики были со-страдательны, когда старались рѣшить его». Но для меня и для моей системы нѣтъ ничего удобнѣе этого же возраженія; потому что я утверждаю, что всѣ души, энтелехіи или первоначальныя силы, субстанціальныя формы, простыя субстанціи, или монады, какимъ бы именемъ мы ихъ ни называли, не могутъ раждаться и погибать естественно. И я признаю качества или выводныя силы, или то, что называютъ акциденціальными силами, — видоизмѣненіями первоначальной энтелехіи; точно также какъ фигуры суть видоизмѣненія матеріи. Вотъ почему эти видоизмѣненія совершаются постоянно, между тѣмъ, какъ простая субстанція не перемѣняется ¹⁾).

397. Я показалъ уже выше (ч. I § 86 и слѣд.), что души естественнымъ образомъ не могли ни раждаться, ни возникать однѣ изъ другихъ; и надобно допустить, что наши души или были созданы, или предсуществовали. Я даже показалъ нѣкоторую средину между твореніемъ и полнымъ предсуществованіемъ, находя удобнымъ сказать, что душа, предсуществовавшая въ сѣменахъ въ самомъ началѣ всѣхъ предметовъ, была только чувствующею, но она достигла высшей ступени, т. е. разума, когда человѣкъ, которому душа должна была принадлежать, былъ зачатъ и органическое тѣло, сопровождавшее съ самаго начала эту душу, было опредѣлено, подъ условіемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, образовать человѣческое тѣло. Я полагалъ также, что это возвышеніе чувствующей души (посредствомъ котораго она достигаетъ существенно выс-

1) Выраженіе: *энтелехія* заимствовано у Аристотели. Буквально оно означаетъ состояніе предмета, достигшаго своего совершенства, сообразно съ его природою, т. е. насколько это доступно его природѣ. Иногда слово это Аристотель употребляетъ въ смыслѣ *ἐνέργεια*, т. е. дѣйствительности, и въ противоположность *δύναμις*, какъ возможности, существующей въ неопредѣленномъ состояніи въ предметѣ. Иногда же Аристотель называетъ и душу энтелехіею тѣла, потому что только она доставляетъ тѣлу жизнь и совершенство, соотвѣтственно съ человѣческою природою. Этотъ смыслъ слова подразумѣваетъ здѣсь и Лейбницъ. Его монады суть міровыя энтелехіи, въ особености же монады душъ; такъ какъ они суть господствующія монады сравнительно съ монадами, составляющими тѣла.

шей степени, т. е. разума), можно приписать чрезвычайному, дѣйствию Божію. Однакоже надобно присовокупить, что мнѣ больше нравится допущеніе чуда при рожденіи человѣка, равно какъ и другихъ животныхъ. Это можно понять, допустивши, что среди громаднаго числа душъ и животныхъ, или, по крайней мѣрѣ, органическихъ живыхъ тѣлъ, заключенныхъ въ сѣменахъ, одни только эти души предназначены достигнуть нѣкогда человѣческой природы, содержащей (въ себѣ) разумъ, который проявится нѣкогда, и что только эти органическія тѣла предрасположены и предопредѣлены принять нѣкогда человѣческую форму; прочія же маленькія животныя или живыя сѣмена, ни къ чему подобному не предопредѣленныя, существенно отличаются отъ нихъ и ниже ихъ. Это возникновеніе есть въ нѣкоторомъ родѣ переведеніе (*transductio*), но болѣе понятное, чѣмъ обыкновенно принимаемое; оно извлекаетъ не душу изъ души, а только оживленное существо изъ оживленнаго существа; и оно избѣгаетъ постояннаго чуда воваго творенія, по которому новая и чистая душа входитъ въ тѣло, повреждающее ее.

398. Я раздѣляю однакоже мнѣніе Малевбранша, что вообще твореніе понимаемое надлежащимъ образомъ, не столь трудно допустимо, какъ думаютъ, и что оно нѣкоторымъ образомъ содержится въ понятіи зависимости тварей. «Какъ несмысленны и достойны посмѣянія философы, восклицаетъ онъ! (*Христ. размышленія* 9, п. 3). Они воображаютъ будто творчество не возможно, потому что имъ не понятно такое божественное всемогущество, которое могло бы создать что либо изъ ничего. Но болѣе ли имъ понятна божественная сила, которая приводитъ въ движеніе соломинку?» Онъ очень хорошо присовокупляетъ (п. 5): «если бы матерія была несозданной, то Богъ не могъ бы ни приводить ее въ движеніе, ни формировать изъ ней какую либо вещь. Ибо Богъ не могъ бы премудро двигать и упорядочивать матерію, не зная ея. Но Богъ не зналъ бы ее, если бы не давалъ ей бытія; Онъ можетъ извлекать свое вѣдѣніе только изъ Самого Себя. Ничто не можетъ дѣйствовать на Него и просвѣщать Его» ¹⁾.

¹⁾ Воззрѣнія, разсуждаемыя Лейбницею въ §§ 397 и 398, известны въ нѣмецкой

399. Бель не довольствуясь утверждениемъ, что существуетъ непрерывное творчество, настаиваетъ еще на слѣдующемъ другомъ ученіи, которое онъ думаетъ вывести изъ того, что наша душа не могла бы иначе дѣйствовать. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этомъ (гл. 141, стр. 765): «Онъ очень хорошо знакомъ съ картезіанизмомъ (такъ выражается онъ объ одномъ умномъ противникѣ картезіанства), чтобы не знать, съ какою силою въ наши дни доказываютъ, что нѣтъ твари, которая могла бы производить движеніе, и что наша душа есть чисто страдательный субъектъ въ отношеніи къ ощущеніямъ и пде-

омстительная теорія (отъ слова: Schachtel — коробочка, сужка). По этой теоріи, всѣ организмы и ихъ души сотворены были въ самомъ началѣ міра и заключались въ первоначальныхъ организмахъ, послѣдовательно переходящихъ, въ теченіе тысячелѣтій, въ слѣдующимъ организмамъ и скрывались въ существующихъ организмахъ, какъ въ своихъ коробочкахъ. Этой же теоріи держится и Малербраншъ. Оба философа въ подтвержденіе своей теоріи въ концѣ концовъ ссылались на всемогущество Божіе, которое могло установить подобный порядокъ послѣдовательнаго появленія организмовъ, посредствуемаго рожденіемъ родителей. Но Кирхманъ называетъ эту теорію грубымъ смѣшеніемъ философскихъ позрѣній съ христіанскими истинами и хвалитъ современную науку, которая избѣгаетъ подобныхъ гипотезъ, подтверждаетъ свои положенія одними лишь несомнѣнными доводами. Мы не имѣемъ надобности защищать эту теорію Лейбница и Малербранша; замѣтимъ только, что подобныя теоріи приняты и среди нѣкоторыхъ современныхъ намъ мыслителей. Но мы никакъ не можемъ вмѣстѣ съ Кирхманомъ предпочесть въ этомъ отношеніи какую то строгую науку, которая, правда, не вдается въ подобныя недоказанныя теоріи, но въ то же время оставляетъ человѣка въ глубочайшемъ мракѣ невѣдѣнія. Что напр., можетъ сказать современная Эмбриологія по этому вопросу? Равно ничего.—Еще хуже поступаетъ наука, когда на основаніи совершеннаго невѣдѣнія и отсутствія положительныхъ данныхъ, запрещаетъ впасть въ подобныя гипотезы и пророчествуетъ о всегдашней нерѣшимости ихъ, говоря *ignotum et ignorabitur*. Дѣло въ томъ, что человѣкъ не можетъ откъзаться отъ естественной любознательности; и тамъ, гдѣ у него не достаетъ положительныхъ свѣдѣній, онъ естественно дѣлаетъ догадки, предположенія, гипотезы. Жалокъ, туль и ограничець тотъ человѣкъ, который руководился бы въ своей жизни одними лишь положительными данными. Иное дѣло, на сколько всѣ подобныя предположенія и гипотезы заслуживаютъ нашего довѣрія. Очевидно, всѣ они имѣютъ значеніе чисто спекулятивное.—Кирхманъ говоритъ, что Лейбницъ, создавая подобныя гипотезы, снова и со всею силою возстановляетъ Аристотельскій принципъ, по которому философъ посредствомъ спекулятивнаго или философскаго мышленія можетъ постигать міръ и разгадывать природу предметовъ. Аристотель именно въ силлогизмахъ полагалъ прогрессъ человѣческихъ знаній и въ силлогистическихъ выводахъ искалъ новаго знанія, хотя выводы эти всегда даютъ тоже самое содержаніе, какое существуетъ въ посылакахъ, какъ доказалъ это Кантъ. Конечно посредствомъ силлогизмовъ нельзя открывать ни тайны не-

ямъ, къ чувствамъ боли и удовольствія... Если же не простираютъ этого на желанія, то лишь по причинѣ откровенныхъ истинъ; безъ этого акты воли были бы столько же пассивными, какъ и акты разума. Тѣ самыя причины, которыя подтверждаютъ, что наша душа не образуетъ идей и не движетъ нашихъ органовъ, подтверждаютъ также в то, что она не можетъ образовывать нашихъ актовъ любви в нашихъ желаній и пр.». Онъ могъ бы прибавить еще—нашихъ порочныхъ дѣйствій и нашихъ преступленій.

отвергаютъ уже сами люди. Но отсюда только слѣдуетъ, что человѣческимъ догадкамъ подобнаго рода, предположеніямъ и гипотезамъ, не должно усвоить значенія несомнѣнныхъ истинъ; они могутъ быть болѣе или менѣе вѣроятными, но лишены характера несомнѣнной достовѣрности. Во всякомъ случаѣ они поддерживаютъ и развиваютъ умственный интересъ; и если бываютъ осласны, то только для людей слабыхъ въ умственномъ отношеніи. Мыслитель же погрѣшаетъ только тогда, когда свои вѣроятныя предположенія выдаетъ за несомнѣныя истины.—Кирхманъ говоритъ, что Лейбницъ именно впадалъ въ подобное прегрѣшеніе, когда вслѣдъ за Аристотелемъ, призывалъ человѣческій разумъ единственнымъ источникомъ человѣческихъ знаній. Подобно тому, какъ Аристотель въ разумѣ человѣческомъ находилъ множество основныхъ началъ или истинъ (*ἀσφα*), не разграничивая ихъ частными признаками: такъ тоже дѣлалъ и Лейбницъ своимъ признаемъ врожденныхъ идей, которыя въ началѣ существуютъ въ душѣ лишь въ возможности, *virtuellement*: но затѣмъ, по мѣрѣ развитія души, преобразуются въ дѣйствительныя и содержатъ въ себѣ зерно законовъ, которыми управляется міръ. Только положенія, основанныя на этихъ началахъ или идеяхъ, понятны намъ, только подобныя положенія мы прилагаемъ къ міру ощущеній, доставляемыхъ внѣшнимъ міромъ, и перерабатываемъ ихъ въ отчетливое и ясное знаніе міровыхъ законовъ. Такова была дѣйствительно гносеологическая теорія нашего философа. Но значить ли это, что Лейбницъ отвергалъ опытъ, какъ источникъ познаній? Конечно нѣтъ. Онъ вооружался только противъ сенсуализма, утверждавшаго, будто въ разумѣ нѣтъ ничего, чего не было бы предварительно въ ощущеніяхъ; онъ училъ, что кромѣ чувственного матеріала, доставляемаго внѣшнимъ міромъ, человѣкъ обладаетъ еще разумомъ и силою своего разума сортируетъ, распредѣляетъ и объясняетъ чувственный матеріалъ, по требованію своихъ врожденныхъ идей.—Но Кирхманъ ставитъ Лейбницу въ упрекъ и то, что онъ училъ о врожденныхъ идеяхъ; между тѣмъ, какъ Кантъ говоритъ только о формахъ или категоріяхъ разума, исключавшихъ всякую врожденность идей. Въ самомъ дѣлѣ было время, когда мыслители самыхъ противоположныхъ направленій вооружались противъ врожденныхъ идей со всею яростію ученаго фанатизма. Но въ наше время уже не то. Правда и въ наше время избѣгаютъ еще термина врожденности идей: но уже говорятъ, даже во имя опытныхъ наукъ, о наследственныхъ предрасположеніяхъ человѣка, закрѣпляемыхъ въ немъ историческимъ ходомъ человѣческой жизни. На мѣсто врожденности выступаетъ ученіе о наследственности, что въ сущности одно и то же, хотя и въ другихъ формахъ. Очевидно споръ о врожденности идей еще не закон-

400. Надобно полагать, что восхваляемая имъ сила этихъ доказательствъ не столь велика, какъ онъ думаетъ, потому что доказательства утверждаютъ слишкомъ много. Они доказываютъ, что Богъ есть виновникъ грѣха.* Я соглашаюсь съ тѣмъ, что душа не можетъ двигать органовъ посредствомъ физическаго вліянія, ибо я думаю, что тѣло напередъ образовано въ такомъ родѣ, что во времени и въ пространствѣ совершаетъ лишь соотвѣтствующее желаніямъ души. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что душа есть начало дѣйствующее. Но сказать, что душа не производитъ своихъ мыслей, своихъ ощущеній, своихъ чувствъ боли и удовольствія—я не вижу никакого основанія. По моему, каждая простая субстанція (т. е. каждая дѣйствительная субстанція) должна быть на самомъ дѣлѣ посредственною причиною всѣхъ своихъ дѣйствій и внутреннихъ состояній; и говоря строго метафизически, кромѣ вызываемыхъ ею, она не имѣетъ другихъ дѣйствій и состояній. Люди, держащіеся другаго мнѣнія и признающіе Бога единственнымъ дѣятелемъ, безъ всякой надобности запутываются въ выраженіяхъ, изъ которыхъ съ трудомъ могутъ выпутываться, не причиняя ущерба религіи; я не говорю уже о томъ, что они безусловно противорѣчатъ разуму.

401. Вотъ однакоже на чемъ основывается Бель. Онъ говоритъ, что мы не дѣлаемъ того, чего не знаемъ, какъ оно дѣлается. Но съ этимъ положеніемъ я не согласенъ. Въ своемъ разсужденіи онъ говоритъ еще (стр. 767 и слѣд.): «Удивительное дѣло, почти всѣ философы (за исключеніемъ толкователей Аристотеля, допускавшаго всемірный разумъ, отличный отъ нашей души и служащій причиною нашихъ разумовъ (см. Лексик. истор. и крит. примѣч. *Е* статьи Аверроэса), вмѣстѣ съ народомъ полагали, что мы дѣятельно составляемъ наши идеи. И однакоже существуетъ ли человѣкъ, который, съ одной стороны, не зналъ бы, что онъ безусловно не вѣдаетъ, какъ возникаютъ идеи, а съ другой, что онъ не могъ бы соединить двухъ точекъ, если бы не зналъ—какъ надобно ихъ соединить? Соединеніе двухъ точекъ само по себѣ есть ли дѣло болѣе трудное, чѣмъ изображеніе въ своемъ духѣ розы, съ самаго перваго раза, какъ только она подпадаетъ глазамъ, и прежде вѣмъ коня дѣло, нежели познание, которое онъ имѣетъ»

наго рода изображеніемъ? Не представляется ли напротивъ, само собою это духовное изображеніе дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ изображеніе фигуры цвѣтка на подносі, чего мы не можемъ сдѣлать безъ обученія? Всѣ мы убѣждены, что мы не сможемъ отпереть шкатулку ключемъ, если не знаемъ, какъ надобно воспользоваться имъ; и тѣмъ не менѣе мы воображаемъ, что наша душа есть дѣйствующая причина движенія нашихъ рукъ, хотя она не знаетъ ни того, гдѣ существуютъ нервы, долженствующіе совершить это движеніе, ни того, гдѣ надобно запастись живою силою, долженствующею втечь въ эти нервы. Мы ежедневно испытываемъ, что идеи, которыя мы хотимъ припомнить, не припоминаются и возникаютъ сами собою, когда мы о нихъ и не думаемъ. Если это не мѣшаетъ намъ думать, что мы есмь дѣйствующая причина ихъ, то, что надобно сказать о доказательствѣ, основывающемся на чувствѣ, которое кажется Жакело столь доказательнымъ? Не бываетъ ли власть надъ нашими идеями часто болѣе кратковременною, чѣмъ власть надъ нашими желаніями? Если бы мы считали хорошо, то въ теченіе нашей жизни мы найдемъ болѣе прихотей (*velléités*), чѣмъ желаній, т. е. болѣе свидѣтельствъ рабства нашей воли, чѣмъ ея властвованія. Не испытываетъ ли не разъ одинъ и тотъ же человѣкъ, что онъ не можетъ выполнить извѣстный актъ воли (напримѣръ, актъ любви къ человѣку, только что оскорбившему его; актъ презрѣнія къ прекрасной сонатѣ, составленной имъ; актъ ненависти къ возлюбленной; актъ неодобренія къ забавной эпиграммѣ. Замѣтьте, я говорю о внутреннихъ актахъ, выражаемыхъ обыкновенно «я хочу», какъ то: я хочу презирать, одобрять и пр.), хотя бы ему тотъ-часъ дали сто золотыхъ монетъ и онъ страстно желалъ бы имѣть эти монеты, и хотя бы онъ одушевлялся честолюбивымъ намѣреніемъ имѣть опытное доказательство того, что онъ господинъ надъ самимъ собою!»

402. «Соединяя въ немногихъ словахъ всю силу всего сказаннаго мною, я замѣчу, что для всѣхъ углубляющихся въ предметъ очевидно, что истинная дѣйствующая причина дѣйствія должна знать его и также знать, какимъ образомъ на-
зуба проперещь его. Это не необходимо, когда бываютъ толь-

ко орудіемъ этой причины, или страдательнымъ субъектомъ ея дѣйствія. Но нельзя понять, чтобы это не было необходимо для дѣйствительнаго дѣятеля. Итакъ, если мы изслѣдуемъ хорошо, то легко убѣдимся, что независимо отъ опыта наша душа столько же мало знаетъ, что такое желаніе, какъ и то, что такое идея; что послѣ продолжительнаго опыта, она не лучше узнаетъ образованіе желаній, какъ знаетъ это до возникновенія какого-либо желанія. Что же другое надобно заключить отсюда, какъ не то, что душа не можетъ быть дѣйствующею причиною этихъ желаній, равно какъ и своихъ идей и движеній духа, направляющихъ наши руки? (Замѣтите, я не претендую рѣшать этого въ безусловномъ смыслѣ; я рассматриваю все это только примѣнительно къ основамъ возраженія).

403. Вотъ странная манера доказательствъ! Какая надобность всегда знать, каковымъ образомъ совершается то, что дѣлаютъ? Солн, металлы, растенія, животныя и тысячи другихъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, знаютъ ли, какъ совершается то, что они дѣлаютъ, и имѣютъ ли надобность знать это? Надобно ли каплѣ масла или жиру знать геометрію, чтобы разойтись на поверхности воды? Другое дѣло соединять двѣ точки; при этомъ дѣйствуютъ уже съ извѣстною цѣлью, а потому надобно знать и средства для этого. Но мы не образуемъ своихъ идей, потому что хотимъ этого: онѣ образуются въ насъ, онѣ образуются посредствомъ насъ не вслѣдствіе нашего желанія, но вслѣдствіе нашей природы и вещей. И подобно тому, какъ зародышъ образуется въ животномъ, какъ тысячи другихъ чудесъ природы совершаются вслѣдствіе извѣстнаго, Богомъ даннаго инстинкта, т. е. въ силу божественнаго предобразованія, сдѣлавшаго эти удивительные автоматы способными производить механически столь прекрасныя явленія: подобно этому можно уже думать, что и душа есть духовный автоматъ, еще болѣе удивительный; и что вслѣдствіе божественнаго предобразованія она производитъ эти прекрасныя идеи, въ которыхъ наша воля не принимаетъ участія, а наше искусство не можетъ имъ подражать. Дѣятельность духовныхъ автоматовъ, т. е. душъ, не есть механическая: но она въ превосходной степени совер-

жить то, что есть прекраснаго въ механикѣ. Движенія, развивающіяся въ тѣлахъ, концентрируются въ души посредствомъ представленій, равно какъ и въ мірѣ идеальномъ, который выражаетъ законы міра дѣйствительнаго и ихъ послѣдствія. Съ тѣмъ лишь различіемъ міра идеальнаго, что міръ этотъ совершенъ въ Богѣ, между тѣмъ какъ большая часть представленій въ остальныхъ субстанціяхъ находятся въ смѣшанномъ состояніи. Ибо надобно знать, что каждая простая субстанція посредствомъ своихъ смѣшанныхъ воспріятій и ощущеній содержитъ (*enveloppe*) вселенную, и что теченіе этихъ воспріятій регулируется особенно природою этой субстанціи; но такъ, что всегда выражаетъ всю природу вселенной. И каждое новое воспріятіе стремится къ новому воспріятію, какъ всякое выражаемое имъ движеніе стремится къ новому движенію. Но невозможно, чтобы душа могла раздѣльно знать всю свою природу и замѣчать, какимъ образомъ это безчисленное множество этихъ маленькихъ воспріятій, скучиваемыхъ, или лучше — вмѣстѣ концентрирующихся, образуется тамъ; для этого надобно было бы, чтобы душа въ совершенствѣ знала всю вселенную, которая содержится въ ней, т. е. надобно, чтобы она была Богомъ.

404. Что же касается *прихотей* (*velléités*), то онѣ суть только очень несовершенный видъ условныхъ желаній. Говорить: хотѣлось бы, если бы можно было: *liberet, si liceret*. Но при этой прихоти мы хотимъ собственно не желать, а мочь. А это то и дѣлаетъ прихоть недопустимою въ Богѣ, и ее не должно смѣшивать съ предшествующими желаніями. Я уже достаточно объяснилъ, что наша власть надъ желаніями проявляется не прямымъ образомъ, и что было бы несчастіемъ, если бы мы были на столько господами самимъ себя, что могли желать безъ всякаго предмета, повода и основанія. Жаловаться на отсутствіе подобной власти тоже, что разсуждать вмѣстѣ съ Плиніемъ, который возражалъ противъ божественнаго всемогущества на томъ основаніи, что Богъ не можетъ уничтожить Себя.¹⁾

1) Этимъ § Лейбницъ собственно оканчиваетъ свою «Теодицею». Дальнѣйшія разсужденія его имѣютъ только косвенное отношеніе къ предмету его разсужде-

405. Я хотѣлъ было окончить (это сочиненіе) разсмотрѣвши, какъ мнѣ кажется, всѣ возраженія Беля по этому предмету, какія только я могъ встрѣтить въ его произведеніяхъ. Но припомнивши діалогъ Лаврентія Валлы о свободной волѣ противъ Боэція, о чемъ я уже упоминалъ, я подумалъ, что будетъ кстати представить краткій очеркъ этого діалога, сохранивши разговорную форму, и затѣмъ придѣлать окончаніе, дополнивши начатый имъ вымысль. И это не столько для развитія предмета, сколько для объясненія, при концѣ сочиненія, моихъ мыслей въ наиболѣе ясной и популярной формѣ, какая только возможна для меня. Этотъ діалогъ Валлы и его книги о Страсти и Истинномъ Благѣ достаточно показываютъ, что онъ не столько былъ философомъ, сколько гуманистомъ. Эти четыре книги направлены противъ четырехъ книгъ Утѣшенія Боэція, а діалогъ составляетъ пятую книгу. Нѣкто Антоній Гляреа, испанецъ, просилъ его объяснить ему затрудненія относительно свободной воли, столь мало извѣстной, не смотря на свою важность, а также, отчего зависитъ правда и неправда, наказаніе и вознагражденіе въ этой жизни, и въ жизни будущей. Лаврентій Валла отвѣтилъ ему, что надобно находить утѣшеніе въ невѣдѣніи, которое

за то, что онъ отвергаетъ необходимость пониманія, какъ совершается переходъ причины въ дѣйствіе, т. е. вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ причина проявляется въ такихъ или иныхъ дѣйствіяхъ? Рѣшеніе вопроса: *какимъ образомъ* остается неразрѣшимымъ какъ для философа, такъ и для натуралиста. Но можно ли утверждать, будто и религія, указывая на Верховную причину всего существующаго въ природѣ, тоже не рѣшаетъ этого вопроса до нѣкоторой степени? Кирхманъ утверждаетъ это. И однакоже успокоеніе, доставляемое религіею духу человѣческому указаніемъ на всемогущую силу Божію, связующую естественную причину съ ея дѣйствіемъ, не служитъ ли лучшимъ доказательствомъ, съ одной стороны, того, что полное вѣдѣніе возможно для челоѣка только въ Богѣ, а съ другой, что только мыслию о Богѣ челоѣкъ можетъ связать, объединить и уяснить всѣ свои естественно—научныя знанія? Пусть это уясненіе пока неполное, недостаточное, тѣмъ не менѣе оно успокоительно для духа челоѣческаго.—Съ этой точки зрѣнія, мы никакъ не можемъ признать споръ Лейбница съ Бельемъ ненаучнымъ и вращающимся лишь въ области произвольныхъ положеній, какъ думаетъ Кирхманъ. Вопреки всѣмъ софизмамъ Беля, Лейбницъ отстаиваетъ высокое практическое значеніе вѣры и ея жизненную необходимость для успевія и завершенія челоѣческихъ знаній. «Теодицея» Лейбница навсегда остается прекраснымъ памятникомъ благородныхъ успій гевіальнаго ума примирить вѣру съ знаніемъ и такимъ образомъ расширить доступную намъ область вѣдѣнія.

у насъ обще со всѣми людьми; подобно тому, какъ мы находимъ утѣшеніе въ томъ, что не имѣемъ птичьихъ крыльевъ.

406. *Антоній*. Я знаю, что вы можете дать мнѣ, какъ второму Дедалу, крылья, чтобы вылетѣть изъ темницы невѣжества и вознестись въ царство истины, это истинное отечество души. Книги, которыя я разсматривалъ, не удовлетворяютъ меня, не удовлетворяетъ меня и славный Боэцій, пользующійся всеобщимъ одобреніемъ. Не знаю, понимаетъ ли даже онъ самъ то, что говоритъ о божественномъ разумѣ и о вѣчности, превышающей время. Прошу васъ, выскажите свое мнѣніе — какъ можно согласить предвѣдѣніе съ свободою?

Лаврентій. Боюсь оскорбить многихъ, опровергая этого великаго человѣка. Впрочемъ я предпочту страху внимательность къ просьбѣ друга, если только вы пообщаете мнѣ... *Антоній*. Что? — *Лаврентій*. То, что когда вы отобѣдаете у меня, то не попросите у меня ужина, т. е. я желалъ бы, чтобы вы довольны были рѣшеніемъ предложеннаго вами вопроса и не предлагали мнѣ новаго.

407. *Антоній*. Я общаю вамъ это. Затрудненіе состоитъ въ слѣдующемъ: Если Богъ предвидѣлъ предательство Іуды, то оно было неизбежно; невозможно было, чтобы онъ не былъ предателемъ. Но нѣтъ обязательства въ отношеніи къ невозможному. И такъ онъ не согрѣшилъ и не заслуживаетъ наказанія. А это разрушаетъ справедливость и религію, выстѣсь страхомъ Божиимъ. *Лаврентій*. Богъ предвидѣлъ грѣхъ, но Онъ не принуждалъ къ совершенію его: грѣхъ произволенъ. *Антоній*. Но эта произвольность была необходима, потому что была предвидима. *Лаврентій*. Если мое знаніе прошедшихъ и настоящаго предметовъ не дѣлаетъ ихъ неизбежными, то и предвѣдѣніе мое не дастъ существованія будущимъ предметамъ.

408. *Антоній*. Это сравненіе ошибочно. Настоящее и прошедшее уже не можетъ быть видоизмѣнено: но будущее, пзмѣнчивое въ самомъ себѣ, становится твердымъ и необходимымъ чрезъ предвѣдѣніе. Вообразимъ, что какое либо языческое божество тщеславится вѣдѣніемъ будущаго. Я его спросилъ бы, знаетъ ли оно, какую ногу я переставлю впередъ, когда пойду — събѣду бы предпринялъ, потому что бже-

ство предсказало. *Лаврентій*. Божество знаетъ, что вы намѣрены сдѣлать. *Антоній*. Какимъ образомъ оно можетъ знать это, когда я намѣренъ сдѣлать противоположное тому, что оно скажетъ, а я предполагаю, что оно скажетъ то, что думаетъ? *Лаврентій*. Вашъ вымыслъ ошибоченъ: божество не отвѣтитъ вамъ; а если отвѣтитъ, то ваше уваженіе къ нему побудитъ васъ поспѣшно исполнить то, что оно сказало: его предсказаніе будетъ для васъ приказаніемъ. Но мы перемѣнили вопросъ. Дѣло идетъ не о томъ, что Богъ предскажетъ, а о томъ, что Онъ предвидитъ. Итакъ, возвратимся къ предвѣдѣнію, и будемъ отличать необходимость отъ достовѣрности. Не невозможно то, что предвидимое не случится, но безошибочно то, что оно произойдетъ. Я могу стать солдатомъ или священникомъ, но этого не случится.

409. *Антоній*. Вотъ здѣсь я васъ останавливаю. Правило философовъ требуетъ, чтобы все возможное разсматривалось, какъ существующее. Но еслибы сказанное вами было возможно, т. е. еслибы дѣйствительно произошло событіе отличное отъ того, которое было предвидимо: то Богъ обманулся бы. *Лаврентій*. Правила философовъ не суть для меня оракульскія изрѣченія. А приводимое вами въ частности даже не точно. Два противоположенныя положенія часто одинаково возможны, значить ли это, что они и существовать могутъ оба совмѣстно? Но для большаго поясненія этого, вообразимъ, что Секстъ Тарквиній, прибывши въ Дельфы посовѣтоваться съ оракуломъ Аполлона, получилъ отвѣтъ:

Exul inopisque cades irata ab urbe.

(Бѣднякомъ и изгнанникомъ изъ отечества, потеряешь ты жизнь).

Молодой человѣкъ такъ будетъ жаловаться на это: я принесъ тебѣ, о Аполлонъ, царскій подарокъ, а ты предсказываешь мнѣ столь бѣдственную участь? Аполлонъ отвѣтитъ ему: твой подарокъ мнѣ пріятенъ, и я исполнилъ то, чего ты у меня просилъ; я сказалъ тебѣ то, что случится съ тобою. Я знаю будущее, но я не творю его. Иди, жалуйся на Юпитера и на Парки. Секстъ былъ бы смѣшенъ, если бы и послѣ этого сталъ жаловаться на Аполлона: не предвѣдѣніе ли?

Антоній. Онъ отвѣтитъ: благодарю тебя, о святой Аполлонъ, что ты открылъ мнѣ истину. Но откуда проистекаетъ, что Юпитеръ такъ жестокъ въ отношеніи ко мнѣ, и пригото-вилъ столь тяжкую судьбу мнѣ, человѣку невинному и почи- тателю боговъ религіи? *Лаврентій.* Ты невиненъ? спроситъ Аполлонъ. Знай же, что ты будешь гордъ, что совер- шишь прелюбодѣяніе, что будешь предателемъ отечества. Секстъ могъ бы возразить: Ты причиною этого, о Аполлонъ, ты заставляешь меня сдѣлать это своимъ предвѣдѣніемъ? *Ан- тоній.* Соглашаюсь, что онъ потерялъ бы разумъ, если бы сталъ выражать подобныя жалобы, *Лаврентій.* Итакъ столько же и предатель Іуда можетъ жаловаться на предвѣдѣніе Божіе. Вотъ рѣшеніе вашего вопроса ¹⁾).

410. Вы меня удовлетворили въ отношеніи къ моему ожи- данію и вы сдѣлали то, чего Боэцій не сдѣлалъ: я буду бла- годаренъ вамъ за это всю мою жизнь. *Лаврентій.* Но продол- жимъ еще немного нашъ историческій разговоръ. Секстъ ска- жетъ: вѣтъ, Аполлонъ, я не сдѣлаю того, что ты предсказы- ваешь. *Антоній.* Какъ, возразитъ Богъ! Итакъ я обманщикъ? Повторяю тебѣ еще разъ, ты сдѣлаешь то, что я предсказы- ваю тебѣ. *Лаврентій.* Секстъ, быть можетъ, будетъ просить

¹⁾ Кирхманъ еще разъ усиливается доказать, что божественное предвѣдѣніе будущихъ свободныхъ дѣйствій человѣка невозможно, если свобода человѣческая тождественна съ произволомъ. Если же свобода наша, какъ полагаетъ Лейбницъ, всегда руководится при своемъ избраніи и рѣшеніи сильнѣйшимъ мотивомъ: тог- да божественное предвѣдѣніе, хотя и возможно, но Лейбницъ уже впадаетъ въ детерминизмъ. Но оба эти положенія Кирхмана, какъ мы замѣтили уже, ошибочны. Божественное предвѣдѣніе допустимо даже и тогда, когда мы отождествимъ свободу нашу съ произволомъ. Дѣло въ томъ, что произволъ нельзя же смѣшивать съ воз- можностію дѣлать все, что угодно. Произволъ, какъ и все конечное, точно такъ же носитъ свои границы, съ одной стороны, въ субъективной природѣ отдаю- щагося произволу, а съ другой—въ предѣлахъ естественныхъ возможностей, вву- три которыхъ проявляется произволъ. Достаточно часто бывасть и намъ хорошо знать субъективную природу капризнаго и любящаго произволъ человѣка, а такъ же сферу окружающихъ его обстоятельствъ, чтобы безошибочно угадывать его выборъ и рѣшимость; тѣмъ болѣе это возможно было бы для Бога. Нельзя же во- ображать себѣ такого человѣка, который поступалъ бы внѣ всякихъ ограниченій природы внутренней и внешней. Но свобода не есть произволъ. Истинная сво- бода состоитъ въ возможности дѣйствовать согласно съ требованіями правствен- наго закона; она пріобрѣтается, развивается и совершенствуется нами постепен- но. Въ противоположность съ этимъ, истинное лишеніе свободы состоитъ въ раб-

боговъ перемѣнить его судьбу, даровать ему лучшее сердце.
Антоній. Ему отвѣтять:

Destine fata Deum flecti sperare precando.

(Не надѣйся мольбами къ Богу перемѣнить свою судьбу).

Невозможно содѣлать, чтобы божественное предвѣдѣніе было обманчиво. Что же скажетъ Секстъ? Не предастся ли онъ жалобамъ противъ боговъ? не скажетъ ли онъ: какъ, развѣ я не свободенъ? развѣ не въ моей власти быть добродѣтельнымъ?

Лаурентій. Быть можетъ, Аполлонъ отвѣтитъ ему: Знай, мой несчастный Секстъ, что боги cadaго дѣлаютъ такимъ, каковъ онъ есть. Юпитеръ создалъ волка хищнымъ, зайца трусливымъ, осла глупымъ и льва отважнымъ. А тебѣ Юпитеръ далъ злую и неисправимую душу; ты будешь поступать согласно съ своими естественными свойствами, и Юпитеръ поступитъ съ тобою такъ, какъ будутъ заслуживать твои дѣянія, онъ поклялся въ этомъ предъ Стиксомъ.

411. *Антоній.* Признаюсь, мнѣ кажется, что Аполлонъ, оправдываясь, обвиняетъ Юпитера даже болѣе Секста. И Секстъ ему отвѣтитъ: Итакъ Юпитеръ осуждаетъ во мнѣ свою собственную вину, одинъ только онъ виновенъ въ этомъ. Онъ могъ создать меня совершенно инымъ; но такъ какъ онъ создалъ меня такимъ, какимъ я есмь, то я долженъ поступать согласно съ его волею. За что же онъ меня наказываетъ? Могу ли я противиться его волѣ? *Лаурентій.* Признаюсь, я тоже задумываюсь надъ этимъ. какъ и вы. Я вывелъ на сцену боговъ, Аполлона и Юпитера, чтобы показать вамъ различіе божественнаго предвѣдѣнія и предвидѣнія; и я показалъ, что Аполлонъ, или предвѣдѣніе, не уничтожаетъ свободы; но я не могу рѣшить вашего недоумѣнія относительно опредѣленій воли Юпитера, т. е. относительно опредѣленій Провидѣнія. *Антоній.* Вы извлекли меня изъ одной бездны, чтобы погрузить въ другую, болѣе глубокую. *Лаурентій.* Припомните нашъ уговоръ: я угостилъ васъ обѣдомъ, а вы просите еще, чтобы я угостилъ васъ и ужномъ.

412. Теперь я понимаю вашъ изворотъ: вы меня провели. этотъ уговоръ недобросовѣстенъ. *Лаурентій.* Что же вамъ угодно отъ меня? Я предложилъ вамъ не хорошаго вина и мяса,

амброзіи, то просите ихъ у боговъ; этой божественной пищи нѣтъ среди людей. Вникнемъ въ то, что говоритъ св. Павелъ, этотъ избранный сосудъ, который восхищенъ былъ до третьяго неба и слышалъ тамъ неизрѣченныя глаголы. Онъ разъяснитъ вамъ все это посредствомъ сравненія съ горшечникомъ, посредствомъ непостижимости путей Божіихъ, посредствомъ удивленія предъ глубиною Его мудрости. Тѣмъ не менѣе надобно замѣтить, что дѣло идетъ не о томъ, почему Богъ предвидитъ предметы, это само собою разумѣется; потому что такъ дѣйствительно и будетъ. Но дѣло идетъ о томъ, почему Богъ приказываетъ именно это, почему Онъ ожесточаетъ одного и милуетъ другаго? Мы не знаемъ основаній Его въ отношеніи къ этому; но надобно думать, что это совершается очень хорошо, очень разумно, и отсюда мы заключаемъ, что основанія эти очень хороши. А такъ какъ Богъ и правосуденъ, то отсюда стѣдуетъ, что Его опредѣленія и Его дѣйствія не нарушаютъ нашей свободы. Нѣкоторые подыскали для этого кое-какую причину; говорятъ, что мы созданы изъ поврежденной, нечистой массы, изъ грязи. Но Адамъ и ангелы были созданы изъ серебра, изъ золота, и однакоже согрѣшили. Ожесточаются иногда даже послѣ возрожденія. Итакъ надобно искать другую причину зла, и я сомнѣваюсь, чтобы самыя ангелы знали ее. Но они не перестаютъ блаженствовать и прославлять Бога. Боэцій былъ болѣе внимателенъ къ отвѣту философовъ, чѣмъ къ отвѣту св. Павла; а это и удалило его отъ прямого пути. Будемъ вѣрить Іисусу Христу, Который есть сила и премудрость Божія; а Онъ учитъ насъ, что Богъ хочетъ всѣмъ спастись и не ищетъ смерти грѣшника. Довѣримтесь божественному милосердію и не будемте недостойны его изъ за нашей суетности и грѣховности.

413. Этотъ діалогъ Валлы прекрасенъ, хотя то противъ одного, то противъ другаго можно было бы кое-что и возразить: но главный недостатокъ его состоитъ въ томъ, что онъ рубитъ узелъ и обвиняетъ Провидѣніе подъ именемъ Юпитера, котораго почти представляетъ виновникомъ грѣха. Продолжимъ же еще нѣсколько эту маленькую басенку. Секстъ, оставивши Аноллона Дельфійскаго, отправляется къ Юпитеру Додонскому. Онъ совершаетъ здѣсь жертвоприношеніе и за-

присудилъ мнѣ быть злымъ и несчастнымъ? Переменяи мою участь и мое сердце, или признай свою неправоту. Юпитеръ отвѣчаетъ ему: Если ты откажешься отъ Рима, то Парки соткутъ тебѣ другой жребій, ты станешь тогда мудрымъ и счастливымъ. *Секстъ*. Почему я долженъ отказаться отъ надежды на царскій вѣнецъ? развѣ я не могу быть хорошимъ царемъ? *Юпитеръ*. Нѣтъ, Секстъ; я знаю лучше, что тебѣ надобно дѣлать. Если ты отправишься въ Римъ, то ты погубишь себя. Секстъ не могъ рѣшиться на подобную великую жертву, оставилъ храмъ и предалъ себя своей судьбѣ. *Теодоръ*, великій жрецъ, присутствовавшій во время разговора бога съ Секстомъ, обратился къ Юпитеру съ слѣдующими словами: Твоя мудрость, о великій владыка боговъ, достойна прославленія. Ты убѣдилъ этого человѣка въ его исправотѣ; онъ долженъ теперь приписывать свое несчастье своей злой волѣ. онъ ничего не можетъ сказать противъ этого. Но твои поклонники удивлены; они хотѣли бы столько же прославлять твою доброту, какъ и твое величіе; вѣдь отъ тебя зависѣло даровать ему другую волю. *Юпитеръ*. Отправься къ дочери моей Палладѣ, она покажетъ тебѣ, что я долженъ былъ сдѣлать.

414. *Теодоръ* совершаетъ путешествіе въ Аѣины; ему приказываютъ уснуть въ храмѣ богини. И вотъ ему приснилось, что онъ перенесенъ былъ въ неизвѣстную страну. Тамъ онъ увидѣлъ дворецъ, непостижимо блистательный и неизмѣримой величины. Богиня Паллада появилась у двери, окруженная лучами ослѣпительнаго величія:

....qualisque videri
Coelicolis et quanta solet.

(Какъ и насколько это свойственно небожителямъ).

Она коснулась лица его оливковою вѣтвію, которую держала въ своей рукѣ. И вотъ онъ сталъ способнымъ переносить божественный блескъ дочери Юпитера и всего того, что она показывала ему. Юпитеръ, который любитъ тебя, сказала она ему, поручилъ мнѣ наставить тебя. Ты видишь здѣсь дворецъ жребіевъ, который я охраняю. Онъ содержитъ въ себѣ изображенія не только того, что происходитъ, но и всего того, что можетъ происходить. Юпитеръ созерцалъ его предъ

ры и избирая наилучшій изъ всѣхъ. Онъ неоднократно и потому посѣщалъ эти мѣста, чтобы доставить себѣ удовольствіе образованіемъ предметовъ и обновленіемъ своего собственнаго избранія, что должно было доставлять ему пріятность. Стоитъ только мнѣ сказать, и мы увидимъ весь міръ, который отецъ мой произвелъ, и въ этомъ мірѣ представится все, что только можно разузнавать о немъ; и этимъ путемъ можно узнать еще и то, что случилось бы, если бы существовала такая или иная возможность. А если условія не будутъ достаточно опредѣлены, то появятся по желанію такого рода многіе различные между собою міры, которые различнымъ образомъ будутъ отвѣчать на одинъ и тотъ же вопросъ въ столькихъ формахъ (*manières*), какъ это будетъ возможно. Ты изучалъ геометрію, когда былъ еще юношею, какъ и всѣ образованные греки. Итакъ, ты знаешь, что когда условія находимой точки не достаточно опредѣлены и когда ихъ можетъ быть безчисленное множество, то всѣ они упадаютъ въ такъ называемое у геометровъ пространство, и только это пространство (часто составляющее линію) бываетъ возможно опредѣлить. Такимъ образомъ, ты можешь вообразить правильный рядъ міровъ, изъ коихъ каждый въ частности будетъ содержать предполагаемый случай и будетъ видоизмѣнять его сообразно съ обстоятельствамъ, и своею послѣдовательностію. Но если ты предположишь случай, отъ котораго отличается дѣйствительный міръ однимъ лишь опредѣленнымъ предметомъ съ своими послѣдствіями, то и это покажетъ тебѣ этотъ опредѣленный міръ. Всѣ эти міры существуютъ вотъ здѣсь, т. е. только въ идеяхъ. Я тебѣ покажу, что было бы не совершенно съ тѣмъ же самымъ Секстомъ, котораго ты видѣлъ (это невозможно, онъ всегда въ себѣ носитъ то, чѣмъ будетъ), но съ приблизительными Секстами, имѣющими все то, что ты знаешь уже о дѣйствительномъ Секстѣ, но еще не все, что сокрыто въ нихъ, и слѣдовательно, не все, что можетъ случиться съ ними впоследствии. Такимъ образомъ, вотъ въ этомъ мірѣ, ты найдешь Секста очень возвышеннаго и счастливаго, въ другомъ мірѣ—Секста довольствующагося посредственнымъ благосостояніемъ; словомъ, найдемъ Секстовъ всѣхъ родовъ и на безконечные лады.

415. Послѣ этого, богиня ввела Теодора въ отдѣленіе дворца;

Solemque suum, sua sidera norat.

(Миръ имѣлъ свое солнце и свои звѣзды).

По приказанію Паллады, представилась Додона съ храмомъ Юпитера и съ Секстомъ, выходящимъ изъ храма. Слышно было, что Секстъ говоритъ о своемъ повиновеніи Богу. И вотъ онъ поселяется въ городѣ между двумя морями, подобно Коринѳу. Здѣсь онъ покупаетъ маленькій садикъ; воздѣлывая его, находитъ кладъ; становится богатымъ, любимымъ, уважаемымъ; онъ умираетъ въ глубокой старости, оплакиваемый всѣмъ городомъ. Θεодоръ видитъ всю его жизнь въ одно мгновеніе и какъ бы представленную въ театрѣ. Въ этомъ же отдѣленіи дворца лежалъ огромный томъ сочиненія; Θεодоръ спросилъ, что означаетъ этотъ томъ. Это исторія того міра, который мы посѣщаемъ съ тобою теперь, отвѣчала богиня, это книга его судебъ. Ты видѣлъ на челѣ Секста цифру, найди въ книгѣ мѣсто подъ этой цифрой. Θεодоръ нашелъ, и тамъ прочелъ исторію Секста съ большею подробностію, чѣмъ видѣлъ въ общемъ видѣ. Прикоснись пальцемъ къ какой угодно строкѣ, сказала Паллада, и ты въ дѣйствительности увидишь изображеніе со всѣми подробностями всего того, что строка передаетъ въ отвлеченіи. Онъ повиновался, и увидѣлъ всѣ подробности отдѣльной части жизни этого Секста. Онъ перешелъ въ другое отдѣленіе дворца, и вотъ появился другой Секстъ, который, по выходѣ изъ храма, рѣшился повиноваться Юпитеру, и отправился во Θракію. Тамъ онъ женился на дочери царя, неимѣвшаго сыновей, и сдѣлался его преемникомъ. Онъ былъ обожаемъ своими подданными. Затѣмъ перешли въ другія отдѣленія дворца, и постоянно видѣли новыя картины.

416. Дворцовыя отдѣленія возвышались на подобіе пирамиды, они становились болѣе и болѣе прекрасными по мѣрѣ восхожденія къ верхней части и представляли болѣе и болѣе прекрасныя міры. Въ высочайшемъ отдѣленіи пирамида заканчивалась; отдѣленіе было прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ; потому что пирамида, хотя имѣла начало, но нельзя было видѣть ея окончанія; она имѣла вершину, но вершину основанія, и расширялась (подъ основаніемъ) въ безконечность. И это, какъ

возможныхъ міровъ, этотъ міръ есть наилучшій изъ всѣхъ, иначе Богъ не рѣшился бы создать какой-либо другой міръ. Но нѣтъ ни одного міра, который не былъ бы несовершеннѣе другаго; вотъ почему пирамида опускается все ниже и ниже въ безконечность. Когда Θεодоръ взошелъ въ это высочайшее отдѣленіе, то впалъ въ экстатическое состояніе; потребовалась помощь богини; и одна капля божественной жидкости, принятая на языкъ, привела его въ себя. Онъ продолжалъ восхищаться. Мы находимся въ настоящемъ, дѣйствительномъ мірѣ, сказала богиня, и ты стоишь у источника счастья. Посмотри, что уготовалъ тебѣ Юпитеръ, если ты будешь служить ему вѣрно. А вотъ Секстъ такой, какимъ онъ есть и какимъ будетъ въ дѣйствительности. Онъ выходитъ изъ храма разгнѣваннымъ и отвергаетъ совѣты боговъ. Ты видишь его отправляющимся въ Римъ, приводящимъ все въ беспорядокъ и насилующимъ жепу своего друга. Вотъ онъ изгнанъ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, вотъ онъ разбитъ, несчастенъ. Если бы Юпитеръ помѣстилъ здѣсь того Секста, который былъ счастливъ въ Коринѣ, или былъ царемъ во Фракіи, то это не былъ бы уже этотъ міръ. И однакоже Юпитеръ не могъ не избрать этого міра, который по своему совершенству превосходитъ всѣ другіе міры, и который составляетъ вершину пирамиды; иначе Юпитеръ отказался бы отъ своей мудрости, изгналъ бы меня, свою собственную дочь. Ты видишь, что мой отецъ не образовалъ Секста злымъ; онъ былъ такимъ уже отъ цѣлой вѣчности и былъ такимъ всегда свободно. Юпитеръ только допустилъ его существованіе, въ чемъ мудрость моего отца не могла отказать міру, содержащему этого Секста; онъ допустилъ ему перейти изъ области возможныхъ бытій въ дѣйствительныя. Впрочемъ преступленіе Секста ведетъ къ великимъ событіямъ; отсюда возникнетъ великое царство съ великими людьми. Но это ничего не значить въ сравненіи съ совершенствомъ всего міра, красотѣ котораго ты удивишься, когда послѣ счастливаго перехода изъ смертнаго состоянія къ блаженству, боги сдѣлаютъ тебя способнымъ узнать это.

417. Въ этотъ моментъ Θεодоръ проснулся, излилъ благодарность богинѣ, призналъ правосудіе Юпитера, и проникнутый тѣмъ, что видѣлъ и что слышалъ, продолжалъ исполнять

служителя своего бога и со всею радостію, доступною смертному ¹⁾).

Мнѣ кажется, что это продолженіе вымысла можетъ объяснить недоумѣніе, котораго не хотѣлъ касаться Валла. Если Аполловъ хорошо представилъ созерцательное божественное вѣдѣніе (созерцающее бытія), то надѣюсь, что Паллада не дурно представила то, что называютъ простымъ вѣдѣніемъ разума (разсматривающимъ всѣ возможности), гдѣ въ концѣ концовъ надобно полагать источникъ всѣхъ предметовъ.

К. Истоминъ.

1) Лейбницъ прекрасно воспользовался фантастическимъ рассказомъ Валлы, продолжаетъ его рассказъ и въ поэтическихъ образахъ выражаетъ основныя мысли своей «Теодицеи». Конечно, чтобы хорошо уяснить себѣ эти образы надобно припомнить все, что было сказано Лейбницемъ въ его «Теодицеи»; но и въ этой образной формѣ основныя мысли писателя достаточно ясны. Лейбницъ задается вопросомъ, почему Богъ, хотя предвидѣлъ преступленія Секста и тѣ бѣдствія, которыя онъ причинитъ этимъ и себѣ и другимъ, все же создаетъ его? Не лучше ли было бы, если бы Богъ не создавалъ его? Лейбницъ отвѣчаетъ на эти вопросы тѣмъ, что созданіе Секста, какъ и всякаго другаго грѣшника, было необходимо соединено съ созданіемъ этого видимаго міра, признаваемого Лейбницемъ наилучшимъ. Богъ могъ не создать Секста, какъ и всякаго другаго грѣшника; но въ такомъ случаѣ Богъ не могъ бы уже создать этого видимаго міра. Было ли бы это справедливо въ отношеніи въ миллионамъ блаженныхъ твореній? Въ созданной Богомъ природѣ все находится въ тѣсной, послѣдовательной и разумной связи и нельзя изъять ни одного звѣна изъ общей цѣли твореній, чтобы этимъ не разрушить всей цѣли. Конечно, Богъ могъ бы создать другой міръ вмѣсто существующаго, но въ такомъ случаѣ этотъ другой міръ не былъ бы уже наилучшимъ, т. е. въ немъ было бы гораздо больше нестроеній, грѣха и страданій. Именно это Лейбницъ утверждаетъ своимъ ученіемъ о многихъ другихъ возможныхъ мірахъ. Таковъ первый отвѣтъ нашего философа. Но рядомъ съ этимъ отвѣтомъ, онъ указываетъ еще и другой. Богъ потому создаетъ Секста, Іуду Искаріотскаго, какъ и всякаго другаго грѣшника, что люди, несмотря на злоупотребленіе своею свободою, способствуютъ достиженію наилучшихъ цѣлей міротворенія. Преступленіе Секста послужило исходнымъ пунктомъ для появленія цѣлаго ряда великихъ событій и великихъ людей. Преступленіе Іуды предателя было однимъ изъ моментовъ въ великомъ актѣ всемірнаго спасенія. Тоже самое надобно сказать о грѣховной дѣятельности и всѣхъ грѣшниковъ вообще, хотя мы по большей части не видимъ никакой связи этой дѣятельности ихъ со всѣмъ ходомъ міровыхъ событій. Таковъ второй отвѣтъ нашего писателя. Лейбницъ тѣмъ искреннѣе держался этихъ убѣжденій, что соглашалъ ихъ съ своимъ религіознымъ воззрѣніемъ. Онъ допускалъ возможность смягченія вѣчныхъ мученій, но отвергалъ прекращеніе ихъ или переходъ въ блаженное состояніе; подобно тому какъ эллиптическая линія приближается къ круговой, не превращаясь однакоже въ полный кругъ. Православная Церковь тоже признаетъ вѣчность мученій грѣшниковъ; но въ тоже время говоритъ о всецѣльномъ ходатайствѣ своемъ предъ

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Декабря № 23. 1891 года.

Содержаніе. Списокъ лицамъ, коимъ преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, безъ грамотъ.—Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова Божія протоіереямъ и священникамъ города Харькова и подгороднихъ селеній въ теченіе 1892 г.—Постановленіе Харьковскаго Епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18^{90/91} учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Списокъ лицамъ духовнаго и свѣтскаго званія Харьковской епархіи, коимъ, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіями отъ 7—21 августа, 4—11 сентября и 2—10 октября 1891 г., за №№ 2058, 2274 и 2525, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, безъ грамотъ.

Купцу Василію *Гончарову*; крестьянину Ивану *Пащенко*; крестьянину Николаю *Грабареву*; крестьянину Діонисію *Гриценко*; обществу крестьянъ деревни Добролюбовки; обществу крестьянъ села Отрады, Зміевскаго уѣзда; обществу крестьянъ прихожанъ церкви Нерукотвереннаго образа Господня въ селѣ Богодаровѣ, того-же уѣзда; священнику Рождество-Богородичной церкви, слободы Ново-Бѣльнянской Іоанну *Макаровскому*.

РОСПИСАНІЕ

очереднаго проповѣданія Слова Божія протоіереямъ и священникамъ гор. Харькова и подгороднихъ селеній въ Каеедральномъ Соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и въ домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1892 года.

Въ Январѣ.

Въ Каеедральномъ соборѣ: 1. Новый годъ—свят. Николай *Малиновскій*; 6. Богоявленіе—свят. Николай *Гутниковъ*; 13. Недѣля по пре-

свѣщеніи—свят. Василій *Половъ*. Въ домовоѣ ц.: 16. Поклоненіе веригамъ Ап. Петра—прот. Стефанъ *Любимкій*; 17. Пр. Антонія Великаго—прот. Василій *Добротворскій*. Въ Каѳедральномъ Соборѣ: 19. Недѣля 32-я по Пятидесятницѣ—свят. Петръ *Мишулинъ*; 26. Недѣля о Мытарѣ и Фарисеѣ—прот. Іоаннъ *Чижевскій*.

Въ Февралѣ.

Въ Каѳедральномъ Соборѣ: 2. Срѣтеніе Господне—прот. Николай *Лашенковъ*; 9. Мясопустъ (Сырная седмица)—прот. Павелъ *Тимоѳеевъ*; 16. Сыропустъ (1-я седмица В. поста)—прот. Василій *Левандовскій*; 23. Торжество Православія (2-я седмица В. поста)—свят. Андрей *Балановскій*; 26. День рожденія Государя Императора—о. ректоръ семинаріи, прот. Іоаннъ *Критировъ*.

Въ Мартѣ.

Въ Каѳедральномъ Соборѣ: 1. Седмица 3-я Вел. поста—свят. Георгій *Чеботаревъ*; 2. Восшествіе на престолъ Государя Императора—священникъ Тимоѳей *Буткевичъ*; 8. Седмица 4-я В. поста (крестопоклонная)—свят. Павелъ *Григоровичъ*; 15. Седмица 5-я В. поста—прот. Андрей *Щежуновъ*; 22. Седмица 6-я В. поста—прот. Александръ *Федоровскій*; 25. Благовѣщеніе Пресв. Богородицы—свят. Панкратій *Ивановъ*; въ приходской и домовоѣ церкви—прот. Аполлонъ *Ильяшевъ* и свят. Іоаннъ *Приходинъ*. Въ Каѳедральномъ Соборѣ: 28. По крестномъ ходѣ съ вербою—свят. Дмитрій *Скрынниковъ*; 29. Недѣля Ваѣй—свят. Василій *Добровольскій*.

Въ Апрѣлѣ.

Въ Каѳедральномъ Соборѣ: Въ Великій Пятокъ на выносъ плащеницы—свят.—Петръ *Полтавцевъ*; 5. Пасха Христова—прот. Тимоѳей *Павловъ*; въ домовоѣ ц.: прот. Гаврилъ *Федоровскій*. Въ Каѳедральномъ Соборѣ; 12. Недѣля о Ѡмѣ—прот. Василій *Проскурниковъ*; 19. Недѣля Жень Мүрносицъ—свят. Георгій *Волобуевъ*; въ домовоѣ ц.: прот. Андрей *Щежуновъ*. Въ Каѳедральномъ Соборѣ: 22. Перенесеніе иконы Озерянской Божіей Матери—свят. Іоаннъ *Филевскій*; въ домовоѣ ц.: свят. Максимъ *Пономаревъ*. Въ Каѳедральномъ Соборѣ: 26. Недѣля о Разслабленномъ—свят. Николай *Соколовскій*; 29. Преполовеніе—свят. Григорій *Виноградовъ*.

Въ Маѣ.

Въ Каѳедральномъ Соборѣ: 3. Недѣля о Самаряныни — свят. Петръ *Мишулинъ*; 6. Рожденіе Государя Наслѣдника Цесаревича—свят. Никандръ *Онниковъ*; 8. Св. Ап. Іоанна Богослова—прот. Павелъ *Солнцевъ*; въ домовоѣ ц.: свят. Іоаннъ *Горайнъ*. Въ Каѳедральномъ Соборѣ: 9. Перепесеніе мощей св. Николая Чудотворца—прот. Павелъ *Дажневскій*; въ домовоѣ ц.: свят. Панкратій *Ивановъ*. Въ Каѳедральномъ Соборѣ: 10. Недѣля о Слѣпомъ—прот. Павелъ *Ковалевскій*; 14. Вознесеніе Господне—свят. Николай *Соколовскій*; въ домовоѣ ц.: прот. Григорій *Томашевскій*. Въ Каѳедральномъ Соборѣ: 15. Коронованіе Ихъ Император-

свихъ Владчества—святц. Николай *Малиновскій*; 17. Недѣля свв. Отець святц. Андрей *Любарскій*. Въ домової ц.: 21. Св. равноап. Константина и Елены—святц. Іоаннъ *Крушедольскій* и святц. Аванасій *Толмачевъ*; 24. Пятидесятница (день св. Троицы)—святц. Николай *Мощенковъ*. Въ Каѳедраальному Соборѣ: 25. День Св. Духа—святц. Андрей *Дмитріевъ*; въ домової ц.: прот. Николай *Лащенковъ*. Въ Каѳедраальному соборѣ: 31. Недѣля Всѣхъ Святыхъ—святц. Іоаннъ *Левитскій*. Въ домової ц.: святц. Василій *Поповъ*.

Въ Іюнѣ.

Въ Каѳедраальному Соборѣ: 7. Недѣля 2-я по Пятидесятницѣ—священникъ Василій *Кушицынъ*; 14. Недѣля 3-я по Пятидесятницѣ—святц. Василій *Марченко*; 21. Недѣля 4-я по Пятидесятницѣ—святц. Андрей *Григоренко*. Въ домової ц.: 24. Рождество св. Іоанна Предтечи—святц. Михайлъ *Клячный*. Въ Каѳедраальному Соборѣ: 28. Недѣля 5-я по Пятидесятницѣ—святц. Михайлъ *Румянцевъ*; 29. Св. Ап. Петра и Павла—прот. Іоаннъ *Чижевскій*; въ домової ц.: святц. Павелъ *Тимощевъ*.

Въ Іюль.

Въ Каѳедраальному Соборѣ: 5. Недѣля шестая по Пятидесятницѣ—протоіерей Стефанъ *Любичкій*; 8. Казанской иконы Божіей Матери—священникъ Павелъ *Четвериковъ*; 12. Недѣля седьмая по Пятидесятницѣ—священникъ Григорій *Бѣляевъ*; 19. Недѣля восьмая по Пятидесятницѣ—протоіерей Іоаннъ *Федоровъ*; 22. Тезоименитство Государыни Императрицы—протоіерей Іоаннъ *Кратировъ*; въ домової церкви: протоіерей Андрей *Дюковъ*. Въ Каѳедраальному Соборѣ: 26. Недѣля девятая по Пятидесятницѣ—священникъ Іоаннъ *Щекинъ*. Въ домової церкви: 27. Св. Великоученика Пантелеимона—священникъ Василій *Ветуховъ*.

Въ Августѣ.

Въ Каѳедраальному Соборѣ: 1. Происхожденіе древъ Креста Господня—прот. Василій *Проскурниковъ*; 2. Недѣля десятая по Пятидесятницѣ—святц. Николай *Гутниковъ*; 6. Преображеніе Господне—святц. Андрей *Любарскій*; въ домової церкви: святц. Василій *Лихницкій*. Въ Каѳедраальному Соборѣ: 9. Недѣля одиннадцатая—святц. Петръ *Мигулинъ*; 15. Успеніе Пр. Богородицы—прот. Тимоѳей *Павловъ*; въ домової церкви: прот. Андрей *Дюковъ*. Въ Каѳедраальному Соборѣ: 16. Недѣля двѣнадцатая (Нерукотворен. Образа)—святц. Николай *Мощенковъ*; 23. Недѣля тринадцатая святц. Андрей *Дмитріевъ*. Въ домової церкви: 29. Усѣкновеніе главы Св. Іоанна Предтечи—святц. Георгій *Волобуевъ*. Въ Каѳедраальному Соборѣ: 30. Недѣля четырнадцатая. Тезоименитство Государя Императора—прот. Василій *Добротворскій*.

Въ Сентябрь.

Въ Каѳедраальному Соборѣ: 6. Недѣля пятнадцатая—прот. Павелъ *Тимощевъ*; 8. Рождество Пр. Богородицы—прот. Николай *Федоровъ*; 13. Недѣля шестнадцатая—святц. Дмитрій *Скрынниковъ*. Въ домової цер.: 14. Воздвиженіе Креста Господня—прот. Андрей *Щемкуновъ*. Въ Каѳед-

ральномъ Соборѣ: 20. Недѣля семнадцатая—прот. Павелъ *Солнцевъ*; Въ домово́й церкви: Ап. и Еванг. Іоавна Богослова—свят. Андрей *Дмитріевъ* и Іоаннъ *Левитскій*. Въ Каедральномъ Соборѣ: 27. Недѣля восемнадцатая—свят. Іоаннъ *Мантулинъ*.

Въ Октябрѣ.

Въ Каедральномъ Соборѣ: 1. Покровъ Пресв. Богородицы—священникъ Петръ *Полтавцевъ*; 4. Недѣля девятнадцатая—свят. Іоаннъ *Левитскій*; 11. Недѣля двадцатая—свят. Василій *Лихвинскій*; 17. Служеніе въ память чудеснаго спасенія отъ угрожавшей опасности Государя Императора, Государыни Императрицы и Царской Семьи—свят. Андрей *Балановскій*; 18. Недѣля двадцать первая—прот. Іоаннъ *Федоровъ*; 22. Казанской иконы Божіей Матери—прот. Николай *Лашенковъ*. Въ домово́й церкви: 24. Празднованіе образу «Всѣхъ Скорбящихъ Радость»—свят. Іоаннъ *Шекинъ*. Въ Каедральномъ Соборѣ: 25. Недѣля двадцать вторая—прот. Павелъ *Дактисскій*. Въ домово́й церкви: 26. Великомученика Дмитрія Солунскаго—свят. Петръ *Мишулинъ*.

Въ Ноябрьѣ.

Въ Каедральномъ Соборѣ: 1. Недѣля двадцать третья—свят. Михаилъ *Клячнй*. Въ домово́й церкви: 8. Соборъ Арх. Михаила (24-я недѣля)—свят. Петръ *Полтавцевъ*. Въ Каедральномъ Соборѣ: 14. Рожденіе Государыни Императрицы—свят. Тимоѣй *Буткевичъ*; 15. Недѣля двадцать пятая—свят. Василій *Поповъ*; 21. Введеніе во храмъ Пресвят. Богородицы—свят. Іоаннъ *Филевскій*; 22. Недѣля двадцать шестая—свят. Панкратій *Ивановъ*. Въ домово́й церкви: 23. Великаго князя Александра Невскаго—свят. Григорій *Бѣляевъ*. Въ Каедральномъ Соборѣ: 24. Св. Великомученицы Еватерины—діаконъ Николай *Сперанскій*; 29. Недѣля двадцать седьмая—прот. Александръ *Федоровскій*.

Въ Декабрѣ.

Въ домово́й церкви: 4. Св. Великомученицы Варвары—свят. Никандръ *Онжевичъ*; 6. Недѣля двадцать восьмая: Св. Николая Мурликійскаго Чудотворца—свят. Григорій *Виноградовъ*. Въ домово́й церкви: 12. Св. Спиридона Тримфунтскаго—свят. Іоаннъ *Мантулинъ*. Въ Каедральномъ Соборѣ: 13. Недѣля двадцать девятая (Св. Праотець)—свят. Василій *Ветуховъ*; 20. Недѣля тридцатая (предъ Рождествомъ) Св. Отець—свят. Іоаннъ *Крушодольскій*; 25. Рождество Христово—свят. Василій *Добровольскій*; 27. Недѣля по Рождествѣ—свят. Дмитрій *Скрытниковъ*.

Постановленіе Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Харьковское Епархіальное Попечительство слушало представленіе священника Харьковской Святодуховской церкви о. Николая Мощенкова о пожертвованіи по завѣщанію умершимъ прото-

іереемъ г. Валокъ соборной Преображенской церкви Аполлоніемъ Θεодоровичемъ Солодовниковымъ пяти тысячъ рублей въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія Харьковской епархіи, преимущественно г. Валокъ и Валковскаго уѣзда.

По справкѣ постановили и Его Высокопреосвященство 27 Ноября н. г. изволилъ утвердить: 1) пожертвованный протоіереемъ о. Аполлоніемъ Солодовниковымъ капиталъ въ 5000 рублей присоединить къ неприкосновенному денежному фонду Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства, а проценты съ сего капитала, согласно волѣ жертвователя, выдавать вдовамъ и сиротамъ духовнаго званія Харьковской епархіи, преимущественно г. Валокъ и Валковскаго уѣзда; 2) чрезъ оо. благочинныхъ увѣдомлять тѣхъ лицъ, которымъ будетъ выдаваемо пособие изъ процентной суммы сего капитала, чтобы они въ своихъ молитвахъ поминали усопшихъ протоіерея Аполлонія и Пульхерію (жену его) и 3) выразить искреннюю благодарность члену Харьковской Духовной Консисторіи, о. Николаю Мощенкову, какъ душеприказчику покойнаго протоіерея Солодовникова, за его трудъ по приведенію въ исполненіе духовнаго завѣщанія о. Солодовникова, предоставивъ ему, какъ родственнику покойнаго, право участія въ назначеніи пособия изъ процентовъ этого капитала нуждающимся вдовамъ и сиротамъ духовнаго званія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ

за 18⁹⁰/91 учебный годъ.

(Продолженіе *).

В) Учители и учительницы необязательныхъ предметовъ.

1. Учительница французскаго языка въ обонхъ отдѣленіяхъ I-го класса во II, III, IV, V и VI классахъ, начальница училища Евгенія Николаевна *Гейманъ*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ Дѣвицъ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 р. за урокъ) 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 г.

2. Учитель музыки Николай Александровичъ *Орловскій*; окончилъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», № 21-й, 1891 г.

курсъ гимназiи и обучался музыкѣ частнымъ образомъ; жалованья получаетъ за 15 ученицъ по 25 р. и за 10 ученицъ по 20 р., всего 575 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 28 августа 1882 г.

3. Учительница музыки, дѣвица Марiя Ивановна *Стенурская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 8 декабря 1888 года.

4. Учительница музыки, дѣвица Серафима Гавриловна *Вертеловская*; обучалась музыкѣ въ Харьковскомъ музыкальномъ обществѣ; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 24 августа 1879 года.

5. Учительница музыки, жена кандидата университета Варвара Петровна *Эварнишкая*; окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 20 сентября 1883 года.

6. Учительница музыки, жена магистрата Харьковскаго университета Ольга Николаевна *Стеклова*; получила отъ испытательной комиссіи при университетѣ званіе домашней учительницы; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 8 февраля 1888 г.

7. Учительница музыки, вдова титулярнаго совѣтника Вильгельмина Рудольфовна *Корнильева*, домашнего образованія; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 8 ноября 1888 года.

8. Учитель игры на скрипкѣ, Александръ Ивановичъ *Колесниковъ*; обучался въ С.-Петербургской Консерваторiи; за 25 уроковъ получилъ 125 р.

Г) Воспитательницы.

1. Воспитательница приготовительнаго нормальнаго класса дѣвица Александра Ивановна *Левандовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 7 Февраля 1885 года.

2. Воспитательница приготовительнаго параллельнаго класса, дѣвица Ольга Федоровна *Вертеловская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

3. Воспитательница 1-го нормальнаго класса, дѣвица Зинаида Ивановна *Нельмовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ

училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года

4. Воспитательница I-го параллельнаго класса, дѣвица Елисавета Андреевна *Курисовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

5. Воспитательница II-го класса, дѣвица Анна Гавриловна *Троицкая*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

6. Воспитательница III-го класса, дѣвица Анастасія Александровна *Ястремская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 28 января 1888 года.

7. Воспитательница IV-го класса, вдова поручика Евдокія Павловна *Сорокина*; она же завѣдывала фундаментальною библіотекою и учебниками; окончила курсъ въ Харьковской женской гимназій; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. и за завѣдываніе фундаментальною библіотекою и учебниками 60 р.,—всего 300 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 13 сентября 1871 г. по 3 августа 1884 г. и вторично съ 10 августа 1887 года.

8. Воспитательница V-го класса, дѣвица Маріамна Павловна *Попова*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1882 года.

9. Воспитательница VI класса, она же и старшая воспитательница, дѣвица Людмила Евѣмовна *Дзякова*; она же завѣдывала ученическою библіотекою; окончила курсъ въ Харьковской женской гимназій; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. и за завѣдываніе ученическою библіотекою 25 р., всего 265 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 10 сентября 1872 года.

Д) Помощницы воспитательницъ.

1. Въ приготовительномъ нормальномъ классѣ — дѣвица Аполлینарія *Жданова*; 2) въ приготовительномъ параллельномъ классѣ—дѣвица Ев-

генія *Павлова*; 3) въ I-мъ нормальномъ классѣ—дѣвица Антонина *Приходькова*; 4) въ I-мъ нормальномъ классѣ—дѣвица Евгенія *Бутковская*; 5) во II-мъ классѣ—дѣвица Елена *Соколова*; 6) въ III-мъ классѣ—дѣвица Ксенія *Дажньвская*; 7) въ IV-мъ классѣ — дѣвица Анна *Лаликарева*; 8) въ V-мъ классѣ — дѣвица Серафима *Пономарева* 2-я; 9) въ VI-мъ классѣ—дѣвица Серафима *Пономарева* 1-я; всѣ окончили курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получала каждая, при казенной квартирѣ со столомъ 50 р. въ годъ и 50 р. на одежду; въ настоящей должности: Жданова и Бутковская съ 12 сентября 1890 г., Павлова съ 25 октября 1890 г. и всѣ остальные съ 5 мая 1890 года.

Е) Другія служащія въ училищѣ лица.

1. Врачъ при училищной больницѣ, Харьковскій губернскій вѣдѣбный инспекторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ *Стефановичъ-Севастьяновичъ*, докторъ медицины; жалованья получаетъ 300 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 13 января 1877 г.

2. Надзирательница училищной больницы, вдова священника Лукія Павловна *Ковалева*; домашняго образованія; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ съ столомъ, 200 р. въ годъ; въ настоящей должности съ октября 1871 года.

3. Помощница больничной надзирательницы, дѣвица Пелагія Петровна *Прокофьева*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ 150 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 4 октября 1880 года.

4. И. д. эконома, потомственный почетный гражданинъ Петръ Петровичъ *Грандицкій*; имѣетъ званіе городского учителя; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 400 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 10 декабря 1890 года.

Примѣчаніе. Кроме выше поименованныхъ лицъ, при училищѣ состояли еще: а) кастеляница, завѣдывавшая бѣльемъ и одеждою воспитанницъ, и б) ключница, завѣдывавшая, въ качествѣ помощницы эконома, столовою и буфетомъ.

Епархіальныя извѣщенія.

Утверждены въ должностяхъ законоучителей въ Аннопольевское народное училище—священникъ Петро-Павловской церкви, сл. Петропавловки, Волчанскаго уѣзда, Іоаннъ *Грызодубовъ*; въ Лосевское—священникъ Покровской церкви, сл. Верхней Писаревки, того же уѣзда, Косма *Огульковъ*, и Отрадненское—священникъ Митрофаніевской церкви сл. Отрадной, того же уѣзда, Іоаннъ *Рогольскій*; въ Михайловское народное училище священникъ с. Михайловки, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Стеллецкій*.

— Утверждаея священникъ Николаевской церкви сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, Андрей *Базилевичъ*, въ должности депутата 4 округа Старобѣльскаго уѣзда.

— Замѣтный священникъ Всѣхсвятской церкви с. Виръ, Сумскаго уѣзда, Павелъ *Ведринскій*, волею Божіею умеръ.

— Перемѣщены псаломщики церковей Тихоновской сл. Макартетинной, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Григоровичъ*, и Покровской с. Глазуновки, Зміевскаго уѣзда, Иванъ *Филевскій*, одинъ на мѣсто другаго.

— Перемѣщены псаломщики Рождество-Богородичной церкви сл. Цареборисовой, Изюмскаго уѣзда, Теодоръ *Грабовскій*, и Вознесенской церкви сл. Ново-Ольшаной, Купянскаго уѣзда, Павелъ *Грабовскій*, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другаго.

— Уволенъ псаломщикъ Николаевской церкви с. Подлѣсновки, Сумскаго уѣзда, Василій *Калашиковъ*, отъ занимаемой имъ должности, а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикомъ сынъ діакона с. Хотѣни Андрей *Сукачевъ*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Рождество-Богородичной церкви, г. Сумъ, надв. сов. Петръ Порфиріевичъ *Шлямовскій*; къ Николаевской церкви сл. Шабельковки, Изюмскаго уѣзда, дв. Николай *Шабельскій*, на четвертое трехлѣтіе; къ Тихоновской церкви с. Ницахъ, Ахтырскаго уѣзда, кр. Моисей Герасимовъ *Яковлевъ*; къ Васильевской церкви, с. Солдатскаго, Богодуховскаго уѣзда, солдатъ Маркъ Сумеоповъ *Стицынъ*.

— Уволенъ церковный староста Рождество-Богородичной церкви г. Сумъ, Василій *Коненко*, отъ занимаемой имъ должности, согласно его прошенію.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Погребеніе Ивана Герасимовича Харитоненко. — Рѣчь Преосвященнаго Алвросія, Архіепископа Харьковскаго. — Свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ за прошлый годъ. — Разъясненіе о льготѣ по воинской повинности для учителей церковно-приходскихъ школъ. — Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ въ пользу страждущихъ отъ неурожая, полученныхъ особымъ Комитетомъ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича. — Пожертвованія учащихся въ пользу голодающихъ. — Пожертвованія на тотъ же предметъ церковей въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. — Сочувствіе Волинскихъ крестьянъ къ коложенію своихъ собратьевъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ. — Открытіе общественныхъ работъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ. — Отпуски десяти миліоновъ рублей изъ казны на произведеніе въ этихъ губерніяхъ общепользныхъ работъ. — Послѣдствія урожая 1891 г. по отношенію къ потребленію. — Избытокъ урожая на Сѣверномъ Кавказѣ и Закавказьѣ. — Обильный урожай хлѣба за Ураломъ. — Утѣшительныя извѣстія о состояніи озимыхъ посѣвовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. — Неурожай ячменя. — Мѣры къ развитію кустарныхъ промысловъ. — Введеніе въ программу городскихъ училищъ преподаванія нѣкоторыхъ ремеселъ. — Общество для развитія книгопечатнаго дѣла въ Россіи. — По поводу учрежденія государственной кассы страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. — Дополненіе къ нормальному положенію о земскомъ страхованіи. — Всероссийская пожарная выставка и сѣздъ по пожарному дѣлу. — Приговоры о закрытіи кабаковъ. — По поводу мѣръ къ искорененію пьянства въ народѣ. — Смертность отъ заразныхъ болѣзней. — Свѣдѣнія объ инфляціи. — Паточно-свекловичный хлѣбъ. — Новый дешевый продуктъ. — Целезное для сельскихъ хозяевъ изобрѣтеніе. — Общество фотографированія памятниковъ древности. — Фотографія «духовъ».

30 ноября, на 71 г. отъ рожденія, скончался извѣстный благотворитель и крупный общественный дѣятель Иванъ Герасимовичъ Харитоненко. Иванъ Герасимовичъ Харитоненко — сынъ крестьянина слободы Нижней Сыроватки, Сумскаго уѣзда, бывшаго въ двадцатыхъ годахъ сельскимъ волостнымъ головою. Первоначальное образованіе покойный Иванъ Герасимовичъ получилъ въ сельской приходской школѣ. Наставникомъ его были мѣстный дьячекъ Калюжный и его помощникъ, крестьянинъ того же села Даніилъ Вурякъ, бывший въ то же время и пѣвцомъ на клиросѣ. Послѣ обученія грамотѣ будущій миліонеръ былъ отправленъ отцомъ въ Курскъ къ купцу Худокормову, имѣвшему бакалейную лавку, а черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ на службу къ купцу Гладкову, торговавшему тамъ-же, въ Курскѣ, мануфактурными товарами. Занимая впослѣдствіи должность конторщика, онъ разъѣзжалъ по Украинскимъ ярмаркамъ, а около 1850 года поселился въ г. Сумахъ, купивъ себѣ небольшой домикъ на Воскресенской улицѣ. Здѣсь онъ женился на дочери купца И. Ѳ. Скубенка, которая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы умерла. Въ 1852 г. Иванъ Герасимовичъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью купца, Натальей Максимовной Лещинской; отъ этого брака родился единственный сынъ — Павелъ Ивановичъ, которому въ на-

стоящее время пошелъ 40-й годъ. Почти одновременно съ Ивановъ Герасимовичемъ въ Сумахъ поселился обоянскій купецъ Дм. Иван. Сухановъ, впоследствии также пріобрѣвшій большую известность своею широкой благотворительностью и своими обширными торговыми оборотами. Оставивъ службу у купца Гладкова, Иванъ Герасимовичъ въ компаніи съ Сухановымъ открылъ въ Сумахъ бакалейную лавку, располагая въ это время, какъ помнятъ старожилы, капиталами оба не болѣе 10,000 р., но заручившись небольшимъ кредитомъ у московскихъ купцовъ при помощи разныхъ протекцій. Нѣсколько раньше Ивана Герасимовича и Суханова, въ концѣ 40-хъ годовъ, въ Сумахъ поселился бывшій привазчикъ московскихъ купцовъ Алексѣй Никитичъ Монаковъ. Онъ первый въ этомъ краю началъ торговлю сахаромъ, въ качествѣ коммиссіонера московскихъ и петербургскихъ купцовъ, закупая сахаръ на югѣ Россіи. Въ короткое время Монаковъ, собравши порядочное состояніе, купилъ небольшое имѣніе въ Сумскомъ уѣздѣ и началъ было постройку собственнаго сахарнаго завода, но неудачный выборъ мѣста для завода и скорая затѣмъ смерть строителя помѣшала постройкѣ. Иванъ Герасимовичъ пошелъ его дорогой, и также началъ торговлю сахаромъ и впоследствии называлъ Монакова своимъ учителемъ. Разъѣзжая круглый годъ по сосѣднимъ губерніямъ, Иванъ Герасимовичъ закупалъ на заводахъ сахаръ, первое время преимущественно для с.-петербургскаго купца Елисева, а его компаніонъ Сухановъ завѣдывалъ въ это время исключительно бакалейной торговлей. Черезъ нѣсколько лѣтъ торговые обороты ихъ достигали уже сотенъ тысячъ. Компаніоны раздѣлились, при чемъ Сухановъ оставилъ за собою бакалейную торговлю, а Иванъ Герасимовичъ продолжалъ торговлю сахаромъ въ прежнемъ направленіи. Прежде всего онъ арендовалъ сахарный заводъ въ с. Ульяновкѣ, Сумскаго уѣзда, у помѣщиковъ Кондратьевыхъ, а затѣмъ другой заводъ, принадлежащій помѣщику Зборомирскому, въ селѣ Старомъ. Последняя аренда была, однако, неудачной для Ивана Герасимовича: заводъ Зборомирскаго сгорѣлъ до тла съ большими запасами сахара, при чемъ ни заводъ, ни сахаръ не были нигдѣ застрахованы. Потеря была громадная и положеніе арендатора критическое, но его московскіе и петербургскіе довѣрители, успѣвшіе до того времени убѣдиться въ честности, предприимчивости и энергіи своего кредитора, поддержали Ивана Герасимовича своимъ довѣріемъ. Съ тѣхъ поръ дѣла покойнаго шли все лучше и лучше. Въ концѣ концовъ онъ сдѣ-

стался обладателемъ громаднаго состоянія. Иванъ Герасимовичъ владѣлъ въ Харьковской и Курской губерніяхъ: собственной землей до 40,000 десятинъ, въ томъ числѣ до 10,000 десятинъ отличнаго строеваго лѣса, содержамаго въ образцовомъ порядкѣ, и въ арендѣ до 18 тысячъ десятинъ земли, богатымъ хозяйственнымъ инвентаремъ, страховымъ капиталомъ, составившимся изъ отчисленія прибылей (въ теченіе 10 лѣтъ около 1.000,000 руб.), шестью песочными сахарными заводами и однимъ рафинаднымъ; кромѣ того Иваномъ Герасимовичемъ было заарендовано два завода—одинъ князей Голицыныхъ въ Славгородѣ, а другой у гр. Клейнмихель въ Курской губерніи.

Иванъ Герасимовичъ не получилъ образованія, но, при своемъ природномъ умѣ и любознательности, настолько образовалъ себя чтеніемъ книгъ и частыми обращеніями съ людьми образованными, что постороннему наблюдателю не легко было подмѣтить въ немъ челоуѣка, получившаго образованіе у сельскаго дьячка. 56-ти лѣтъ отъ роду онъ началъ обучаться французскому языку и скоро читалъ и говорилъ свободно на этомъ языкѣ. Иванъ Герасимовичъ состоялъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ званіи почетнаго гражданина города Сумъ и почетнаго попечителя Сумскаго реального училища.

Вообще Иванъ Герасимовичъ былъ обязанъ всѣмъ, чего достигъ, исключительно самому себѣ, своему уму, трудолюбію, нравственной выдержкѣ, необычайной предпримчивости и поразительной энергіи. Говорятъ, что колоссальныя состоянія нельзя составить изъ ничего и что въ основѣ ихъ всегда лежитъ какое нибудь темное дѣло. Иванъ Герасимовичъ доказалъ, что это невѣрно. Злорѣчіе не падаетъ людей, стоящихъ у всѣхъ на виду, и пользуется малѣйшихъ поводомъ, чтобы очернить ихъ, но Ивана Герасимовича и въ этомъ случаѣ былъ исключеніемъ изъ общаго правила: даже враги не рѣшались заподозривать источника его необычайнаго обогащенія. Говорилось обыкновенно о разныхъ счастливыхъ случайностяхъ, о благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ и т. д., но въ концѣ концовъ сводилось все къ тому, что торговля и промышленность была истиннымъ призваніемъ Ивана Герасимовича, что онъ не могъ не сдѣлаться рано или поздно Крезомъ, что обширныя, строго обдуманныя и блистательно выполненныя коммерческія предпріятія были его стихіей, въ которой онъ чувствовалъ себя, какъ нельзя лучше. Проницательный, дѣятельный, стойкій, предпримчивый и въ то же время осторожный Иванъ Герасимовичъ былъ одинаково лязебъ и отъ пресловутыхъ дутыхъ затѣй

и отъ хожденія по протореннымъ тропинкамъ. Онъ не боялся самыхъ смѣлыхъ начинаній и тяжелой отвѣтственности, онъ былъ инициаторомъ по призванію, но онъ умѣлъ быстро и почти навѣрняка взвѣшивать выгоды того или другаго дѣла; вотъ почему онъ сталъ такимъ богачемъ и чуть ли не главнымъ представителемъ нашего сахароваренія, для развитія котораго онъ такъ много сдѣлалъ. Были, конечно, и счастливыя случайности, но не въ нихъ разгадка успѣховъ Ивана Герасимовича. Нельзя не отмѣтить и еще одной рѣдкой, благородной черты его характера. На Ивана Герасимовича со всѣхъ сторонъ сыпался золотой дождь, но сердце покойнаго не очерствѣло подъ вліяніемъ земныхъ благъ и не прилѣпилось къ деньгамъ. Педантически точный въ дѣловыхъ отношеніяхъ, Иванъ Герасимовичъ никого не обездолилъ, за то многихъ избавилъ отъ разоренія и вывелъ въ люди. Онъ всегда былъ добрымъ семьяниномъ и добрымъ человекомъ, не забывалъ своего происхожденія, не забывалъ, что такое бѣдность, которую извѣдалъ на опытѣ, дѣлалъ много добра и не сыпалъ своихъ даровъ «разсчетливой рукою».

Управляющіе имѣніями и сахаровары, служащіе въ конторахъ, получали у Ивана Герасимовича большое содержаніе (нѣкоторые—до 6,000 руб. въ годъ) и, кромѣ того, управляющіе имѣли извѣстный % съ чистой прибыли, превышающій иногда по своей суммѣ жалованье. Бухгалтерія, какъ увѣряютъ, содержится въ такомъ порядкѣ, что можно во всякое время навести вѣрную справку, начиная съ первыхъ годовъ заведеннаго дѣла, о какомъ-либо мельчайшемъ расходѣ или приходѣ.

Служащіе при заводскихъ больницахъ фельдшера (а при иныхъ и врачи) оказываютъ медицинскую помощь съ безплатною выдачею лѣкарствъ не только работающимъ на заводѣ, но и бѣднымъ сельскимъ жителямъ. Насколько щедры были пожертвованія Ивана Герасимовича,—можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ.—На постройку дѣтскаго пріюта, находящагося въ настоящее время въ вѣдомствѣ учрежд. Императрицы Маріи—до 90,000 руб. и капиталъ на содержаніе его—150,000 руб.; на образованіе крестьянскаго банка—50,000 р.; на устройство зданія для общежитія студентовъ Харьковскаго университета—100,000 руб.; на устройство мостовой въ г. Сумахъ—50,000 руб. Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить такія пожертвованія, какъ напримѣръ, назначеніе пенсій осиротѣвшимъ семействамъ лицъ, служившихъ въ имѣніяхъ Ивана Герасимовича, безплатная подача медицинской помощи бѣднымъ гор.

ченіе 12 лѣтъ семи приходскимъ священникамъ ежемѣсячно по 20 руб. для раздачі бѣднымъ, постройка церкви на родинѣ Ивана Герасимовича, въ с. Нижней Сыроваткѣ, во имя Святителя Тихона, освященной преосвященнымъ Іустиномъ и стоющей 70,000 руб., и, наконецъ, разновременныя пожертвованія значительныхъ суммъ на духовныя училища и другія благотворительныя учрежденія Харьковской епархіи. Въ 1886 году Иванъ Герасимовичъ, по предложенію Высокопреосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьковскаго, пожертвовалъ 15.000 р. на устройство каменнаго зданія для образцовой школы при Харьковской Духовной Семинаріи, также сдѣлалъ весьма значительныя пожертвованія на устройство новыхъ зданій для Сумскаго и Купянскаго духовныхъ училищъ и на другія учрежденія духовнаго вѣдомства. Десять лѣтъ тому назадъ покойный Иванъ Герасимовичъ далъ городу Сумамъ заимообразно, безъ процентовъ, 30,000 р. съ разсрочкой платежа въ 10 лѣтъ съ тѣмъ, что-бы на эти деньги построены были на базарѣ каменные лавки и крытыя платформы. Городъ, устроивъ ихъ, съ первыхъ же лѣтъ началъ получать арендную плату въ размѣрѣ 2,800 р. Въ прошломъ году Иванъ Герасимовичъ пожертвовалъ 15,000 р. на расширеніе зданія, занимаемаго Сумскимъ Окружнымъ Судомъ. Благодаря также его ходатайству, судъ переведенъ изъ 4 разряда въ 3-й. За нѣкоторыя пожертвованія Иваномъ Герасимовичемъ были получены награды, именно: орденъ св. Владиміра 3-й степени за пожертвованіе 100,000 рублей на устройство зданія для общежитія студентовъ Харьковскаго университета, занятаго теперь университетскими клиниками; кромѣ того покойнымъ былъ полученъ орденъ св. Станислава 1-й степени за заслуга по духовному вѣдомству. Говорятъ, что рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы Иванъ Герасимовичъ не получалъ писемъ съ разныхъ концовъ Россіи съ просьбами о помощи и, если не всѣмъ онъ посылалъ безъ разбору, то очень многимъ. Всѣмъ извѣстны только самыя крупныя и, такъ сказать, всенародныя пожертвованія Ивана Герасимовича, а сколько было такихъ, о которыхъ никто не зналъ, кромѣ его самого и близкихъ къ нему людей!

Погребеніе Ивана Герасимовича было совершено 2-го декабря. Въ этотъ день, а равно и наканунѣ г. Сумы представлялъ собою необыкновенное зрѣлище. Сюда съѣхалась масса народу изъ Харькова, Кіева и окрестныхъ селъ, деревень, чтобы присутствовать на похоронахъ Ивана Герасимовича. Городъ Сумы съ своей стороны сдѣлалъ все возможное, чтобы обставить печальный обрядъ какъ можно торжественнѣе. Хотя покойный еще при жизни своей

вся его семья, уступая просьбамъ городского управленія и массы народа, желавшаго присутствовать на похоронахъ, принуждена была нарушить волю покойнаго, вслѣдствіе чего похороны Ивана Герасимовича явились чѣмъ-то дѣйствительно необычнымъ и рѣдкимъ не только въ лѣтописяхъ города Сумъ, но, вѣроятно, и въ исторіи всей Харьковской губерніи. Такія похороны, по справедливости, могутъ быть названы «всенародными», потому что главнѣйшее участіе въ нихъ принялъ народъ, пришедшій въ Сумы въ количествѣ около 15,000 человекъ, изъ числа которыхъ для 9,000 человекъ на площади близъ Троицкой церкви родственниками покойнаго выстроено было нѣсколько деревянныхъ бараконъ, гдѣ всю эту массу народа кормили въ теченіе девяти дней. На лицахъ всѣхъ этихъ простыхъ людей замѣтно было искреннее, неподдѣльное горе, ясно говорившее, что Иванъ Герасимовичъ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью, какъ человекъ дѣлавшій много добра. Городская управа, изъ уваженія къ памяти покойнаго, постановила, чтобы въ день его погребенія всѣ торговля и промышленныя заведенія въ городѣ были закрыты. Общественныя зданія и частныя дома по пути слѣдованія печальнаго шествія были задрапированы чернымъ сукномъ и украшены черными флагами, при чемъ шествіе двигалось по улицамъ, усыпаннымъ сплошною массою сосновой зелени; всѣ фонари были зажжены и окутаны чернымъ флеромъ.

Выносъ тѣла покойнаго изъ его дома въ Троицкую церковь состоялся 1-го декабря около 8 часовъ вечера, при чемъ, не смотря на то, что церковь находится въ разстояніи менѣе версты отъ дома, процессія, въ которой участвовало 52 священника, благодаря необычному стеченію народа, провожавшаго ее, могла прпбыть въ церковь часа черезъ два, такъ что вечеромъ паныхиды въ церкви началась едва только въ 10 часовъ. На другой день, 2-го декабря, въ 9 часовъ была совершена заупокойная литургія, которую совершалъ Высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ сослуженіи съ настоятелемъ собора протоіереемъ о. Никольскимъ, ключаремъ Харьковскаго кафедральнаго собора, свящ. о. Тимофеемъ Буткевичемъ, прот. о. Феодотомъ Лащенкоымъ и другими тремя священнослужителями. Вся церковь убрана была чернымъ сукномъ. Посреди церкви возвышался роскошный черный балдахинъ съ гробомъ покойнаго, утопавшимъ въ массѣ всевозможныхъ вѣнковъ, присланныхъ отъ разныхъ учрежденій и лицъ. При отпѣваніи участвовало все город-

ское духовенство. По окончаніи отпѣванія Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ пропзнесена была рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Мы совершили по чиноположенію церковному погребальное моленіе объ упокоеніи души Ивана Герасимовича. Помянемъ его и добрымъ словомъ, — словомъ правды, любви и благодарности.

Кончина его есть горестное событіе не только для его семьи и друзей, но и для всего здѣшняго края. Его жизнь здѣсь всѣмъ извѣстна, но мы найдемъ утѣшеніе, возстановивъ въ своемъ воспоминаніи его духовный обликъ и главнѣйшія черты его характера и дѣятельности.

Почившій незнатнаго происхожденія: онъ былъ сынъ крестьянина (чего никогда не стыдился), но тѣмъ поразительнѣе сближеніе первой и второй половины его жизни. Въ первой — бѣдность и простота, во второй богатство и великолѣпіе; въ первой — смиренная и безвѣстная доля, во второй громкая извѣстность и высшія отличія въ званіи и знакахъ Монаршей милости; въ началѣ зависимость и исполненіе чужихъ приказаній, потомъ управленіе обширными коммерческими заведеніями и тысячами людей у него служившихъ и трудившихся подъ его руководствомъ; въ началѣ потребность въ помощи другихъ, потомъ могущественное покровительство другимъ и многообъемлющая благотворительность. Правда, подобныя явленія не рѣдко встрѣчаются въ нашемъ отечествѣ. Самородки изъ простаго народа силою дарованій и упорнаго труда составляютъ себѣ и громадныя состоянія, и видное общественное положеніе; но въ жизни Ивана Герасимовича есть особенности, рѣзко выдѣляющія его изъ числа ему подобныхъ.

Онъ не получилъ научнаго образованія. Онъ научился въ дѣтствѣ грамотѣ и получилъ религіозное настрое-

ніе, какъ и свойственно простому русскому человѣку, подъ руководствомъ св. Православной Церкви и подъ вліяніемъ благочестивыхъ народныхъ обычаевъ. Но въ немъ поражали развитіе ума и разнообразныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя путемъ самообразованія. Казалось, не было предмета въ нравственной и общественной жизни выше его пониманія. Онъ горячо любилъ отечество и имѣлъ вѣрныя понятія о средствахъ устроенія его благосостоянія; онъ слѣдилъ за всѣми современными усовершенствованіями въ общественной жизни, но безъ одностороннихъ увлеченій, строго отличая все истинно полезное отъ лишнихъ и ненадежныхъ нововведеній. Въ бесѣдѣ съ нимъ всегда пріятно было видѣть, какъ живо работаетъ его умъ, и слышать его свободную и одушевленную рѣчь.

Иванъ Герасимовичъ страстно любилъ свою коммерческую дѣятельность, но не своекорыстная жажда пріобрѣтенія и обогащенія была душою его предпріятій и трудовъ. Онъ любилъ промышленность, какъ ученый любить свою науку, какъ художникъ любить свое искусство. Отъ того всѣ его обширныя заведенія носятъ на себѣ печать не только соотвѣтствующаго цѣли благоустройства, но красоты и изящества. Отъ того не только его заводскія зданія, но и всѣ окружающія ихъ помѣщенія для служащихъ свидѣтельствуютъ, что въ его учрежденіяхъ нѣтъ той мелкой и сухой расчетливости, которая боится истратить что-нибудь не для себя, а для пользы и утѣшенія другихъ. Отъ того его поля представляютъ прекрасныя картины усовершенствованнаго земледѣлія, а его обширныя лѣса скорѣе похожи на береженные сады, чѣмъ на доходныя статьи, у большей части хозяевъ безжалостно истребляемыя. Онъ радовался, видя тысячи народа работавшаго на его поляхъ, и съ утѣшеніемъ говорилъ, что вокругъ

его имѣній нѣтъ у крестьянъ казенныхъ недоимокъ; а какъ онъ цѣнилъ и награждалъ людей служащихъ у него и своихъ сотрудниковъ,—это видно по тому достатку, которымъ они пользуются, и по тому процвѣтанію здѣшняго города, которое мы видимъ.

Коммерческая дѣятельность почившаго была благотворна для всего здѣшняго края по тому направленію, какое дано было ей, но его благотворительность, обильная здѣсь, далеко разливалась за предѣлы его родины. И трудно перечислить всѣ роды его пожертвованій и всѣ предметы, на которые они простирались. Построеніе храмовъ, открытіе приписныхъ церквей, пріютъ для бѣдныхъ дѣтей, обширныя зданія для учебныхъ заведеній, стипендіи для учащихся въ нихъ, церковно-приходскія школы, духовныя училища, вспомошествованія бѣдному духовенству. пенсіи вдовамъ и сиротамъ, раздачи бѣднымъ при приходскихъ церквахъ—все это было на нашихъ глазахъ, но что дѣлапо было тайно, это вѣдомо единому Богу и тѣмъ, кому благотворилъ онъ. Если его состояніе было обширно, то и благодѣянія текли изъ него во всѣ стороны обильными ручьями.

Но, что составляло высокую нравственную черту въ характерѣ почившаго, это его христіанское настроеніе и глубокое благочестіе. Онъ былъ усердный посѣтитель церковныхъ богослуженій и исполнитель заповѣдей церковныхъ о говѣніи и приобщеніи, что подтвердилось и благоговѣйнымъ принятіемъ святыхъ таинствъ предъ его кончиною. Онъ все начиналъ съ благословенія Божія и молитвы, все приписывалъ милости Божіей и за все благодарилъ Подателя всѣхъ благъ—Бога. Онъ остерегался тщеславія и не имѣлъ пристрастія къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Пользуясь разумно богатствомъ и доставляемыми имъ удобствами, онъ не любилъ пу-

стого блеска и шумныхъ увеселеній. Онъ склоненъ былъ больше доставлять удовольствіе другимъ, и особенно дѣтямъ (которыхъ собиралъ изъ всѣхъ учебныхъ заведеній своего города на увеселительныя прогулки),— чѣмъ исполнять какія-либо собственные прихоти. Онъ дѣлилъ свое время на трудъ и тихое отдохновеніе въ кругу семьи и близкихъ къ нему людей. Въ общемъ складѣ дарованій и убѣжденій—это былъ типъ цѣльнаго русскаго человѣка: уменъ, проникателенъ, остороженъ, набоженъ, щедръ и гостепріименъ. Всѣми корнями своей души онъ твердо стоялъ на почвѣ Православной Церкви, на ея уставахъ и народныхъ преданіяхъ, а въ смыслѣ гражданина—на безграничной преданности Царю и любви къ отечеству. При взглядѣ на него и бесѣдѣ съ нимъ мнѣ часто приходило на мысль: что, если бы всѣ наши ученые и образованные люди такъ крѣпко и въ такой цѣлости хранили свои народные свойства и убѣжденія! Тогда не было-бы видимаго нами нынѣ шатанія и колебаній въ нашей общественной жизни; твердо и прямо шло-бы наше отечество по пути своего историческаго призванія.

Иванъ Герасимовичъ любилъ свой городъ и васъ, его согражданъ. Въ послѣднее время его озабочивала мысль, какъ и чѣмъ-бы обезпечить благосостояніе и процвѣтаніе его роднаго города въ будущемъ. Воздайте ему за его любовь къ вамъ любовію и доброю памятыю. Впишите имя его въ ваши поминальныя „грамотки“ для поминавенія его предъ престоломъ Божиимъ и молитесь объ упокоеніи души его. Призывайте Божіе благословіе на его семейство и оставленныя имъ дѣла и учрежденія, чтобы изъ дома его не изсякалъ потокъ благотворенія, чѣмъ и исполнится его сердечная забота объ обезпеченіи вашего благосостоянія“.

Въ два часа по полудни гробъ покойнаго, дубовый, обитый синимъ

бархатомъ, несли по древнему русскому обычаю, согласно волѣ покойнаго, на нарахъ служащіе и многіе изъ народа, а крышку гроба несли 12 студентовъ Харьковскаго университета, получающихъ стипендіи имени покойнаго; многочисленныя-же ордена и знаки отличія несли на подушкахъ воспитанники Сумскаго реальнаго училища.

Погребальный кортежъ слѣдовалъ по улицамъ, въ сопровожденіи буквально цѣлаго города. Была при этомъ и масса народа изъ селъ и деревень. Смѣло можно сказать, что въ общей сложности присутствовало нѣсколько десятковъ тысячъ. Передъ зданіемъ Натальевскаго пріюта, учрежденнаго на средства покойнаго, печальная процессія остановилась и къ ней, послѣ отслуженной здѣсь краткой литіи, присоединились воспитанницы пріюта. При дальнѣйшемъ слѣдованіи процессія останавливалась около зданія мужской гимназіи, около дома покойнаго, около Николаевской церкви, гдѣ были также отслужены литіи, и, наконецъ, гробъ покойнаго внесень былъ въ соборную церковь, гдѣ настоятель собора, протоіерей о. Никольскій, произнесъ прочувствованное слово. Слѣдуя далѣе мимо Ильинской церкви, около которой также служилась литія, печальный кортежъ остановился близъ зданія реальнаго училища. Въ полсадникѣ, передъ зданіемъ, были выстроены воспитанники училища съ зажженными свѣчами въ рукахъ, а самое зданіе задрапировано чернымъ сукномъ, при чемъ передъ зданіемъ стояли ставники съ зажженными свѣчами и двѣ высокія курильницы съ ладономъ. Тѣло покойнаго внесено было въ полсадникъ и здѣсь директоръ училища произнесъ надъ гробомъ рѣчь, послѣ чего процессія, съ присоединившимися къ ней воспитанниками реальнаго училища, двинулась далѣе къ кладбищу. При входѣ въ кладбищенскую ограду была выстроена громадная арка изъ зелени съ крестомъ наверху, а по пути отъ входа до могилы поставлены двѣ пирамиды, задрапированныя чернымъ сукномъ и три урнами флагами, а весь путь до могилы устланъ былъ также чернымъ сукномъ. Процессія прибыла на кладбище лишь въ 6-мъ часу вечера. Гробъ внесень былъ въ кладбищенскую церковь, гдѣ его встрѣтилъ Высокопреосвященный Амвросій и послѣ литіи, совершенной здѣсь, проводилъ останки покойнаго до могилы. При луномъ сіяніи и блескѣ факеловъ опущено было тѣло покойнаго въ могилу. Еще при жизни И. Г. заказалъ для себя вмѣсто каменнаго склепа простой деревянный срубъ, обитый ко дню погребенія чернымъ сукномъ. Могила его, находящаяся съ правой сто-

роны около церкви, черезъ нѣсколько минутъ послѣ преданія тѣла землѣ, была покрыта сплошной массой всевозможныхъ вѣнковъ, присланныхъ, какъ сообщается въ «Юж. Кр.», въ количествѣ болѣе 200. Въ числѣ вѣнковъ были: металлическій вѣнокъ отъ Харьковскаго университета, доставленный секретаремъ совѣта г. Ильинскимъ, вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ пальмовыми вѣтвями, привезенный депутаціей отъ студентовъ Харьковскаго университета—стипендіатовъ имени покойнаго, серебряныя вѣнки отъ Харьковскаго купеческаго общества и Харьковскаго биржеваго комитета, масса другихъ вѣнковъ отъ служащихъ въ конторахъ и экономіяхъ покойнаго, отъ разныхъ учреждений и отдѣльных лицъ.

— Въ «Правит. Вѣстн.» напечатаны статистическія свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ за прошлый годъ. Въ 1888—89 учебномъ году существовало: церковно-приходскихъ школъ—8,498, школъ грамоты—9,217. Въ 1889—90 учебномъ году: 9,284 церковно-приходскихъ школы (безъ Гродненской губ.) и 9,374 школы грамоты (безъ Гродненской губерніи, гдѣ въ 1888—89 имѣлось 400 школъ). Общее число церковныхъ школъ: въ 1888—89 учебномъ году 17,715; въ 1889—90 учебномъ году 18,658 (безъ Гродненской губ.). вмѣстѣ со школами Гродненской губерніи, число которыхъ, вѣроятно, увеличилось, можно считать, что церковныхъ школъ въ отчетномъ году прибавилось до 1,500. Число учащихся въ 1888—89 году достигало 473,275 обоюга пола, въ 1889—90 году—517,886 обоюга пола (безъ Гродненской губ.)

— Въ устраненіе могущихъ быть злоупотребленій званіемъ учителя церковно-приходской школы и школы грамоты по освобожденію отъ отбыванія воинской повинности и въ предупрежденіе такихъ случаевъ, когда лица, имѣющіи учительское званіе, сами не занимаясь въ сихъ школахъ, поручаютъ вмѣсто себя, на извѣстныхъ условіяхъ, преподаваніе въ школахъ другимъ лицамъ, освобождаясь, между тѣмъ по своему учительскому званію отъ отбыванія воинской повинности, Св. Синодъ, согласно заключенію училищнаго при немъ совѣта, опредѣлилъ: постановить правиломъ, что учителя церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, имѣющіе свидѣтельство на учительское званіе, пользуются льготою, предоставленною п. 3 ст. 63 устава о воинской повинности, лишь въ томъ случаѣ, если они лично преподаютъ въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты не менѣе четырехъ уроковъ ежедневно и при томъ, если въ школѣ, въ которой они состоятъ учителями, имѣется не менѣе 15-ти учащихся.

— По послѣднимъ свѣдѣнiямъ, въ распоряженiе Особого Комитета подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича для помощи нуждающемуся населенiю мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ, поступило прежде всего 200,000 рублей, предназначавшихся на устройство отпѣненныхъ въ текущую зиму придворныхъ баловъ; министромъ внутреннихъ дѣлъ перечислена въ средства Комитета сумма въ 272,121 р. 5 к., въ томъ числѣ: препровожденные къ нему министромъ финансовъ 158,375 руб., собранные С.-Петербургскимъ купеческимъ и биржевымъ обществами, и 100,000 руб., пожертвованные С.-Петербургскою городскою думою; отъ министра государственныхъ имуществъ препровождено въ Комитетъ 10,000 рублей, пожертвованныхъ XVI съѣздомъ горнопромышленниковъ юга Россiи, и 655 руб. 82 коп., собранныхъ чинами министерства государственныхъ имуществъ за ноябрь мѣсяцъ; отъ супруги статсъ секретаря Н. М. Половцевой поступило 50 тысячъ пудовъ ржаной муки и 10 тысячъ джутовыхъ мѣшковъ, а также отъ колыванскаго купца И. М. Иванецкаго 2,000 руб. 5 декабря въ распоряженiе Комитета поступило пожертвованiй на 133,845 р. Великiе Князья Георгiй, Александръ и Сергiй Мпхаловичи пожертвовали 105 тысячъ. Денежныя пожертвованiя для мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ, заявленiя и желанiя жертвовать хлѣбомъ слѣдуетъ адресовать: Петербургъ, въ Особый Комитетъ, состоящiй подъ предсѣдательствомъ Цесаревича.

— Въ большинствѣ учебныхъ заведенiй Петербурга на рождественскихъ праздникахъ, по желанiю самихъ воспитанниковъ, «елки» не состоятъ, а всѣ деньги, расходуемые на нихъ, будутъ предоставлены въ пользу голодающихъ.

— Почти всѣ православныя церкви въ Прибалтiйскихъ губернiяхъ рѣшили отчислить въ пользу голодающихъ отъ 5 до 10% изъ своихъ кружечныхъ сборовъ.

— Волынскiе крестьяне очень сочувственно отнеслись къ положенiю своихъ собратьевъ въ голодающихъ губернiяхъ и выразили это довольно значительнымъ пожертвованiемъ въ пользу голодающихъ, какъ деньгами, такъ и, главнымъ образомъ, хлѣбомъ. Въ сентябрѣ начальникомъ губернiи было сдѣлано предложенiе мировымъ посредникамъ расположить народъ къ сбору пожертвованiй и о покупкѣ хлѣба по возможно низкой цѣнѣ или же займообразно. Этотъ призывъ, а также прочтенiе во всѣхъ церквахъ пзвѣстнаго воззванiя Св. Синода, въ самый короткiй промежутокъ вре-

мени дали хорошіе результаты. До двадцатыхъ чиселъ октября, кромѣ денежныхъ пожертвованій, крестьянами собрано уже около 160,000 чет. яли, считая по 10 пудовъ чет., 1.600,000 пуд. ржи. Изъ этого числа 500 слишкомъ четв., или 5,000 пудовъ пожертвовано безвозмездно, 30,000 четв. (300,000 пуд.) продано по весьма низкой сравнительно цѣнѣ, а именно по 65—80 к. за пудъ въ то время, когда цѣна пуда ржи доходить здѣсь до рубля и дороже, и до 1.300,000 пуд. (около 130,000 четв.) дано займообразно. Если бы каждая губернія, не пострадавшая въ текущемъ году отъ неурожая (а такихъ много), дала голодающему населенію столько же, сколько Волынская, то тогда, пожалуй, продовольственный вопросъ могъ бы считаться близкимъ къ благополучному разрѣшенію.

— По сообщенію столичныхъ газетъ, опубликовано Высочайшее повелѣніе объ открытіи въ неурожайныхъ мѣстностяхъ общественныхъ работъ и образованіи для разсмотрѣнія предположеній особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента экономіи Абазы, въ составѣ министровъ: внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и государственнаго контролера. Генералъ Анненковъ назначенъ завѣдующимъ работами.

— 28-го ноября текущаго года, по газетнымъ извѣстіямъ, состоялось Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ, въ дополненіе къ прежде отпущеннымъ, еще 10.000.000 рублей на устройство въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, общепользныхъ работъ, съ зачисленіемъ этого послѣдняго отпуска безвозвратнымъ расходомъ казны, а еще ранѣе ассигновано на приобрѣтеніе жмыховъ для прокорма скота въ мѣстностяхъ, гдѣ представлялась въ томъ настоятельная надобность, въ общей суммѣ 660.000 руб. и на подкрѣпленіе ослабленныхъ страховыхъ средствъ по нѣкоторымъ губерніямъ, гдѣ введены земскія учрежденія, въ количествѣ 1.900.000 руб.

— Въ «Вѣстникѣ Финансовъ» помѣщена утѣшительная статья, подъ заглавіемъ: «Результаты урожая 1891 года по отношенію къ потребленію». Приводя числовыя данныя размѣровъ потребленія и наличныхъ запасовъ хлѣба, статья эта заключаетъ ихъ выводомъ, что при расчетѣ потребленія на 9-ть мѣсяцевъ, по 1-е іюля 1892 года, запасы хлѣба не только не ниже, но даже выше нормальнаго средняго остатка для потребленія. Въ концѣ статьи говорится: «Въ этихъ условіяхъ полной обезпеченности снабженія до слѣдующаго урожая, настоящія высокія цѣны на хлѣбъ объясняются лишь неравномѣрнымъ распредѣленіемъ въ странѣ

запасовъ и совершеннымъ видоизмѣненіемъ хода снабженія, такъ какъ вывозившія раньше хлѣбъ губерніи нынѣ сами нуждаются въ снабженіи,—видоизмѣненіемъ, къ которому торговля скоро приспособиться не можетъ, и наконецъ, успевшими въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ закупками, повышающими ненормально цѣны. Съ успокоеніемъ торговли и болѣе правильнымъ распредѣленіемъ запасовъ надо ждать пониженія цѣнъ, тенденція къ которому, хотя не повсемѣстно ясно выразившаяся, начинаетъ уже проявляться со второй половины ноября».

— Статистическія учрежденія исчисляють избытокъ урожая текущаго года на Сѣверномъ Кавказѣ и Закавказьѣ, какъ передають нѣкоторыя газеты, въ 80 милліоновъ пудовъ, что составляетъ болѣе одной трети ржи во всей Россіи.

— Среди толковъ о неурожаѣ въ Европейской Россіи странно звучать свѣдѣнія о томъ, что за Ураломъ не знаютъ, что дѣлать съ хлѣбомъ. «Восточное Обозрѣніе» пишетъ: «Рѣдко бываетъ такое благоприятное лѣто для урожая, какъ въ нынѣшнемъ году, въ Сибири. Отъ береговъ Оби и Иртыша до истоковъ Амура всюду прекрасный урожай хлѣба; только часть Тобольской губерніи назначена неурожайною полосой. Въ настоящее время, когда цѣны на хлѣбъ еще колеблются, благодаря распутицѣ, на югѣ Томской губерніи овесъ дошелъ до 12 коп., на югѣ Енисейской—15, въ Иркутскѣ, гдѣ хлѣбъ всегда бываетъ дорогъ, цѣны стоятъ дешевле прошлогоднихъ, которыя казались всегдѣ небывало низкими. Будь такой урожай по ту сторону Урала, это вызвало бы одно всеобщее оживленіе—повышеніе курса, оживленіе промышленности, громадный спросъ на нашъ кредитный рубль за границей для закупокъ нашего хлѣба, новымъ торгово-промышленнымъ предпріятіямъ, быстрое движеніе капиталовъ, словомъ, все признаки общаго благосостоянія и оживленія. Нѣсколько иной видъ имѣеть послѣдствія повсемѣстнаго урожая у насъ, въ Сибири. Громадная, земледѣльческая страна, безъ путей сообщенія, съ рѣдкимъ разрозненнымъ населеніемъ, безъ внѣшнихъ рынковъ, страдаетъ, буквально страдаетъ отъ перепроизводства главнаго своего продукта сбыта—хлѣба. При высокихъ цѣнахъ на уборку хлѣба, при низкой цѣнѣ на продуктъ, земледѣлецъ стоитъ въ недоумѣніи около своихъ громадныхъ хлѣбныхъ сѣвръ и не знаетъ, что дѣлать».

Къ такимъ просто неправдоподобнымъ, но, къ сожалѣнію, дѣйствительнымъ странностямъ приводитъ, какъ замѣчаютъ «Моск. В.», отсутствіе желѣзной дороги, которая должна связать различныя ча-

сти одного и того же народнаго организма. Для рязанскихъ и казанскихъ мужиковъ мы чуть что не покупаемъ хлѣбъ за границей, а тутъ же — вркутскій мужикъ не знаетъ, куда только сбыть свой?

— По полученнымъ Кіевляниномъ свѣдѣніямъ, поздніе озимые посѣвы, подававшіе къ концу октября весьма слабыя надежды на урожай, теперь, послѣ ноябрьскихъ дождей, сопровождавшихся теплою погодою, выглядятъ значительно лучше. Ихъ всходы сдѣлались крѣпче, гуще и даже кустистость ихъ значительно увеличилась. Къ сожалѣнію, почти повсемѣстно крестьяне пасутъ скотъ на озими, и вслѣдствіе нынѣшней влажности почвы, приносятъ этимъ громадный вредъ своимъ посѣвамъ. Озимыя поля во многихъ мѣстахъ Подольской и Кіевской губерній представляютъ собой прекрасную растительность, въ видѣ густой, свѣжей зелени. Посѣвы, давшіе неудовлетворительные всходы въ началѣ осени, теперь стали куститься и обѣщаютъ хорошій урожай. Нѣкоторые же изъ хозяевъ, не успѣвшіе во время засѣять поля, продолжаютъ ихъ обѣмѣнять въ настоящее время.

— По сообщеніямъ мѣстныхъ газетъ, продолжительная оттепель въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Харьковской губерніи благопріятно отразилась на озимыхъ всходахъ. «Юж. Кр.» сообщаетъ о рѣдкомъ въ мѣстной сельско-хозяйственной практикѣ фактѣ: будто бы нѣкоторые крестьяне, воспользовавшись оттепелью, сдѣлали въ концѣ ноября посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ.

— Среди условій, предохраняющихъ отъ неурожая распредѣленіе лѣсной растительности, ея обиліе или скудость занимаютъ или, по крайней мѣрѣ, должны занимать одно изъ выдающихся мѣстъ. Замѣчено, что по мѣрѣ того, какъ ежегодная рубка захватывала тотъ или другой районъ, вода въ нѣкоторыхъ ключахъ убывала, а нѣкоторые и совсѣмъ пересыхали. Но какъ только подростали молодыя деревья, вода въ ключахъ прибывала и вновь текла съ прежнимъ обиліемъ. Такихъ фактовъ множество. Вотъ почему вопросъ объ урожаихъ у насъ во всей южной половинѣ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ рациональнымъ облѣсеніемъ, которое, по замѣчанію «Моск. Вѣд.», должно бы стать немедленно нашею задачей.

— Столичные газеты слышали, что министерствомъ государственныхъ имуществъ будетъ издаваться періодическій сборникъ изслѣдованій нашей кустарной промышленности, въ составъ котораго войдутъ также свѣдѣнія о мѣропріятіяхъ какъ правительственныхъ, такъ земскихъ и общественныхъ учрежденій, для раз-

— По сообщенію нѣкоторыхъ газетъ, министерство народнаго просвѣщенія выработываетъ законопроектъ о введеніи въ программу городскихъ училищъ преподаванія сапожнаго, портняжнаго, столярнаго или кузнечнаго ремесла.

— «Пет. Вѣд.» передаютъ, что въ Петербургѣ проектируется, какъ слышно, специальное общество для развитія въ Россіи книгопечатнаго дѣла во всѣхъ его новѣйшихъ приспособленіяхъ къ практической жизни.

— «Нов. Вр.» передаетъ, что министерствомъ финансовъ вносится на утвержденіе Государственнаго Совѣта слѣдующій, составленный въ окончательной формѣ проектъ учрежденія государственной кассы страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ: Касса учреждается для обязательнаго страхованія рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ не менѣе десяти рабочихъ. Страхуваніе возлагается на хозяевъ. Право на пенсію получаютъ рабочіе, сдѣлавшіеся неспособными къ труду отъ какого-либо несчастнаго случая. Вдовы рабочихъ, умершихъ отъ несчастныхъ случаевъ, получаютъ право на пенсію въ размѣрѣ 50 процентовъ зарабатываемой платы, а дѣти до совершеннолѣтія и замужества—право на пенсію въ размѣрѣ 20 и 15 процентовъ.

— Та же газета передаетъ, что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ представлено на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта вновь составленное дополненіе къ нормальному положенію о земскомъ страхованіи, согласно которому обязательному страхованію будутъ подлежать всѣ безъ исключенія строенія, находящіеся въ чертѣ сельской оцѣдлости, если только означенныя строенія не застрахованы въ какомъ-либо частномъ страховомъ обществѣ. Высшій размѣръ страховой суммы для добровольныхъ страхованій не можетъ превышать $\frac{2}{3}$ ихъ стоимости и общей суммы въ двадцать тысячъ рублей, причемъ выше этой суммы земства не могутъ принимать на страхъ никакихъ строеній. Страховая сумма имущества по особой оцѣнкѣ не должна превышать для строеній перваго разряда—1,000 руб., втораго разряда—800 р., третьяго—600 р. и четвертаго—500 руб.

— Согласно Высочайшему разрѣшенію, въ Петербургѣ состоятся 15 апрѣля 1892 года и продолжатся до 15 мая того же года всероссійская пожарная выставка и съѣздъ пожарныхъ частей. Лица, желающія быть членами съѣзда, приглашаются заблаговременно заявить о томъ организаціонному комитету и выслать ему

на расходы по съѣзду 10 руб., согласно Высочайше утвержденному положенію. Членами съѣзда могутъ быть представители правительственныхъ и общественныхъ учреждений, члены Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, техники и ученые, занятые разработкой пожарныхъ вопросовъ, лица, стоящія во главѣ городскихъ и земскихъ пожарныхъ командъ какъ въ административномъ, такъ и въ распорядительномъ отношеніяхъ, представители вольныхъ пожарныхъ обществъ и командъ и лица, извѣстныя своею дѣятельностію по пожарному дѣлу. Комитету желательно получить заблаговременно отъ названныхъ лицъ указанія на тѣ вопросы, которые они желаютъ возбудить на съѣздѣ, для внесенія ихъ въ списокъ докладовъ съѣзда.

— «Сельскій Вѣстникъ» группируетъ свѣдѣнія, показывающія, что въ очень многихъ мѣстахъ въ народѣ является горячій откликъ на усилія власти сократить пьянство въ неурожайныхъ губерніяхъ. Такъ, въ Мамадышскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, крестьянами составлено 62 приговора о запрещеніи по деревнямъ и селамъ раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ. Во всѣхъ этихъ волостяхъ насчитывается до 70 деревень и поселковъ. Точно также крестьянскія общества въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ, той же губерніи, составили 105 подобныхъ же приговоровъ. Во всѣхъ этихъ волостяхъ насчитывается болѣе 100 деревень и селеній. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, той же губерніи, крестьянскія общества составили 47 приговоровъ о закрытіи по деревнямъ кабаковъ. Во всѣхъ этихъ волостяхъ питейныя заведенія уже закрыты или будутъ окончательно закрыты съ января.

— Обсуждая вопросы о борьбѣ съ пьянствомъ, «Моск. Вѣд.» думаютъ, что мѣры противъ деревенскаго пьянства должны состоять не въ одномъ закрытіи питейныхъ заведеній, а главнымъ образомъ въ надзорѣ за нами, и въ этомъ вся задача. вмѣстѣ съ этимъ, по мнѣнію «Моск. Вѣд.», въ дѣлѣ народнаго пьянства можетъ принести громадную пользу, одновременно съ вышеуказанною мѣрою, духовенство, если оно будетъ вести бесѣды съ народомъ, какъ это предписано Св. Синодомъ, и своимъ духовнымъ вліяніемъ и примѣромъ жизни постарается вразумить народъ, который довольно уже пораспустилъ, но въ которомъ есть еще истинная христіанская вѣра; объ этой то вѣрѣ и пужно почаще напоминать народу, и одна лишь истинная вѣра можетъ уничтожить всѣ дурныя привычки и пороки. Настроенъ должнымъ образомъ народъ, духовенство наше должно повсемѣстно приступить къ организаціи

обществъ трезвости, которыя уже теперь приносятъ столько пользы всюду, гдѣ они образованы.

— Какъ видно изъ свѣдѣній Медицинскаго Департамента Министерства внутреннихъ Дѣлъ о смертности отъ заразныхъ болѣзней, въ теченіе августа настоящаго года умерло отъ оспы больше всего въ губерніяхъ: Вятской, Самарской, Уфимской, Харьковской, Владимірской, Курской, Оренбургской, Петроковской и Саратовской; въ городахъ оспа нигдѣ не достигла большаго развитія, и только въ Лодзи оспенная эпидемія продолжала свирѣпствовать попрежнему и унесла 51 жертву. Южныя и западныя губерніи продолжали страдать отъ значительнаго развитія эпидемій дифтерита и брулы, а именно: Волынская, Екатеринославская, Кіевская, Подольская, Полтавская, Харьковская и Черниговская; въ городахъ же встрѣчались только единичные случаи смерти, кромѣ Лодзи, гдѣ отъ названныхъ болѣзней умерло 40 человекъ. Скарлатина дала большой процентъ смертности въ одной только Вятской губерніи. Въ Бессарабской, Самарской, Тамбовской и Уфимской губерніяхъ оказались значительно развитыя всѣ формы тифовъ. Число умершихъ отъ сибирской язвы довольно велико въ губерніяхъ: Самарской, Екатеринославской и въ землѣ Войска Донскаго. Число умершихъ отъ водобоязни значительно уменьшилось сравнительно съ лѣтними мѣсяцами текущаго года.

— Инфлуэнца во многихъ мѣстностяхъ, какъ передаютъ газеты, далеко не ослабѣваетъ и, какъ оказывается, проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: головной боли, общемъ лихорадочномъ состояніи, боляхъ въ поясницѣ, спинѣ, сочлененіяхъ конечностей; въ болѣе сильномъ развитіи она переходитъ въ острое воспаленіе внутреннихъ органовъ: печени, легкихъ и даже мозга.

— Воронежскій отдѣлъ Московскаго сельско-хозяйственнаго Общества, изучая вопросъ о снабженіи пострадавшаго отъ неурожая населенія дешевымъ суррогатомъ ржанаго хлѣба и замѣнивъ неуродившихся овощей соотвѣтствующимъ матеріаломъ для приправы, — остановился, между прочимъ, на отбросахъ свеклосахарнаго и маслобойнаго производствъ. «Паточно-свекловичный хлѣбъ», испытанный въ теченіе 15 дней надъ 35 рабочими подъ наблюденіемъ врача, оказался вполне здоровымъ, вкуснымъ и настолько питательнымъ и удобоусвояемымъ, что не произвелъ ни малѣйшаго неблагоприятнаго вліянія на организмъ испытываемыхъ рабочихъ.

Хлѣбъ этотъ приговляется изъ муки съ примѣсью диффузіонной рѣзки, т. е. обезсахаренной сахарной свеклы, отжатой на прессѣ и измельченной въ лапшу, и патоки. Въ Россіи въ настоящее время дѣйствуетъ 220 сахарныхъ заводовъ, которыми ежегодно вырабатывается 250 милліоновъ свеклы и получается 125.000,000 рѣзки, значительная часть которой выбрасывается, какъ ненужный матеріалъ, въ канавы и овраги. Воронежскій отдѣлъ Московскаго сельско-хозяйственнаго общества разослалъ всѣмъ сахарозаводчикамъ приглашенія не выбрасывать рѣзку, а консервировать ее для цѣлей народнаго продовольствія. Слѣдуетъ пожелать, чтобы гг. сахарозаводчики приняли къ свѣдѣнію это приглашеніе и не отклонились-бы отъ добраго дѣла. Необходимо также, чтобы земства неурожайныхъ губерній испробовали-бы поскорѣй предлагаемый суррогатъ и если онъ окажется болѣе пригоднымъ, чѣмъ другіе, то рекомендовали бы его народу.

— Вопросъ о замѣнѣ хлѣба различными суррогатами обсуждается теперь не только въ сельско-хозяйственныхъ, но и во всѣхъ ученыхъ обществахъ. На-дняхъ вопросъ этотъ былъ затронутъ въ обществѣ рыболовства и рыбоводства г. Гриммомъ, который указалъ на новый питательный продуктъ въ видѣ рыбы хамсы. Рыба эта водится въ Черномъ морѣ; бури выкидываютъ иногда на берегъ цѣлыя горы хамсы и послѣ такихъ бурь на берегу Кавказа, на протяженіи многихъ верстъ, тянутся стѣны выброшенной рыбы до двухъ сажень вышиною. Вотъ эту-то рыбу, выбрасываемую на берегъ въ милліонахъ пудовъ, г. Гриммъ и предлагаетъ эксплуатировать въ видѣ корма для людей и скота. Мѣстное населеніе Чернаго моря почти не эксплуатируетъ хамсу, вслѣдствіе чего цѣна на нее не превышаетъ четырехъ копѣекъ за пудъ. Ловъ хамсы начинается съ ноября и продолжается до мая. Этими временемъ; самымъ труднымъ для нуждающагося населенія, и слѣдуетъ воспользоваться. Рыба какъ извѣстно, менѣе питательна, чѣмъ мясо, но она во всякомъ случаѣ гораздо питательнѣе и ужъ, конечно, вкуснѣе тѣхъ суррогатовъ, которыми питается теперь голодающее населеніе. Притомъ же хамса настолько дешева, что не воспользоваться ею просто грѣшно. Необходимо теперь же начать сушить ее и отправлять въ мѣстности, постигнутыя неурожаемъ; цѣна пуда хамсы вмѣстѣ съ провозомъ обойдется отъ 20 до 30 копѣекъ. Голодающее населеніе само начать пользоваться ею, конечно не можетъ, ибо и недозрѣваетъ даже о существованіи дешевой хамсы, по этому позаботиться объ этомъ должны земства; они должны, по мнѣнію

«Юж. Кр.», вынискать для пробы хамсы и распространять ее среди голодающаго населенія.

— Въ послѣднее время землевладѣльцемъ Кіевской губ. В. И. Пихно изобрѣтенъ новый плугъ. Какъ видно изъ подробнаго описанія этого плуга, его конструкція въ высшей степени проста: онъ не имѣетъ ни рѣзца, ни лемеха, ни отвала. Главная часть его заключается въ поставленномъ подъ извѣстнымъ угломъ выгнутомъ дискѣ. Новый плугъ, весьма небольшой по размѣрамъ, пашетъ землю на глубину до 6-ти вершковъ и можетъ брать пластъ до 6-ти вершковъ ширины. Запряжка плуга производится въ дышло, которое, въ то же самое время, при помощи остроумнаго приспособленія, является регуляторомъ глубины вспашки. Во время самаго процесса пахоты дискъ углубляется въ почву на желаемую глубину и своимъ круговращательнымъ движеніемъ отваливаетъ пластъ и при этомъ раздробляетъ его. Предстоящее новому плугу громадное значеніе для нашего сельскаго хозяйства заключается, по словамъ «Вѣстн. Р. С. Х.», главнымъ образомъ, въ томъ, что для движенія его потребны всего лишь двѣ лошади средней силы. На испытаніи плугъ г. Пихно, запряженный парюю простыхъ экономическихъ лошадей, шель совершенно свободно, и у лошадей не замѣчалось даже и тѣни усиленнаго напряженія, какое всегда можно наблюдать, при вспашкѣ плугами иной конструкціи. Малое количество рабочей силы, потребное для движенія плуга г. Пихно, составляетъ его, по истинѣ, драгоцѣнное качество. Хорошо извѣстно, что масса нашихъ хозяйствъ болѣе всего страдаетъ недостаткомъ рабочаго скота, благодаря чему многія хозяйственныя работы не могутъ быть своевременно произведены. При введеніи въ употребленіе плуга г. Пихно, рабочая сила имѣнія, призмѣнительно къ вспашкѣ, сразу удваивается, безъ всякихъ затратъ на покупку новаго скота. Возможность, при наличности того же количества рабочаго скота, окончить вспашку вдвое скорѣе, противъ нынѣшняго, дастъ тѣмъ самымъ возможность быстрѣе оканчивать и всѣ остальные хозяйственныя работы, требующія участія рабочихъ силъ животнаго. Второе весьма серьезное удобство плуга г. Пихно заключается въ томъ, что онъ снабженъ сидѣньемъ для пахаря. Сидѣнье это, составляя необходимую принадлежность новаго плуга, такъ какъ вѣсь пахаря, въ данномъ случаѣ, необходимымъ для приданія плугу тяжести, углубляющей рѣзцы диска въ почву, служитъ также громаднымъ облегченіемъ для пахаря, ибо избавляетъ его отъ необходимости хожденія за

плугомъ въ продолженіе цѣлаго дня. Это обстоятельство также должно не мало способствовать успѣху вспашки новымъ плугомъ, такъ какъ очень часто усталость пахаря является причиною и частыхъ остановокъ плуга, и ранняго окончанія работъ.

— Въ Одессѣ образовалось Общество фотографовъ, которое, между прочимъ, поставило себѣ цѣлью фотографированіе всѣхъ имѣющихся на югѣ Россіи памятниковъ древности. По этому поводу новое Общество вошло уже въ соглашеніе въ Обществомъ исторіи и древностей.

— «Наука и Жизнь» сообщаетъ, что на выставкахъ, устраиваемыхъ спиритами, какъ извѣстно, рядомъ съ различными продуктами «матеріализаціи» и письмами духовъ, всегда можно видѣть и фотографіи этихъ безплотныхъ существъ, производяція особенно сильное впечатлѣніе на невѣжественную публику. Подобныя фотографіи обыкновенно изображаютъ какого-нибудь человѣка, сидящаго у стола въ задумчивой позѣ; возлѣ же него или у другаго конца стола виднѣтся «призракъ» или «тѣнь» человѣка, дѣйствительно не имѣющаго плоти, такъ какъ съвозъ него можно видѣть стоящіе позади стулья или стѣну комнаты и т. п. Одинъ изъ изготовителей такихъ «убѣдительныхъ» фотографій «духовъ» въ настоящее время подробно описываетъ способъ фотографированія, позволяющій легко воспроизводить эти «чудеса» всякому, имѣющему потребный приборъ. Положимъ, требуется изображеніе «медіума» съ духомъ старика. Расположивъ надлежащимъ образомъ двухъ человѣкъ подходящаго возраста, изготовляютъ медленно дѣйствующій негативъ, напримѣръ, такой, при которомъ для полнаго развитія снимка потребно шесть секундъ. Модель духа удаляютъ изъ группы черезъ двѣ секунды; медіума же и обстановку оставляютъ передъ чувствительнымъ стекломъ еще четыре секунды. Послѣ этого медіумъ и всѣ окружающіе предметы выходятъ на позитивѣ очень отчетливо, старикъ же—въ видѣ тѣни или безплотнаго существа, черезъ которое могъ бы свободно продувать съвозной вѣтеръ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПЕЧАТАЕТСЯ

составленная преподавателемъ Харьковской Духовной Семинаріи *С. Булаковымъ*

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЕЙ.

О времени выхода книги въ свѣтъ будетъ объявлено въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ»

Цѣна книги пять рублей.

ВѢСТНИКЪ РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА,

состоящаго подѣ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Въ 1892 году Вѣстникъ, какъ и донныи, будетъ выходить еженедѣльно съ Приложеніемъ и безъ Приложенія. Программа изданія остается прежняя. Приложенія будутъ состоять изъ ежемѣсячныхъ книгъ „Досугъ и Дѣло“. Въ газетѣ, какъ и во всѣхъ другихъ газетахъ, будутъ помѣщаться статьи, касающіяся событій и происшествій текущей жизни какъ у насъ, такъ и за границею, разныя полезныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ, а также повѣсти и рассказы. Для статей же, которыя по большому объему своему, не могутъ быть помѣщены въ газетѣ, будетъ удѣляться мѣсто въ Приложеніи, которое въ годъ составитъ 12 книжекъ, всего не менѣе 120 листовъ или 2000 страницъ четкой и убористой печати

Въ каждой книжкѣ будутъ помѣщаться рисунки, СДѢЛАННЫЕ КРАСНАМИ.

Всѣ, выписывающіе Вѣстникъ и Приложеніе, получаютъ премію, состоящую изъ большой, сдѣланной красками, картины, а лица, волостныя правленія, сельскія общества, благочинныя и всякаго рода школы, выписывающія Вѣстникъ съ Приложеніемъ въ числѣ десяти экземпляровъ, получаютъ безплатно выпускъ Альбома картинъ Зимняго дворца, состоящій изъ четырехъ большихъ картинъ.

При редакціи же Досугъ и Дѣло съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія издается, сдѣланный красками:

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА,

состоящій изъ двухъ выпусковъ: первый выпускъ: 1) Подвигъ Архипа Осипова, взорвавшаго пороховой погребъ; 2) Спасеніе знамени; 3) Подвигъ рядоваго Бондаренки; 4) Атака Лубенскихъ гусаръ въ послѣднюю войну.

Второй выпускъ состоитъ изъ четырехъ слѣдующихъ картинъ: 1) Подвигъ рядоваго Кореннаго въ 1813 году; 2) Подвигъ дивизіи Невѣровскаго въ 1812 году; 3) Штурмъ крѣпости Ардагана въ 1877 году; 4) Геройская смерть маіора Горталова на Зеленыхъ горахъ въ 1877 году.

Цѣна каждаго выпуска отдѣльно для подписчиковъ на Досугъ и Дѣло, а также на Вѣстникъ Краснаго Креста 5 р.; съ пересылкою 5 р. 50 коп., для прочихъ 6 руб.; съ пересылкою 6 р. 50 коп.

Четыре картины: Подвигъ Архипа Осипова, Спасеніе знамени, Подвигъ Кореннаго и Подвигъ Бондаренки могутъ быть приобрѣтаемы отдѣльно каждая по 1 р. 50 к. безъ пересылки и по 2 р. съ пересылкою.

Картины одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЛѢДУЮЩАЯ:

На одну газету „Вѣстникъ Краснаго Креста“	3 р. 25 к.
На Приложеніе (Досугъ и Дѣло)	4 „ — „
На газету и журналъ „Досугъ и Дѣло“ вмѣстѣ	7 „ 25 „

Подписка какъ на газету, такъ и на журналъ, адресуется въ С.-Петербургъ въ редакцію „Вѣстникъ Краснаго Креста“ и „Досугъ и Дѣло“

Въ редакціи можно получать изданія вполне пригодныя какъ для школъ всякаго рода, такъ и для взрослыхъ.

Каталогъ всѣмъ книгамъ, изданнымъ редакціею для народнаго чтенія и для школъ всякаго рода высылается по требованію бесплатно.

Вѣстникъ Россійскаго Общества Краснаго Креста одобренъ и рекомендованъ Министерствами: Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Военнымъ, а также Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ.

Знакома русское общество съ широкою и благотворною дѣятельностью Краснаго Креста, во главѣ котораго стоитъ Августѣйшая Покровительница ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА, Вѣстникъ въ то же время даетъ полезный матеріалъ для народнаго и дѣтскаго чтенія; строгій выборъ котораго не можетъ не интересовать пастырей и воспитателей, усилено заботящееся о выборѣ для народа и дѣтей такого матеріала для чтенія, которое бы внушало благоговѣніе къ религіи, любовь и преданность къ Церкви, Престолу и Отечеству

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЧЕРНИГОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ

ВЪ 1892 ГОДУ.

„Черниговскія Епархіальныя Извѣстія“, Господу поспѣшествующу, будутъ издаваемы въ 1892 году по прежней, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ, въ составѣ двухъ частей—оффиціальной и неоффиціальной—два раза въ мѣсяцъ.

Цѣна за годовое изданіе 4 руб. 50 коп.

Адресъ: Въ г. Черниговъ. Въ Редакцію Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій.

По сему же адресу, а также отъ автора Черниговскаго Каѳедральнаго Протоіеря Іоанна Платонова, можно выписывать слѣдующія книги:

1) „Способы православно-христіанскаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и обученія ихъ Закону Божию въ начальной школѣ“. Изд. 3-е 1890 г. Цѣна съ перес. 55 коп. Книга эта удостоена похвальнымъ отзывомъ отъ Высшаго Начальства.

2) „Житіе и подвиги святителя Θεодосія Углицкаго, Архіепископа Черниговскаго“. Съ изображеніемъ Святителя. Цѣна съ пересылкою 15 коп.

3) „Новыя чудеса отъ мощей Святителя Θεодосія Углицкаго, Архіепископа Черниговскаго. Цѣна съ перес. 20 коп.

БИБЛИОГРАФЪ

1892.

ИЗДАНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ

Годъ V-й.

(12 №№ въ годъ).

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАТЬ для основан. библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для приобретенія въ фундаментальныя библиотeki духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библиографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; исторія, теорія и практика книгвѣдѣнія; библиотечное, издательское и книжоторговое дѣло прежде и теперь; хроника книгвѣдѣнія. Вопросы и отвѣты.

Отд. 2-й (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ периодическихъ изданіяхъ; 3) *Rosica* (указатель иностранныхъ сочиненій о Россіи); 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библиографическія извѣстія и объявленія.

Съ основанія „Библиографъ“ въ немъ приняги участіе:

В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. П. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Шляевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. П. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, проф. М. А. Дьякоповъ, Г. Г. Змигродскій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, проф. А. С. Лапко-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, акад. Л. Н. Майковъ, А. Г. Малеинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морозовъ, Н. Н. Оглобинъ, проф. С. Ѳ. Паатовъ, Н. И. Поздняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташницкій, Ѳ. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устиновичъ, Н. Д. Чечулинъ, Н. А. Шляпкинъ, проф. Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

✽ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ✽

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р., отдѣльно номеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; $\frac{3}{4}$ стран.—6 р. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран. 4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ стран.—2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран.—1 р. 50 к.

≡ О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Сиб. Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гл. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: Сиб., Забалканскій (Обуховскій) просп., д. 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полныя комплекты „Библиографъ“ за прошлое время съ 1885 г. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовою

экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, № 1, 2 и 3. Ц. по 60 к. 2) Библиографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Мефодіи. Ц. 40 к. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библиографическій указатель произведеній Сѣрова. II Библиографическій Указатель литературы о Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 р. за вып. 4) Библиографич. списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. Вестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 к.—Книготорговцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Ю Ж Н Ы Й К Р А Й“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО:

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агенства“. V. Последнія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, последняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редація имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской фамилии, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющія отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ пересылк. иногородн.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціею.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Краѣ“, на Николаевской площади, въ домѣ Штры.

Редакторъ-Издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(3-й годъ изданія)

на общепонятно-научный, иллюстрированный еженедѣльный журналъ

„НАУКА И ЖИЗНЬ“

Единственный въ Россіи журналъ, дающій возможность не-специалистамъ слѣдить за успѣхами всѣхъ отраслей точнаго знанія.

Текстъ иллюстрируется роскошными гравюрами, изъ коихъ мно-гія исполнены въ Парижѣ. Въ годъ дается до 500 гравюръ.

Выходитъ еженедѣльно, по субботамъ, каждый № въ два печат-ные листа на превосходной веленовой бумагѣ.

Подробная программа журнала:

- 1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и про-мышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія.
- 2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство.
- 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библио-графія.
- 4) Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый ящикъ.
- 5) Вся-кіе рисунки, относящіеся къ тексту.
- 6) Объявленія.

Согласно увѣдомленію Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 1 мая 1891 г., за № 7669, журналъ „НАУКА И ЖИЗНЬ“ ученымъ комитетомъ сего Министерства „Одобрень для ученическихъ (старшаго возраста) библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народ-наго Просвѣщенія“.

Въ будущемъ 1892 году предполагаются значительныя улучшенія и из-мѣненія, съ цѣлью сдѣлать текстъ еще болѣе общепонятнымъ, безъ ущер-ба строго научному направленію. Отдѣлъ сельскаго хозяйства значительно расширяется, съ цѣлью избавить небогатыхъ подписчиковъ отъ выписки дорогихъ и непонятныхъ, по специальному изложенію, журналовъ.

Оставшіеся за 1890 годъ полныя экземпляры высылаются по уменьшенной цѣнѣ—за три рубля.

Новые подписчики на 1891 годъ получаютъ съ № 1.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ ПЯТЬ руб. и на полгода ТРИ рубля.

№ для ознакомленія высылается за двѣ 7 коп. почтов. марки.

Адресъ: Москва. Въ редакцію журнала „Наука и Жизнь“ (Ма-лая Дмитровка, д. Шильдбахъ).

Принимается подписка на 1892 годъ.

„БЛАГОВѢСТЪ“

повременное изданіе, имѣющее цѣлью выясненіе духовно-правственныхъ стремленій и задачъ и бытовыхъ условій жизни Россіи и остального Славянства, издается съ 15 Августа 1890 г. подъ непосредственнымъ руководствомъ *Ав. В. Васильева*. Сотрудники: *Архим. Антоній* (Храповицкій), *Н. П.* и *Ф. П. Аксаковы*, *С. Ф. Шарановъ*, *А. Г. Сахарова*, *В. Н. Филипповъ*, *о. Іосифъ Фудель*, *К. И. Обыденъ*, *А. В. Круловъ*, *Н. А. Пановъ*, *А. Е. Заринъ*, *Римъ*, *Л. М. Медведъ*, *А. А. Коринѣвскій*, *Я. Егоровъ*, *А. Шитовъ*, *П. Тихоновъ* и др. Особенное вниманіе будетъ удѣлено вопросамъ: воспитанія, улучшенія общественной нравственности, устраненія нищеты и организаціи труда.

ЦѢНА съ ДОСТАВКОЮ и ПЕРЕ-
СЫЛКОЮ:

Съ 15 августа 1891 г. по
1 января 1892 г. . . . 2 р. — к.
Съ 15 августа 1891 г. по
15 августа 1892 г. . . . 5 р. — к.
Съ января 1892 г. по 1-е
января 1893 г. . . . 5 р. — к.
Отдѣльному выпуску . . . — , 20 к.

Издательница А. В. Васильева

ОБЪЯВЛЕНІЯ помѣщаются въ

«БЛАГОВѢСТЪ» на слѣд. условіяхъ:

за цѣлую страницу . . . 25 р. — к.
за полстраницы 15 р. — к.
построчно за мѣсто, занимаемое
одною строкою
летита въ столбцѣ . . . — , 25 к.

„БЛАГОВѢСТЪ“ за 1890 г. съ руководящими статьями *Ав. Васильева* „Задачи и стремленія славянофильства“, и *Н. Аксакова*—„Причины невѣрія“, высылается за 2 руб.

Подписныя деньги и плату за объявленія, а также статьи, повременныя изданія и книги въ обмѣнъ и для отзывовъ просить посылать въ Кормило (редакцію) „Благовѣста“. Петроградъ. Пет. ст., Больш. пр. д. 1.

Отдѣленія для приѣма подписки и объявленій: въ Петербургѣ при Руско-славянскомъ книжномъ складѣ: Невскій, 74; въ Москвѣ при книжной торговлѣ Тихомировой: Кузнецкій Мостъ, д. Тверскаго подворья.

Подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», и кромѣ того въ Москвѣ: у *Н. Печковской*, *Петровскія янши*, и у *И. Ф. Пайкова*, *Тверская*, *Чернышевскій переулокъ*.

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія:

1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики.
2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ.
3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ).
4. Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.).
5. Телеграммы.
6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной).
7. Корреспонденціи.
8. Новости науки, литературы и искусства.
9. Внутреннія извѣстія.
10. Внѣшнія извѣстія.
11. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, очерки научныя, историческіе и т. п.).
12. Библиографическія замѣтки.
13. Смѣсь.
14. Справочный отдѣлъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ пересылкой	10 —	9 50	9 —	8 —	7 —	6 20
Съ доставкою въ Харьковѣ	9 25	8 50	8 —	7 —	6 50	5 50
Безъ доставки.	8 25	8 —	7 50	6 50	6 —	5 25
	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ пересылкой	5 75	5 —	4 —	3 —	2 10	1 20
Съ доставкою въ Харьковѣ	5 —	4 —	3 50	2 50	2 —	1 —
Безъ доставки.	4 50	3 75	3 —	2 25	1 50	— 80

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по-полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Вѣ~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.